

ОЛЕГ ДИВОВ ХРАБР

ОЛЕГ ДИВОВ
ХРАБР

ОЛЕГ
ДИВОВ

•

i

ОЛЕГ ДИВОВ

ХРАБР

МОСКВА

ЭКСМО

2006

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Д 44

Оформление *A. Сауков*

Д 44 **Дивов О. И.**
Храбр: Фантастический роман / О. И. Дивов. —
М.: Эксмо, 2006. — 352 с. — (Мир Былин).

ISBN 5-699-18663-8

Он знает цену золоту, но выше ставит дружбу, а всего выше — долг перед Родиной. Верует в Господа, но побаивается старых богов. Говорит на нескольких языках и сражается любым оружием. У него своеобразное чувство юмора, и он очень добрый. Неравнодушный, живой, в чем-то весьма ранимый человек. Храбр по имени Илья Урманин.

Он живет в мире, где «людьми» называют лишь свободных.
Это мир Древней Руси.

Новая книга Олега Дивова — опыт глубокого погружения в этот яркий и сложный мир. Чтобы рассказать о нем простыми и честными словами, понадобился особенный герой. На самом деле Илья Урманин знаком вам с детства, только вы еще не видели его таким. Сейчас князь выпустит Илью из погреба — и тут герой себя покажет. Ему предстоят затеи, каких раньше не бывало, и чем он побеждит, никому не ведомо.

Узнайте, как все было на самом деле. Не пожалеете.
Или пожалеете, но будет уже поздно.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-18663-8

© Дивов О. И., 2006
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2006

Часть первая

ХРАБР

Открылась низкая дверца, в подвал дохнуло морозом.

— Давай, выходи, — позвали снаружи.

В тесном узилище кто-то заворочался, кряхтя и сопя.

— Да выходи уже!

Из подвала в ответ рыкнули, глухо и недобро.

— У тебя медведь там? — на дворе хохотнули.

— Хуже медведя... Эй! Ну выходи скорее, князь тебя хочет.

Сквозь дверцу полезло нечто бурое и мохнатое.

— Ой, ё! — только и сказал шутник. Раздались быстрые удаляющиеся шаги.

— Гы! — отозвался стражник.

Нечто выкарабкалось из подвала, распрымилось во весь рост и оказалось человеческим существом. Нечеловеческих размеров — выше стражника на голову и вполовину шире плечами. Густая бурая грива и нечесаная борода скрывали лицо, вперед из буйных зарослей торчал крупный облупившийся нос. Существо куталось в медвежьи шкуры, свисавшие до пят. Внизу из-под шкур

виднелись громадные ступни, замотанные в какие-то тряпки. А на уровне груди — кисть руки, страшная, с неестественно длинными пальцами. В руке существо держало огромные сапоги.

— Живой! — удовлетворенно заключил стражник и оглянулся.

Скрипя утоптаным снегом, по двору шел, переваливаясь, как утка, князь.

Существо, не нагибаясь, поставило сапоги на земль. Расчесало пятерней волосы на физиономии. Задрало голову к небу и прищурилось на утреннее солнышко. Со свистом втянуло ноздрями воздух. Закашлялось, сплюнуло на снег, утерлось.

— Ты князю не перечь, — посоветовал стражник.

Существо опять сплюнуло, уже прицельно.

— Чего он? — спросил князь, подходя.

— Ничего. — Стражник низко склонился в поклоне. — Живой, здоровый.

Князь встал перед узником, сложил руки на толстом животе и покачался с носка на пятку. Дышал он тяжело, ему было трудно носить лишний вес.

— Иди, — сказал князь стражнику. Тот поспешно удалился, на ходу отряхивая рукав и недовольно шипя.

Князь буравил существо взглядом. Существо молчало, хлюпая носом. Некоторое время на дворе были слышны только одышка князя и сопение узника.

— Ну? — спросил князь.

Существо закашлялось.

— Образумился?

Существо перестало кашлять, далеко сплюнуло в сторону и что-то нечленораздельно буркнуло.

— Вижу, образумился.

Существо приглушенно взрыкнуло.

— А ты не балуй, — посоветовал князь. — Чтоб ты знал: я зла не держу на тебя. Ну покуролесил, с кем не бывает.

Существо то ли хрюкнуло, то ли хмыкнуло. Опять запустило пятерню в волосы, отдернуло свалившуюся челку, на князя уставились сверху вниз острые и злые серые глаза.

— Ишь, зарос... — сказал князь почти ласково. — Зверюга. Слушай, ты нужен. Послужи-ка, ага?

Существо, нависая над князем, фыркнуло так, что тот попятился.

— Затея предстоит трудная и опасная. — Князь утерся рукавом. — Плеваться ты хорош, вижу. Припомни теперь, что умеешь драться.

Существо полезло рукой под шкуру и принялось там шумно скрестись.

— Кроме тебя, этого не сможет никто, — сказал князь.

Существо на миг перестало чесаться и поглядело на князя с некоторым любопытством.

— А за мной не пропадет, сам знаешь, — добавил князь. — Сделаешь — проси чего хочешь. И уж пир тебе почестен закатим будь здоров.

Существо засунуло руку под шкуру глубже, пытаясь достать до спины.

— На пиру со мной рядом сидеть будешь, — пообещал князь. — Повторяю: зла на тебя не держу. Справишься — все станет по-прежнему. Не справишься... Нет, лучше бы справился! Возьмешь на подмогу самых опытных, из старшей дружины, Добрыня распорядится. Только помохи тебе от них особой не будет, я думаю... Твое это дело, понял?

Существо почесало-таки спину, запахнулось в шкуру плотнее, захрипело горлом, кашлянуло и вдруг пробасило вполне членораздельно:

— В баню бы...

— Значит, договорились... Илья. — Князь осторожно потрепал существо по шкуре, повернулся и заковылял обратно к терему, на ходу отряхивая рукав.

Существо по имени Илья шумно харкнуло ему вслед. Князь оглянулся через плечо. Илья помотал головой, давая понять, что это просто так, с отвычки от чистого воздуха. Князь ухмыльнулся криво и ушел.

Илья поднял с земли сапоги и взвесил их в руке, будто примериваясь, не зашибить ли кого. Он стоял посреди двора совсем один — только в отдалении, возле теремного крыльца да у ворот переминались с ноги на ногу подмерзшие стражники.

— Доброго утра, брат крестовый, — раздалось сзади.

— И тебе, — прогудел Илья, не оборачиваясь.

Помахивая сапогами, он медленно зашагал к воротам.

— Баня готова, иди парься, — сказал, нагоняя Илью, высокий широкоплечий боярин, варяг на первый взгляд. Почти такой же крупный, как Илья, только в его огромности не было ничего столь угрожающе-нечеловечьего. Из-под распахнутой длиннополой шубы греческого края виднелась алая варяжская рубашка, шитая золотом.

— Оружие твое и броня здесь, я решил, так сохранинее будет. Микола сыт и одет, Бурка на княжей конюшне вполне обиходжена, скучает только.

Илья остановился. Поставил сапоги на снег. Воткнул два пальца в бороду, дунул и издал оглушительный свист, резкий, с железным оттенком. Стражники у ворот подпрыгнули. Издалека донеслось в ответ негромкое кобылье ржание.

— Вот-вот, — сказал боярин, ковыряя пальцем в ухе. — Очень похоже. Только он свистит так, что кровь стынет в жилах.

Илья оглянулся на боярина и вопросительно шевельнул бородой.

— Да завелся тут... Разбойник. У Девятидубья. Вышел из леса на дорогу. Громадный, соловой масти. И ладно бы один. Семья целая.

Илья поднял сапоги и продолжил свой мерный шаг со двора. Впереди засуетились стражники, отворяя ворота.

— Зима лютая, — сказал боярин. — Плохая зима. Думаю, в этом дело. Им в лесу жрать нечего, вот и полезли к дороге кормиться. А там как

назло место узкое. Они сначала на дороге разбойничали, ели коней, побили людышек человек пять. Дорога сразу всталла, ни туда, ни сюда. А потом... Потом они съели Девятыдубье.

Илья остановился снова. Встал и боярин.

— Князь послал в Девятыдубье дружицу малую, — сказал он. — Без толку. Этот разбойник пугает свистом коней, а когда пеший к нему приблизится, он и человека глушит. Не выносят, бегут человечки. Те, которых ему лень догнать и задрать. Распробовал белое мясо, полюбил его, нечисть такая... Тварь.

Илья молчал, о чем-то думая.

— Прогони его, Ульф, — попросил боярин. — Кроме тебя некому.

— Я убью его, Торбъёрн, — сказал Илья.

* * *

В тереме у слюдяного окошка стоял пожилой грек в дорогой сутане и тянул шею, силясь рассмотреть двоих великанов, беседующих у ворот.

— Значит, это и есть Ульф Урманин?

— Теперь его зовут Илья, — сказал князь.

— Ну и чудище... Откуда он такой взялся?

Князь что-то согнал с рукава щелчком.

— Родители Ильи пришли на Русь через Холмогоры, это все, что я знаю. Мать уже была в тягости. Можно догадаться, что случилось, но... Там, откуда он родом, о таком не говорят.

Грек внимательно посмотрел на князя.

— А здесь — говорят? — спросил он.

— Здесь таких убивают сразу после рождения.

Иногда вместе с матерью.

— Это правильно, — сказал грек.

Князь задумчиво почесал толстую шею.

— Так и следует поступать, — сказал грек.

Князь отвернулся и тоскливо зевнул.

— Давайте о наших делах, — предложил он. —

Отправитесь в Ростов завтра. Вас сопроводят четверо храбров, они полностью в вашем распоряжении. И достаточно сильная дружина, чтобы... Чтобы все было хорошо.

— Добрыня?.. — грек мотнул головой в сторону окна.

— Добрыня нужен мне здесь. Послушайте, Ростов все-таки не Новгород.

— Да, но преподобного Федора ростовчане хотели убить.

— Хотели. Не убили ведь.

Грек снова посмотрел за окно.

— Не понимаю, — сказал он. — Вон какое чудовище — и то крестилось.

— Это как раз ничего не значит. Илья все-таки урманин. Урмане считают, что на каждой земле свои боги и надо поклоняться местным, а то они спокойно жить не дадут.

Грек неприязненно скривился.

— Народ здесь не против Христа, — сказал князь. — Ни ростовчане, ни даже новгородцы не были против. Дело не в вере. Они просто всегда упираются, такая у них природа. На Руси если надо что-то быстро устроить, приходится отдавать

указы дубиной. Иначе с тобой согласятся очень не скоро. Поверьте, я знаю. Это особенный народ, преподобный Леонтий. Недаром он так дружен с варягами.

— Если дело не в вере, — едва заметно усмехнулся грек, — зачем вы приказали свергнутых идолов протолкнуть через речные пороги?

— Как зачем... — Князь недоуменно поднял брови. — Боялся, что застрянут.

— Ну-ну. — Грек усмехнулся уже в открытую.

— Все будет хорошо, — сказал князь. — Кстати, я внял вашему совету и поговорил с летописцем. Он... Осознал свою задачу. Ему не впервые.

— Вы мудры, князь. — Грек слегка поклонился.

— М-да... Однако же я попросил бы вас, преподобный Леонтий... О некоторой осмотрительности там, в Ростове.

— Вы сами противоречите себе. То про дубину, то про осмотрительность.

— Мне кажется, преподобный Федор был чеснок настойчив. Здесь уважают крепкую руку, пока она совсем не взяла за горло.

— Не поймите меня неправильно, князь... Вы поэтому так нянчитесь со своим Ильей? Я слышал, он злоумышлял против вас.

— Ничего он не злоумышлял. Просто слегка побуянил. И он не мой Илья. Он свой Илья. Приходит и уходит. Если захочет совсем уйти со службы... Нет, я не обрадуюсь, потому что Добрыня расстроится. Добрыня его любит.

Грек опять глядел во двор. Князь горой трудно дышащего мяса надвинулся на сухонького лош-

ного епископа и поверх его плеча уставился в окно. На дворе стражники распахнули ворота настежь перед огромным воеводой и громадным храбром. Храбр, опасно размахивая сапогами, что-то рассказывал воеводе, а тот кивал, на ходу отряхивая рукав.

— Ворота — из уважения, конечно? — спросил грек.

— А как же, — подтвердил князь. — Все равно эти двое не пролезут через калитку. Поди таких не уважь.

Грек покачал головой.

— Добрыня великий муж, — сказал он. — Но это чудище...

— Да, Илья не знатен, он, в общем-то, никто, — проговорил князь жестко. — И много себе позволяет.

— Тогда почему...

— Поэтому я его наказываю, — перебил князь. — Но он как ребенок. Они все, храбры, как дети. Поэтому я их прощаю. И прощенные, они служат еще лучше. Попробуйте и вы так с ростовчанами.

— Бог простит, — сказал грек и перекрестился.

— Ну-ну. — Князь хмыкнул. — Преподобный Федор то же самое говорил.

* * *

Обычно храбр держал трех коней — прогонного, тяглового и для сечи. И свиту человек пятьдесят, когда хлопов, когда из смердов. Но Илья,

у которого все было не по-человечески, выделялся даже тут. И ездил он, и дрался на огромной ко-быле Бурке, а оружие и пожитки сопровождали его на телеге, которой правил молодой Микола по прозвищу Подсокольник, единственный нынче челядин Урманина. Лет пятнадцать назад Илья привез на Соколиный Хутор крошечный пищащий сверток — сказал, нашел на обочине у разграбленного обоза. Бросил хуторскому старосте гривну серебра, выпил одним глотком кувшин медовухи и уехал. Староста потом долго бродил по двору с этой гривной, баюкая ее как младенца, хуторяне опасались даже, не тронулся ли он умом, но обошлось.

А еще лет через десять или одиннадцать явился на киевскую заставу мальчишка, пробрался к Илье в шатер и сказал — здравствуй, храбр. «И чего?» — спросил Илья. «Да я Микола, ты меня под Соколиным нашел». «И чего?» — повторил Илья. «Да ничего», — сказал Микола и пошел заниматься хозяйством. Холопы вытолкали его взашей, но мальчишка оказался настырный и кусачий. Еще через год Илья отпустил холопов без выкупа, а Микола остался.

Теперь это был не по годам крепкий и не по годам же деловитый парубок, ревниво оберегавший своего храбра от любых посягательств услужить. Микола не крутился вокруг Ильи ужом, но всегда оказывался там, где надо было подать-принести, наточить-начистить, готовить и постелить. Он же был у храбра за казначея и скучо выдавал

ему деньги на развлечения. Ограбить Миколу, когда Илья отправлялся в загул, никто даже не пытался — связываться с оруженосцем «самого Урманина» глупцов не было. К тому же парубок на редкость остервенело для такого молодого орудовал булавой и топором. На смертный бой он еще не годился, конечно, но из шутейных схваток с другими оруженосцами киевской дружины неизменно выходил победителем. Илью не раз уговаривали продать мальчишку, подарить или проиграть, но Урманин только фыркал. А на вопрос, что он будет делать, если парня захочет взять к себе князь, ответил как отрезал: не захочет.

Сейчас Микола ехал на санях по узкой киевской улочке. Перед ним тяжело бухала копытами немногочисленная охрана Добрыни, а где-то совсем впереди застилали свет два великана. Могучая Бурка и крупный белый жеребец заняли всю дорогу, а их всадники едва не задевали плечами стены и скаты крыш.

Добрыня пребывал в задумчивости, что-то считая про себя, шевеля губами, загибая пальцы. Ни дать ни взять купец, сводящий убыль с прибылью. Богатый варяжский гость — это надо было знать, что по крови Добрыня природный древлянин, а то и не догадаешься. Он плотно запахнулся в шубу, надвинул шапку на глаза, и только по небрежной роскоши одежды да выбивающейся из-под шапки светлой гриве понятно было, что не торговый это человек, ох, не торговый.

Илья, напротив, глядел беззаботно. Напарив-

шийся в бане, дочиста отмытый, сытый и чуть-чуть пьяный, с подстриженной и расчесанной бородой, он ехал как на праздник. На плечах его красовался алый зимний плащ с меховой оторочкой, длинные темные волосы стягивала золотая повязка. Поперек седла лежал боевой топор, отделанный серебром.

Добрыня все загибал пальцы и с каждым пересчетом грустнел. Он выглядел моложе своих пятидесяти лет. Жизнь не наложила на его лицо той меты, которой припечатывает обычно пробившихся к власти коварством и убийством. Добрыня пребывал отнюдь не в мире с человечеством, но зато в мире с собой. Он никого и ничего не боялся. И он все еще был очень красив.

Илья, напротив, был страшен. Не столько уродлив, сколько именно страшен. Звероватость его облика переходила грань, за которой уже не виден мужчина-хищник, так привлекающий женщин, а начинается просто зверь. Крупная голова Ильи была утоплена в непомерно широкие плечи, могучие руки казались несуразно длинны, толстые крепкие ноги — быку впору. А сколько кожи пошло на его сапоги и перчатки, боязно было подумать.

Легкая улыбка, с которой он сейчас озирался по сторонам, пугала. Так мог бы скалиться матерый волчище, надвигаясь на человека. И выражение лица, и клыки были у Ильи как раз.

Он вдруг о чем-то спросил Добрыню.

— А? — отозвался тот, продолжая считать на пальцах.

— Где Дрочило?

— Ушел дрочить, — сказал Добрыня.

Илья раздраженно шмыгнул носом.

— Из младшей дружины многие ушли, — сказал Добрыня.

Подумал и добавил:

— И многие уйдут.

— Дрочило мне пригодился бы. На это дело.

Он сильный.

— Сильных много, — отрезал Добрыня. — Только храбров мало среди них.

Илья снова шмыгнул носом и вдруг стремительным ударом топора срубил с крыши здоровенную сосульку. Поймал ее и принялся сосать.

— Оттепель была? — невнятно полюбопытствовал он. — А я и не заметил. Проспал.

— Два, от силы три дня. Потом снова прихватило, теперь в полях толстый наст. Снег осел, но сверху корка чуть не в палец. Такая, что кони режут ноги. Учи.

Илья отбросил сосульку.

— Мне тут на ум пришло...

— Да ну?!

— Волхв из Девятидубья говорил, что Перун очень злопамятный бог, — сообщил Илья, не замечая насмешки.

Добрыня тяжело вздохнул и широко, напоказ, перекрестился.

За его спиной перекрестились охранники. Позади, на санях, Микола спрятал в варежку улыбку.

— Я так просто, — объяснил Илья и тоже перекрестился.

— Христос милостив, — сказал Добрыня. — Он не оставит нас в беде.

Теперь перекрестились все.

— Меду бы, — сказал Илья.

* * *

Киевская старшая дружина, вернее, та ее часть, что еще могла и хотела драться, летом стояла лагерем на берегу Днепра, а зимой перебиралась в город. Лагерь называли «заставой», видно, в память о тех временах, когда старшие дружины были младшими и сиживали на настоящих заставах. Кто-то сказал — и пошло: застава. И просторный городской дом, служивший дружины местом сбора, тоже именовали так.

Городская застава появилась не случайно. Во время оно старшая дружина решала свои дела в княжем тереме. Сборища заканчивались пирушками, и всем было очень весело, особенно князю. Но с годами князь посеръезнел. Былого пьяницу и жизнелюба, державшего без числа наложниц и гулявшего месяцами, стали все более увлекать хозяйствственные вопросы. Дружины, которая тоже заматерела и топорами уже махала редко, а в основном отдавала указания, сначала обрадовалась. Но вскоре загрустила. Князь оказался слишком до-

тошен. Ему хотелось разъяснить до последней косточки самый незначительный предмет. Из-за княжьей въедливости случалась ругань по мелочам, а замирившись, бояре привычно упивались до сваливания под лавки. Выходило как-то глупо и не по-государственному, хотя все очень старались.

Наконец сообразили поделить вопросы на достойные внимания князя и несложные, повседневные. Для обсуждения последних выгоняли младшую дружибу из детинца — пускай гуляет, ей полезно — и садились толковать там. Но это выглядело не слишком уважительно к младшим, и сам детинец располагался близковато к княжему терему, и вообще, стоял в нем чересчур отчеливый воинский дух.

Бояре, покряхтев да посетовав, скинулись побратски — и на месте небогатого постоянного двора возникла «городская застава». Полезная и удобная во многих отношениях затея. Оставалось это объяснить самому князю. Тот покричал немного, потопал ногами, а когда остыл, сказал — ладно, теперь я хотя бы знаю, куда за вами посыпать, если войны или поговорить надо.

Строго говоря, дружина никогда не собиралась на заставе целиком. Половина храбров пропадала в разъездах по княжим владениям, многие отправлялись на дальние рубежи, а то и за них. Безвылазно сидели в городе лишь те, кто отвечал за его охрану и созыв киевского ополчения. У прочих витязей была одна постоянная задача: чтобы

в закрепленных за ними городках и селениях не шалили и исправно платили дань. А вот задач внезапных, неожиданных, случалось множество. Только уезжая на полюдье, храбр знал, где он будет завтра. С заставы его могли сорвать в любой миг и послать туда, не знаю, куда. Обычно — навстречу опасности.

Вчера, например, на заставе устроили «прощальную» дружиинникам, сопровождающим епископа Леонтия в Ростов. Этот епископ был уже второй — преподобного Федора ростовчане из города вышибли, спасибо не зашибли. Подвыпившие храбры грозились смутьянов «примучить». Правда, многоопытный Самсон Колыбанович сказал, что можно без кровопролития: просто надо по дороге свернуть к капищу и принести жертвы старым богам, чтобы не дурили народ. На Самсона поглядели косо, но совет взяли в память. Вдруг прав бывалый. Перед крещением Киева никто с идолами не договаривался, сковырнули — и в реку, а потом киевлян в эту реку пришлось загонять, кого намеками, а кого и пинками.

Сегодня на заставе собралось храбров дюжины две. Ждали воеводу. Когда на улице раздался знакомый шум спешивающейся конницы, сели за столы. Отворилась дверь, храбры встали.

Вместо Добрыни в залу вошел Илья.

Раздался дружный хохот.

— По здорову ли, братья?! — рявкнул Илья.

«Братья» ответили, что очень даже по здорову, и снова уселись.

Самсон Колыбанович оглядел Илью, празднично разодетого с ног до головы, и спросил:

— Ты собрался на альтинг в Тингвэллир?

— Я всегда так хожу, — ответил Илья.

И положил топор на стол.

— Глядите, какой vikingr, — сказал Колыбанович. — Только воды боится, а так прямо как настоящий.

— Это кто воды боится?! — возмутился Илья.

— А почему ты ее тогда не пьешь?

«Братья» зашлись от смеха и принялись в восторге колотить по столам кулаками. Илья угодил к князю в поруб по пьяному делу, а ведь говорили ему, что пора с меда перейти на холодную водичку.

— Да, — сказал Илья кротко. — Меду бы.

— Меду — потом, — раздалось сзади.

Храбры вскочили.

— Садитесь, княжи мужи, садитесь. — Добрыня прошел на главное место, отодвинул по пути Илью, покосился на топор и сказал:

— Убери со стола. Это не едят.

И под радостный стук кулаков по доскам сел, очень довольный собой.

— Все меня обижают, — буркнул Илья, чем вызвал новый приступ хохота. Забрал топор и полез через лавку.

Добрыня положил шапку на стол, снял перчатки и взъерошил обеими руками светлую гриву, отчего стал еще моложе на вид.

— Други мои, — начал он. — Нынче затея предстоит трудная, люду она не под силу, младшим

тоже, короче говоря, для вас затея. Для старых и опытных. Великий князь наш и благодетель назначил славного Илью Урманина главным на этот подвиг. В Девятидубье целая орава нечисти, и Илье нужна подмога. Кто вызовется, тот пойдет. Но я скажу вот что. Не рвитесь в драку очертя голову, если раньше не бились с нечистью. Это случай особый, тут нужен опыт. Бывает, видел йотуна только издали, а тебя по сию пору от одного воспоминания рвет. А есть и такие, кто уверяет, что голыми руками открутит йотуну ятра. Ни тех, ни других я на Девятидубье не зову. Мы уже посыпали туда... Некоторых любителей побахвалиться. Они чудом принесли назад собственные ятра.

Воцарилось молчание.

— И еще надо понимать, — добавил воевода. — Челяди с собой берите сколько угодно, если она вам не дорога. Не разбежится, так погибнет. Самим придется драться. Только самим.

Все смотрели в стол, лишь Илья да воевода шаркали глазами по лицам.

— А ведь Дрочило завалил волота, — вспомнил Самсон Колыбанович.

— В чем смысл затеи, — сказал Добрыня, будто не расслышав храбра. — Отогнать эту дрянь от дороги. В городе стоят обозы, и когда их накопится много, они пойдут вперед. Гости друг друга подзуживают, да и время их не терпит. Чем это кончится, я не ведаю, потому что охрана у обозов от людей да от волков. Против семьи йотунов, уже отведавших человечины, она устоит навряд

ли. А нечисть с дороги не уйдет по доброй воле, человек для нее самая легкая добыча. И самая вкусная. Такое дело...

— Можно? — спросил Лука, из братьев Петровичей. И, получив утвердительный кивок, продолжил: — Сколько их там? Говорили, пять.

— Не меньше пяти. Один старый, при нем наверняка баба. Эти двое страшнее всего. И молодые. Готовьтесь к тому, что может оказаться больше пяти.

— Девятидубье стоит над Смородинным бродом, — встрял Колыбанович. — Это который раньше Смердяным звали. Потому что речка Смердянка, вонючая она, из болот вытекает. А позже ее Смородинкой назвали, ведь противно на Смердянке-то жить, даже если ты взаправду смерд, хехе... Я хорошо помню.

— Да ну? — буркнул воевода, поднимая глаза к потолку.

— Оттуда рукой подать до Каравчева. Что Девятидубье, что Каравчев — старые поселения вятичей...

— Были вятичи, стали русь, — перебил Добрыня. — Ты к чему клонишь?

— Вятичи лесовики, добытчики всякого зверя. Повадки волотов должны знать. Не сподручнее ли им разобраться?

Воевода от раздражения тихо зарычал:

— Ты когда был в Девятидубье последний раз, Самсон?.. Ты запамятовал, наверное. Там рядом священная роща — прости, Господи, — Добрыня

перекрестился, за столом зашевелились, следя его примеру. — В роще на поляне раньше стояли идолы. И рожи у них были страхолюдные на редкость, прямо удивлялись все проезжие, до чего гадкие рожи. Припоминаешь?

— Хм...

— Клыкастые такие, злые. Не только упыри да берегини, чтоб их черт побрал — все рожи до единой! А ничего удивительного. По памяти резали!

Раздались возгласы изумления.

— Ты прав, Самсон, вятичи знали повадки йотунов, — сказал Добрыня. — Лучше всех знали. Мне тут Илья напомнил: тамошний волхв угрожал нам, кричал, пока его не прибили, что Перун злопамятный бог...

Озадаченные храбры переглядывались, бормотали, кто-то сдавленно хохотнул, иные схватились за головы. Только Илья спокойно глядел на воеводу, да братья Петровичи шепотом совещались.

— ...Конечно злопамятный! Вятичи под теми девятью дубами приносили в жертву холопов, а когда и своих, какие похуже.

— Ты хочешь сказать... — пробормотал смузденный Колыбанович.

— Научили своего Перуна жрать человечину — а нам теперь разбираться! Вот что я хочу сказать! Думаешь, я не пробовал двинуть на Девятидубье ополчение из Каравчева? Ха! Гонец вернулся третьего дня с синяками во всю морду.

Отважные вятичи скорее поссорятся с Киевом, чем пойдут на йотунов.

Колыбанович зычно крякнул, расчесал пятерней бороду, одернул ворот каftана и глубокомысленно молвил:

— Да уж!

— Не о том говорим сейчас. — Добрыня ударили по столу ладонью, глухо звякнув тяжелыми перстнями. — Кто где жил и чего натворил в прошлом, неважно. Нынче великий князь наш и благодетель — хозяин той земли. Мы проторили торговый путь напрямую через нее. Теперь это земля Киева и забота Киева. Русь за все в ответе, что случится там.

— Ну... Тогда наших бы поспрошать звероловов да добытчиков.

— Бесполезно, — отмахнулся Добрыня. — Кто лесом кормится, тот боится нечисти как огня. Это же не горные йотуны, а лесные. Мы для них природные враги. Такой как увидит человека, сразу прет на него, чтобы выгнать со своих угодий. Ну и бежит человечек, если жизнь дорога. Все, что добытчики знают о йотунах, — как страшно те умеют свистеть.

— А Дрочило? — предложил Колыбанович.

— Самсон! Чего ты пристал ко мне?! — загремел воевода. — Задрочили уже со своим Дрочилой! Кто он тебе, этот Дрочило? Родственник?! Нашли тоже храбра, бестолочь да нищебродину! Нахапал золота — и поминай как звали! Храбр дерется в любое время дня и ночи за князя, за Киев,

за Русь! За братьев своих дерется! Не бывает такого витязя, чтобы выходил на сечу только когда ему охота прибить кого! Ну, придавил ваш Дро-чило печенега-поединщика, а кто после гнал их рать от Киева? Вы гнали! Забыли??

— Да я хотел сказать, что он же волота...

— Дрочило завалил молодого, — прогудел Илья. — Одного. Летом.

Все посмотрели на Урманина.

— Одного молодого любой из нас может завалить, — сказал Илья. — Молодые, они вроде тех мелких, что зимой по хуторам запечными живут. Вороватые, однако безвредные. И летом они сытые, а значит, не злые. Труднее со старыми. На-много труднее. Но если не в одиночку, то спра-виться можно. Вон, Петровичи берегиню пойма-ли же. Коли не врут.

— Кто врет? — Василий Петрович слегка приподнялся на лавке.

— Извини, присказка такая, — объяснил Илья.

— Помощникам по пять гривен за голову не-чисти, — объявил Добрыня. — С Ильей расчет особый, а помощникам — так. Если не добудете голов, тогда на всех десятая доля с каждого воза, что пересечет Смородинный брод до весны. Но и вам придется там стоять, оборонять дорогу и пе-реправу. И доля только с непотравленных возов. Если хоть один человек в обозе пострадает, доли никакой вообще.

— ...Те молодые, которые у Девятидубья, — продолжил думать вслух Илья, — эти, конечно,

смелые. Полакомились человечинкой, обнаглели. А раз они грабили обозы, значит, научились стаей нападать, по-волчьи. Это очень худо. Да...

И замолчал.

Друдинники сопели и украдкой переглядывались. Добрыня во главе стола рассматривал свои перстни.

— Стая — очень худо, — повторил Илья.

— Ты мне друдину не запугивай! — Колыбанин громко хлопнул в ладоши. — А давайте все туда двинем! Цепью — и вдоль дороги.

— Без толку, — сказал Добрыня. — Это все уже было сто лет назад далеко отсюда. Йотуны хитрые, отбегут в глушь, переждут облаву, потом вернутся. Их вызывать надо на себя, нечисть такую. Как медведя, выманивать — и на рожон. Ну, кто пойдет?

Дружина молчала. Тут мало кто сталкивался с лесными чудищами. Витязи редко забирались глубоко в лес, не было надобности. И зверя они добывали больше в полях. Все, конечно, о нечисти слышали — но живьем видели ее немногие, и то сильно издали. Только Петровичи хвастались, будто однажды по молодости поймали на глухой речке берегиню. И Урманин, болтали, чуть ли не дружен был с черным горным волотом, до того могучим, что даже имя у него свое было — Свято-гор. Но Илья знакомством никогда не хвалился. Даже не рассказывал, сколько ни упрашивали.

А что Добрыня зубами скрежещет, говоря про йотунов, это ясно. Он несколько лет прожил в

Странах Датского Языка, обваряжился, даром что с лица чистый варяг. А у тамошних ненависть к волотам в крови. И желание рубить их под корень — тоже.

Земли там мало, вот почему. И делить ее приходится не только промеж людей.

Тут земли много. Очень много. Тут всего вдоволь.

Тут и волотам хватило бы места, если б не забаловали.

Выходит, рубить придется.

Илья Урманин наверное знает, как именно их рубят. Покажет, научит. Но все одно боязно.

— Ну, чего ждем? — спросил Самсон Колыбнович, переживая за нерешительность дружины.

— Пять гривен — это вира за то, что назвал боярскую жену блядью, — заметил Лука Петрович.

— Вот наколотиши побольше йотунов и обзытайся сколько хочешь! — предложил Добрыня.

Послышились смешки, Колыбанович мелко затрясся и прикрыл рот ладонью, Илья мечтательно закатил глаза.

— Это еще и вира за жизнь смерда, — напомнил Лука. — В Девятидубье было людей дюжины три, да староста...

— Бессмысленный подсчет. Их жизни ничьи. Девятидубье вольное село, — отрезал воевода.

— Будь оно вотчинное, не пострадало бы так. И брод оказался бы защищен, и дорога на несколько верст в обе стороны.

— Возможно. — Добрыня равнодушно кивнул.

Василий Петрович придинулся к брату и зашептал ему на ухо. Добрыня ждал.

— Встала-то не просто дорога, а самый что ни на есть путь из варяг в греки! — заявил Лука.

— Какие еще греки зимой?! — возразил Добрыня, не любивший преувеличений.

— Греки — летом. Но путь серьезный! И затея серьезная предстоит!

— И чего теперь — подарить вам Девятиребье со Смородинным бродом?!

— Не откажемся.

— Стая — это хуже некуда, — сообщил в про странство Илья. — Заходит со всех сторон. Булавой махать упаришься. А другое оружие не годится против них...

— Помолчи, — сказал ему Лука Петрович.

— А?

— Мы тут думаем, если ты не заметил.

Илья встал:

— Спать пойду.

— Я тебя не отпускал, — заметил Добрыня.

— Завтра, как рассветет, я отправляюсь к Смородинному броду, — сказал Илья поверх голов, ни к кому не обращаясь. — Ходу мне туда неделю. Встану на нашем берегу, там заночую. Утром перейду реку. Значит, кто через неделю к утру будет у реки, тот со мной. А кто не со мной, тому — прощайте, братья. Авось свидимся.

— Тебе-то что пообещали? — бросил Лука.

Илья перегнулся через стол и совершенно по звериному показал братьям Петровичам зубы.

— Меня. Князь. Попросил, — произнес он раздельно.

Издали поклонился Добрыне и ушел наверх, громко скрипя лестницей.

* * *

Городская киевская застава как была изначально постоянным двором, так им и служила — проезжим витязям или киевским, не имеющим своего жилья. Причиной бездомности чаще была молодая бедность, но храбры не бедовали подолгу, они либо гибли, либо богатели. А вот Илья всегда ночевал и столовался на заставе. Ему это казалось удобнее. Он мог уехать на любой срок, и его скучно обставленная комната оставалась за ним. Илья назначил заставу своим домом. И когда дружине надоело смеяться над такой причудой великого, но заметно приурковатого храбра, это просто признали как есть. Сказать, что Илья поселился тут на всем готовом из жадности, не поворачивался язык. Щедрость Урманина была общеизвестна, ее кое-как ограничивал лишь хозяйственный Микола. Для Ильи деньги мало значили, он мерил жизненный успех только личной честью. В этом смысле Урманин был куда более *vikingr*, чем его предки. Еще он любил приодеться как можно ярче, носить напоказ богато украшенное оружие и делать подарки. Шумные попойки устраивал редко. Сам, конечно, выпивал, но пиры закатывал лишь по серьезным поводам.

Боялся попасть в историю.

Он проснулся до восхода солнца. Сразу встал — переход от сна к бодрствованию был у него мгновенным. Сходил на гумно, умылся, оделся в дорожное. Обстоятельно позавтракал. Собрался было на конюшню, где Микола уже седлал Бурку, но вдруг навострил уши. И вышел на улицу.

Подъехал всадник на белом коне.

— Тебя невозможно застать врасплох, — сказал Добрыня.

— Я услышал, — объяснил Илья.

— Заезжай за Петровичами. Они пойдут с тобой.

— Выторговали Девятидубье?

— Вот им, — воевода показал, — а не Девятидубье. Но до дюжины гривен доторговались, купцы.

Илья покачал головой.

— Выбирать не из кого, — вздохнул Добрыня. — Остальные боятся, что не вынесут свиста йотуна. А эти двое, им хоть кол на голове теши, хоть колоколом по уху бей. Тупые, как ступа. Нравится это тебе или не нравится, а помочь они могут. Стреляют оба метко, дерутся смело. Берегиню поймали, опять-таки...

— Если не врут.

— ...И челяди у них полно, — закончил Добрыня. — Будет, кому дрова рубить. Ты же станешь жечь костры всю первую ночь, верно?

— Зачем рубить, домишко какой раскатаем на дрова... А откуда ты знаешь про костры?

— Все это уже было, — сказал Добрыня. — Сто лет назад в другом краю. А может, больше чем сто. Думаешь, асы воевали с йотунами в Странах Датского Языка? Зачем? Асам йотуны не мешали. Человеки с ними воевали, друг мой. Твои предки. Везде, где начинают рубить и корчевать леса, навстречу человеку из лесов выходят их прежние хозяева. Орки, йотуны, одногонги, лешие, упыри... Какая разница. Твой приятель Святогор просто был не лесной, вот он и не пытался убить тебя. Горному йотуну нечего делить с человеком. Наоборот, человек ему забавен. Как что-то похожее.

Илья едва заметно кивнул.

Добрыня оглянулся на охрану, та послушно отъехала подальше.

— Я знаешь, чего опасаюсь? — Добрыня чуть наклонился с коня, Илья шагнул ближе. — Этот случай у Девятидубья только начало. Русь все глубже заходит в леса. Мне докладывают — люди натыкаются на волотов тут и там. Где-то лешие и берегини отпугивают вальщиков и корчевщиков, а где-то пытаются нападать. Убитых пока нет, но поломанные уже есть. И одну бабу летом украли, а нескольких просто так... Покрыли и отпустили. Догадываешься, что сделали с несчастными бабами их родичи.

Лицо Ильи заметно вытянулось.

— Сам понимаешь, если йотуны будут убивать смердов, рано или поздно они попробуют человечину, как этот соловый разбойник у Девятидубья.

И обучат своих детей. И тогда начнется... Думаю, мы должны упредить их. Обязаны.

— Упредить — как? — только и спросил Илья.

— Как волков. Ряды загонщиков. Побольше шума. И вперед. Если не вывести под корень, то хотя бы загнать в самую глушь. А иначе — еще пара таких же суровых зим, и нас ждет куда более страшная бойня, чем сто лет назад в другом краю.

Илья стоял, потупившись, широко расставив ноги и заложив руки за пояс. Он в такой позе обычно размышлял.

— А еще хуже другое, — сказал Добрыня. — Мы держим важные торговые пути. Значит, на Руси должно быть надежно и безопасно. Мы признали Христа, чтобы стать как все. Чтобы нас понимали и уважали. Чтобы опасались нашей воинской доблести, а не нас самих, нехристей страшных. Теперь на Русь рекой течет золото. Киев уже сейчас хорош, а станет краше, чем Константинополь. Василевсы будут завидовать нам. Скоро через Русь пойдут такие богатые обозы, каких мы не можем и вообразить. Теперь угадай, сильно ли нас зауважают, услыхав, что вокруг Киева йотуны хозяйничают, как у себя в лесу? Что нечисть может наесться на дорогу и остановить торговый путь? Да мы тогда полными ничтожествами представим. Сам подумай.

Илья подумал и сказал:

— Подумал.

— Страны Датского Языка до сих пор не могут принять христианство. Мы и в этом их обогнали.

Мы вообще обгоняем всех. У нас много леса, земли, люда, и мы самые лучшие. И тут — йотуны. Тыфу.

— Да, — сказал Илья. — Я понимаю.

— Это не просто мои мысли, Ульф. Считай, это тебе говорит князь. Отруби разбойнику голову и привези в Киев. Положи начало большому делу во имя будущей Руси.

Илья поразмыслил немного и сообщил:

— Я возьму солового живьем, Торбъёрн. Так будет хорошо. Тогда никто больше не станет их бояться.

— Незачем, — отмахнулся Добрыня. — Слишком трудно.

Илья пожал плечами. Выходило это у него жутковато: не плечи шли вверх, а голова ныряла вниз.

— Если хочется поймать кого-то, прикажи Петровичам. Они на берегине научились, ха-ха... А ты мне нужен живой и здоровый! — заявил Добрыня строго. — Тебе еще найдется, чем заняться. Ты не Дрошило, хвала богам! Прости, Господи.

— Дрошило сильный, — вспомнил Илья.

На Илью посмотрели так, что он поспешил опустить глаза.

— Желаю тебе удачи, — сказал Добрыня. — К слову, я только сейчас понял... Никак не идут из головы эти йотуны. Ты ведь не рассказывал, что стало с женщиной Святогора.

Илья чуть склонил голову набок:

— Тебе это надо знать?

— Не надо. Ну, прощай, если что.

Добрыня развернул коня.

— Мне пришлось убить ее, — сказал Илья тихонько. — А девку я не тронул. Она, может, по сию пору живет в горах одна.

— Я так и знал, — отзвался Добрыня, не оглядываясь.

* * *

Дорога была широко раскатана, и Илья пустил Бурку рядом с санями. Огромная кобыла мерно топала, опустив голову, будто спала на ходу. Илья уверял, что Бурка именно спит на ходу, а он от ее убаюкивающей поступи тоже задремывает иногда. И поэтому они вдвоем, бывает, проламывают заборы, цепляют углы и сносят ворота — а вовсе не потому, что у них склонность все ломать.

Сейчас Илья вовсе не дремал. Напротив, он то и дело крутил в воздухе топором, зачем-то доставал из-за пояса любимую плетку-семихвостку, разматывал ее, сматывал и втыкал обратно. Пару раз он даже соскочил наземь и пробежал небольшое расстояние, а потом запрыгнул в седло. Бурка при этом продолжала ход, словно ей было совершенно все равно, где ее всадник. Может, и правда спала.

Позади в седлах мерзли, кутаясь в длинные шубы, братья Петровичи.

— Ишь выделывается, — буркнул Лука, глядя в спину Урманина, который опять вертел топором над головой. — Старый, а как молодой.

— Молодой и есть, — сказал Василий. — Чисто дитя. Все, что нажил, в одних санях помещается.

— Дитя-то дитя, а ты его меч видел? Который в тех санях? Князю впору меч.

— М-да, — согласился Василий. — Только он с мечом управляется еле-еле. Я намного лучше.

— А зачем ему? Он тебя и без меча уделает. Дерево сломает и треснет по репе.

— Ты чего такой злой сегодня? — удивился Василий.

— Вчера торговался плохо, — объяснил Лука.

— А-а...

Илья, который весь разговор прекрасно слышал, растянул губы в медвежьей ухмылке.

— Дядя, а дядя, — подал из саней голос Микола.

Он всегда так просто называл своего храбра, чем заметно смущал окружающих.

— Ну?

— Я вот думаю... А отчего у нас варяги правят? Как это вышло?

Позади захочотали Петровичи.

Илья оглянулся и вопросительно двинул бородой.

— Мы просто так, — объяснил Лука.

— Вы просто так замерзнете, братья, — сказал Илья. — Заиндевели уже. Вы бы пошевелились для согреву. Вот как я.

— Успеем еще... Пошевелиться.

— Ну-ну.

Илья сел прямо и надолго задумался.

— А почему варяги правят? — спросил он наконец.

Петровичи расхохотались опять. Хорошо, от души.

— У великого князя нашего и благодетеля дедушка был кто? Варяг, — сказал Микола. — Я знать хочу, с чего все началось.

— А-а... — понял Илья. — Ну, это просто. Ну, ты представь...

И опять надолго задумался.

Микола ждал. Шумно дышали кони, под копытами и полозьями скрипел утоптанный снег. Позади негромко перекрикивалась челядь Петровичей. Там целый обоз шел, саней пять.

— Вот, — сказал Илья. — Представь. Ты одет в холстину, оружие твое — простая дубина. И вдруг приходят какие-то в кольчугах и с топорами. Ты смотришь и думаешь — ого! Хорошие кольчуги. Хорошие топоры. А эти спрашивают: кому платишь дань? Ты отвечаешь: ну, хазарам. Эти говорят: ничего подобного. Хазарам больше не даешь, нам даешь. Ты спрашиваешь: а что скажут хазары? Эти говорят: ничего не скажут. И все. И они садятся у тебя дома. И берут с тебя дань. А хазары за данью не идут почему-то. Будто и не было их никогда, хазар. Вот... А эти, в кольчугах и с топорами, сидят. И ты видишь, что они уже говорят по-твоему все до единого, и богов твоих уважают. И один дочку твою в жены просит, сам муж видный, богатый... А хазар нет и нет. И вообще никого нет. Ну, может, придет кто-нибудь, но эти

его хрясь топором — и он уходит сразу. Вот... И все хорошо. И предводитель у этих настоящий ко-нунг. И никакие они уже не эти, а свои. И ко-нунг — свой. Мир, порядок, достаток, живи и ра-дуйся. Ну?..

— Что, дядя?

— Представил? Ну, так оно и было. Просто давно. Еще до дедушки князя нашего. Мы ж с варягами соседи. Они не могли не прийти. Посмотреть, как у нас тут дела.

Микола сдвинул шапку на глаза и почесал в затылке.

— А мы, значит, с дубинами бегали? — спросил он неодобрительно.

— Зато у нас дубины были — во! — Илья развел руки в стороны. — Нас все боялись. Особенно греки.

— Зачем мы тогда платили хазарам?

— Ну, знаешь... — Илья опустил руки и ссуетился.

— А хазары, они жидовины, — подсказал сзади Лука Петрович.

Микола оглянулся.

— Обдурили нас, — объяснил Лука. — Жидовины хитрые, ты знай, почти как греки.

— Во! — обрадовался Илья. — А мы народ пристодушный, мирный и тихий.

— Кто бы говорил, — ввернул Лука. — Слышь, Илья, ты меня извини, брат, но все было по-другому. Новгород сам призвал варягов. С того и пошло.

— М-да? — хмыкнул Илья.

— В Новгороде поднялась смута. Не как обычно там бывает, а долгая смута. И на вече решили, раз сами не справляются, надо призвать князя. И отправили к варягам послов. Сказали — земля наша велика и обильна, порядка только нет. Придите и владейте нами. И пришел конунг Рёрик. Вот откуда началась Русская земля, какой мы ее знаем.

— М-да? — повторил Илья. — И далеко Новгород за варягами ходил? До самой Ладоги небось?

— Я тебе рассказываю, как про это в летописи! — обиделся Лука. — Сам не видел, но говорят. У новгородцев монах сидит и пишет. И до него монах сидел и писал. И у нас, вон, тоже пишет. Князь к нему ходит иногда, смотрит, чтобы лишнего не выдумал.

— В летописи, значит...

— Ты чего? — не понял Лука.

— Ну, раз в летописи, тогда конечно, — протянул Илья.

Перекинул ногу через шею Бурки, спрыгнул и убежал вперед. Бегал он смешно, на полусогнутых и широко раскинув руки, будто ему тяжело держать равновесие — да пожалуй, так и было. Быстро вернулся, одним движением закинул себя обратно в седло.

— Ты не согласен? — спросил Лука.

— Не-а, — ответил Илья просто.

И крутанул над головой топором.

— Ну, — сказал Лука, — ты нынче главный, брат.

Илья обернулся.

— Я главный, да, — согласился он. — Но еще я природный урманин. Если ты забыл, брат. Мне ли не знать, как приходят варяги. И зачем. А летописи... Их люди составляют. Василий!!!

— А?! — встрепенулся младший Петрович, испуганно выныривая из шубы.

— Не спи, с коня свалившись! — сказал ему Лука.

— Да ну вас всех, — отозвался Василий и снова уткнулся носом в пушистый воротник.

— Вот и поговори с ним, — пожаловался Лука.

— Отстают твои, — заметил Илья.

Лука посмотрел назад. Обоз за его спиной и правда растянулся.

— Не отставать! — рявкнул Лука. — Подобрались, живо!

— Раскричались... — донеслось из шубы.

— Ох, хлебну я с вами горя... — пробормотал Илья. — Микола!

— Что, дядя?

— Давай с саней. Топай рядом, грейся.

Парубок, недовольно бурча, соскользнул на дорогу и пошел, держа в одной руке вожжи.

— Чего греться-то, если кругом поля. Я понимаю, в лесу...

— Шевели руками, — сказал Илья строго. — Ты должен быть всегда готов. А в поле особенно.

Я вот однажды ехал полем. Высоко сижу, далеко гляжу, боясь нечего... Эх.

И замолчал, исчерпав запас красноречия на сегодня.

Белое поле казалось бескрайним, что на восход, что на закат.

* * *

Насколько Илья любил приодеться для города, настолько же просто он облачался в поход. Короткая, чуть ниже пояса, куртка с широкими рукавами, свободные удобные штаны, круглая шапка с наушниками — ничего лишнего и стесняющего движения. Все было шито добротно, из очень дорогого материала, но выглядело скромнее некуда. Обычный походный цвет у Ильи был коричневый, однако на этот раз он надел все сирое, видимо, с каким-то умыслом.

Братья Петровичи, укутанные в длиннополые богато отделанные шубы, пошитые по греческому образцу, казались рядом с Ильей настоящими боярами.

Зато и задубели они в своей чересчур теплой одежде настолько, что вечером у костра не сразу отогрелись. Василию даже есть поначалу было неудобно, мясо падало из рук.

— Наказание ты мое. — сказал ему Лука.

— А я говорил, — напомнил Илья, — шевелиться надо.

— Нашевелился уже, — прогудел из шубы Василий. — По молодости. Туда беги, сюда иди, то-

го бей, этого не трожь... Скоро опять драться. Дайте хоть сегодня пожить спокойно.

— Да кто ж тебе мешает... Я?

— Нет, ты не мешаешь, — быстро сказал Василий. — Ты никому не мешаешь никогда.

Закутался плотнее и придвинулся к огню.

Когда все поели, Лука Петрович завел важный разговор.

— Илюша, а Илюша, — начал он ласково. — Как бить-то нечисть будем?

— Ты же берегиню поймал, коли не врешь, — Илья хитро прищурился.

— Да ну тебя, — сказал Лука. — Поймал — не прибил. И давно это было. Она раков искала под корягами у берега, зазевалась, а тут мы. Глядим — баба голая волосатая ковыряется на мелководье, лопочет что-то. Думали, просто дура местная. Сразу и не поняли. Руки ей заломали да по морде надавали. Морда страшная... Отпустили потом.

— Когда — потом?

— Ну... Потом.

— Одно слово — бояре. — Илья неодобрительно покачал головой. Заметно было, что он Луке не верит.

— Да какие мы бояре.

— Будете.

— Это, конечно, вероятно. Так что же, Илюша?

— Василий! — позвал Илья.

— Ась?!

— Отниму шубу, — пообещал Лука брату. — Сколько можно спать?

— Ну-ка отними!

— Смотрите. — Илья встал. — Старый волот дерется так.

Илья чуть присел, немного развел в стороны руки и оскалился. Братья Петровичи запахнулись в шубы, будто отгораживаясь, их челядь ступила от костра в тень. И лишь Микола Подсокольник подался вперед, поедая глазами своего «дядю». Приняв звериную боевую стойку, Илья заметно переменился. Теперь он был похож на кого угодно, только не на человека.

— Когда волот прёт на тебя, он не сворачивает, идет прямо. И делает так. — Илья схватил воображаемого противника обеими руками, притиснул к груди. — Считай, ты уже весь поломанный. И тогда он зубами рвет.

Илья несколько раз с лязгом куснул воздух. Получилось убедительно.

— Если ты на волота сам выскочил, он может тебя отбросить. — Илья руками толкнул перед собой. — Полетишь кубарем. Тогда сжимайся в комок и катись по земле. А не то шмякнешься — дух вон. Волот напрыгнет и загрызет.

Петровичи, застывшие истуканами внутри своих теплых шуб, дружно поежились.

— Бойтесь захвата. Пальцы у волотов очень сильные. Если тварь вцепится в руку, считай, она сломана. И оружие должно быть обязательно с темляком. А то вырвет, и в тебя же швырнет.

— Меч-то не вырвет, — бросил Василий пренебрежительно.

— Еще как вырвет. Останется без пальцев, а ты — без меча. Тут он тебя здоровой рукой и пристукнет.

— Ну-ну...

— Рогатина?.. — деловито спросил Лука. — У нас есть.

Илья задумался.

— Нет, — решил он. — И хотелось бы, и боязно. Волот не медведь, у того лапы намного короче. А этого насадишь на рогатину аж по самый перехват, тут он тебя и достанет. Рубить лезвием тоже неудобно, вдруг уловит копье за древко. Ты уясни, брат Лука, волот в драке либо отбивает тебя подальше, либо цапает и дергает к себе. За что поймает, за то и тянет. Даже щитом закрываться нельзя — ухватит волот край щита, не стряхнешь. И чего тогда делать?

— Уяснил...

— И есть у них особенный удар, смотрите, — Илья подобрал руку к груди, отвел назад локоть. — Кулаками они не бьют, не умеют. А бьют вот этим местом. Не ладонью, а ниже. Х-ха-а!

Длиннопалая кисть стремительно метнулась вперед и ударила воздух основанием ладони.

В темноте кто-то громко шмякнулся оземь.

— Ты чего?! — удивился Илья.

— С перепугу, — отозвался холоп Петровичей.

— И чем он особенный, удар этот? — Лука недоверчиво хмыкнул.

— Да есть мысль у меня... Думается, из-за него слухи ходят, что волоты — нечисть.

— Объясни.

— Ну представь. Ты лешему в лесу наступил на лапу сослепу, он тебя — х-ха-а!.. — стукнул и убежал. У тебя, может, и синяка не останется. А на самом деле от этого удара внутри что-то сдвинулось. Ты пришел домой, рассказал, кого в лесу встретил. А наутро взял да помер. Значит, лешак на тебя порчу нагнал. Так-то.

— По-твоему, выходит, они... Не нечисть? — спросил Лука осторожно.

Илья присел к костру.

— Да мне все равно, — сказал он. — Кто человечину ест, по-любому нечисть. Меня соловый этот смущает. Лесные-то больше серые или бурые, а то почти зеленые. Откуда он приперся, да еще с семьей...

— Но как же насчет порчи?

— Кто берегиню поймал — и по морде ей?.. А до сих пор живой.

— Молодая была. Неопытная, — уверенно сказал Лука.

— Ну так увидишь волота — зашиби его сразу, пока не успел порчу навести. Делов-то. Оружие против них — булава. Топором с одного удара не завалишь, а еще застрянет, останешься без топора. Про рогатины да копья говорено уже. Меч... Не знаю. Лучше всего булава. Пляши вокруг, не давай себя достать, а сам бей, бей, бей. На пролом, чтоб хрустело. Волот будет отступать задом. Поколотишь его как следует — повернется бежать. Тогда сразу промеж лопаток или, если доп-

рыгнешь, по затылку. С первого удара промазал — не догонишь, учти.

— А стрелой?..

— Не в лесу же. И одной стрелы не хватит, разве что в глаз. А от Девятидубья до края леса всего ничего. Когда волот из чаши выскочит... Знаешь, а на один выстрел хватит времени. Только я ж тебя помню, ты с луком быстро управляешься, наверняка захочешь второй стрелой угостить волота. Не успеешь, даже не пробуй. Как выстрелишь, бросай лук — и за булаву.

— Ясно, — сказал Лука. — Эх, если бы не порча...

Илья издал странный звук, то ли вздохнул, то ли рыкнул.

— Вот этим ударом, какой я показал, Святогор убил моего коня. Сразу убил, безо всякой порчи. А потом меня свалил. Чуть дух не вышиб, я еле-еле разыпался. Но вроде не порченый хожу.

— А как ты с ним... Вообще? — спросил Лука. — Встретился как?

Илья сунул руку под куртку и задумчиво поскреб там.

— Да стыдно признаться. Я на него конем наехал. Среди бела дня. Он спал в малиннике. Спустился с гор ягодкой полакомиться. И тут как нарочно мне, дураку, малины захотелось. А ветер дул в мою сторону, не учуяли ни конь, ни я. Сказывают, я искал Святогора — не верь. Просто случай.

Илья поскребся снова и добавил:

— Повезло, что он меня свалил. Полез бы я драться, не знаю, чем бы кончилось. А так... Взял он храбра в полон.

Воцарилось молчание.

— А потом? — не выдержал Василий.

Лука крепко ткнул брата локтем в бок.

— Спать пора, — сказал Илья.

* * *

Девятидубье было когда-то большим селом, но год от года усыхало и съеживалось. Как ни странно, причиной тому стало оживление торгового пути. Издревле местные кормили проезжих и устраивали на ночлег, помогали ходить через брод. Когда обозы потянулись чередой, это прибыльное дело заняло столько люда, что почти все население Девятидубья превратилось в обслугу постоянного двора. Конечно, весной село пахалось, летом собирали ягоды-грибы, осенью было зверя, но основой его благосостояния давно уже стало удачное расположение. Селяне научились ловко чинить упряжь и даже кузницу завели ради гостей. Обозы приходили в Девятидубье к вечеру. Киевские переправлялись через речку и становились ночевать, а новгородские двигали через брод с утра. Брод был мелкий, замостить его никому даже не приходило в голову.

Будь село вотчинным, имей строгого хозяина, оно бы наверняка разрослось. А род не боярин, силком не удержит, гвоздем к месту не приколо-

тит. Обозы так и звали за собой молодежь, манили в дальний путь к неведомым краям. Уходили с обозами по-всякому, кто рядился купцам в услужение, кто просто шел следом за подводами счастья искать. И к этой зиме Девятидубье насчитывало три дюжины людей с семьями — ровно столько, чтобы прокормить себя и обслужить гостей. Были местные сыты и одеты, держали скотину, но чувствовалось — доживает село вольном состоянии последние деньки. Киевляне давно к Девятидубью присматривались, даже не имея в виду карачевских или еще каких, себе его хотели. С решением затягивали, потому что проку от Девятидубья было, по сути, немного. Местный род жил своим умом, исправно платил дань, верно знал, кому клянчиться. Разве что крестился трудно — вблизи стояло древнее капище, да волхв попался непонятливый. Киевляне сшибли идолов, примучили волхва, и все стало тихо-мирно. Здесь не имело смысла держать воинов, и глупо казалось на такое разумное село тратить даже самого бесполкового тиуна. Девятидубье было на виду и вроде как в порядке. Ну, загибалось потихоньку, но медленно. Все будто чего-то ждали на его счет.

Вот, дождались.

Примерно за версту до реки Илья поднял руку и крикнул вполголоса:

— Стой!

Спрыгнул с кобылы, бросил поводья Миколе, обернулся к Петровичам.

— Вы давайте тут, — сказал он. — Обустраивайтесь на ночь. А я схожу вперед, послушаю.

И, не дожидаясь ответа, ушел по дороге.

— Ты до темноты вернись! — крикнул Лука вслед.

Илья махнул топором, давая знать, что понял.

— Вернется? — спросил брата Василий.

— Булаву-то не взял, — объяснил Лука. — И лук оставил. Послушает, как на том берегу, — вернется.

— Ох, знаю я его. Зашибет там кого походя, и дюжины гравен как не бывало...

Неподалеку рассмеялся Микола.

— Подсокольник! — Лука погрозил ему пальцем. — Не балуй. Денежка счет любит, ты знай.

— Я-то знаю, — сказал Микола. — Это дядя Илья не знает. Он если кого зашибет, голову вам отдаст, верно говорю.

— Хороший дядя, — буркнул Василий.

Позади челядь утаптывала снег, ташила из саней растопку. Звонко ударили топоры по мерзлому дереву.

Илья был уже далеко впереди, ноги сами несли его к реке, а если честно, подальше от стука топоров. От братьев Петровичей, думающих, что самые хитрые, от их шумной бестолковой челяди, и даже от Миколы. Илья не задумывался, что будет после, какая беда ждет в Девятидубье — просто сейчас ему наконец-то впервые за эту неделю было хорошо. Временами Илья страшно уставал от человеческого общества. Мог вдруг сорваться,

исчезнуть из города, и пока все думали, что храбр отправился искать приключений, — незатейливо жить в лесу. Микола Подсокольник переживал «уходы» своего «дяди» чуть не плача. Злился князь. Не одобряли бояре. А вот Добрыня никогда не ругал Илью за его внезапные исчезновения. Случалось даже оправдывал, говорил, будто услал на дело храбра. Добрыня был единственный, кто понимал.

Если бы Илью спросили, что его так выводит из себя в людях, он бы наверное ответил: не-желание видеть и слышать. Сам он мог до бесконечности всматриваться в бегущую воду, заслушивался шелестом листвы. С умилением подсматривал за тем, как белка собирает припас на зиму или птака носит веточки в гнездо. Илья не чувствовал какого-то особого сродства с природой: он удивлялся, отчего другие равнодушны к ней. Прежде чем валить дерево, следовало объяснить дереву зачем. Перед убийством зверя — мысленно по-просить у него прощения. Раньше все так делали. Теперь — нет. Жизнь необратимо менялась прямо на глазах, а с ней изменился и русский человек, что варяг, что славянин. Начал много говорить о «душе» и «грехе», но стал глух и слеп ко всему, чего нельзя положить в кошель или спрятать в погреб. Это было глупо, но понятно, вполне в человеческом естестве. Русь властно ломала под себя окоём, от ее могучей поступи заметно прогиблась земля. Шесть тысяч варягов заслать на службу в Константинополь — раз плюнуть. Греки по-

желали сестру василевса в жены нашему князю — осадим Херсонес, сами бабу пришлют. Печенеги, разбойное племя, — теперь друзья и наемники. От хазар и кучки деръма не осталось, их стольный град Итиль мало что сожгли, так еще перепахали и засыпали солью — знай наших, жидовня. Булгары не рыпаются. Вечно буйный Новгород тих и смирен. А над Киевом сияют купола новеньких церквей. И по пути из варяг в греки идут обозы нескончаемым потоком...

Стой. Сейчас не идут.

Илья навострил уши. Потянул носом воздух. Впереди, на высоком берегу, виднелось мертвое — ни дымка — Девятидубье. Брошенное село, из которого спаслось не больше дюжины баб с детишками, а людей вообще ни одного. Бежало из села гораздо больше, санным путем на Карачев, но их перехватили по дороге.

Кто он, редкой соловой масти волот-убийца, непуганый, дерзкий? Ничего общего с черным увальнем Святогором. У того ведь тоже была семья — баба и дочь. Но Святогор сидел в неприступном ущелье, собирая корешки да орехи, в долину спускался не человечков шугать, а поесть вкусненького. Святогора волновало одно: из-за уединенности житья вот-вот прервался бы его род. На все остальное старый черный с проседью великан плевать хотел.

А этот?

Илья осторожно приблизился к реке. Снегопада давно не было, дорога осталась плотно наез-

женной, и только отсутствие свежих следов выдавало ее заброшенность. Илья сошел бы с дороги — чувствовал себя посреди нее чересчур заметным, будто голым — но не хотел скрипеть настом. Он весь обратился в слух.

Тот берег был мертв. Вот они, девять высоких дубов священной рощи, за ними смешанный подлесок, дальше темная плотная чаща. Прямо на берегу — низенькие баньки, избушки, сараишки, вкопанные почти до крыш, бревна на три-четыре от земли. Хорошо виден постоянный двор, отстроенный по варяжскому образцу, длинный такой домина с примыкающей к нему кладовой. И ни души.

Неужто ушли разбойники? Вернее — дальше пошли. Соловый с родом явно кочевал. Добрыня ошибался, ругая местных, что они «приучили своего Перуна жрать человечину». Ну, может, не совсем ошибался, но его обвинение касалось давно минувших дней. Просто у Добрыни была своя правда и своя тревога. Отпрыск древлянского князя, он в детстве наслушался историй о страшных тварях, с которыми сталкивался его народ. А еще больше узнал о них, когда гостевал в Странах Датского Языка — недаром звал леших да берегинь йотунами. Добрыня всегда старался предугадывать будущее и опережать грядущие угрозы. Одной из таких угроз он считал йотунов. Воевода давно ждал чего-то вроде нападения на Девятидубье. Но пускай тут он угадал, это вовсе не значи-

ло, что вятичи сами накликали Солового себе на головы.

Нет, Соловый был не здешний, он просто шел мимо. То ли свои его погнали, то ли голодно стало на родине. Волот двинулся искать новое место и по пути очень не вовремя застрял в вятических лесах зимовать. Иначе Илья не мог объяснить его появление у Девятидубья и человекоедство. Вынужденное человекоедство, конечно. Соловому нужно было кормить баб и детей.

Что его, впрочем, не прощало. Илье тоже случалось голодать в дальнем походе, однако он-то не съел никого, даже коней не кушал, хотя и наступал самый край.

Илья стряхнул с бороды сосульки, повернулся было идти, но застыл на месте. Далеко-далеко в глубине чащи ему почудилось движение и неразборчивое лопотание. Кто-то там возился, бурча себе под нос. Храбр склонил голову, ловя звук.

Когда волот не прячется, не боится, что услышат его, он всегда лопочет неразбериху. Бур-бур-бур. Словно пробует говорить.

Илья перебросил топор в левую руку. Набрал побольше воздуха и дунул в два пальца — с переливом и железным скрежетом. Свист отразился от высокого берега и эхом запрыгал по сумеречному небу.

В лесу ухнуло. Как бы хлопнуло негромко. А потом в ответ свистнуло так, что Илья аж присел. Это был уже не железный скрежет, это сталь

прошлась по стали, до холода в сердце и мурашек по спине.

— Ага-а!!! — воскликнул Илья.

Бросил топор под ноги и принял гулко барабанить кулачищами по груди, завывая и взрывая. Прыгая на месте. Стрях зверские рожи.

— Угу-гу-у!!! Ага-га-а!!!

Это не был вызов на бой. Илья просто обозначил: я пришел, и мне не страшно.

Говоря по чести, страшно было. Сначала. Жуткий свист с того берега ударил прямо в душу, понятно стало, отчего так легко сдалось Девятидубье и бежала малая дружина. Но уже через миг другой, распалившись как следует, Илья почувствовал себя привычно уверенным. Потом злым. А потом — страшнее всех на свете. С Ильей всегда так было перед серьезной битвой: сначала легкий страх, а потом боевая ярость. Надо только уметь эту ярость вызвать.

Теперь он был готов драться.

Храбр на своем берегу прыгал и махал кулаками, рыча, плюясь, выкрикивая ругательства. Из-за реки в ответ свистнули еще разок и притихли то ли выжидающие, то ли озадаченно.

Илья закашлялся. Слюннул. Подобрал топор. Погрозил невидимому противнику кулаком. Повернулся и зашагал по дороге обратно. Он услышал достаточно. Возились-то в лесу, а свистели почти с берега, из священной рощи. Никуда Соловый не ушел, он ждал, что добыча сама придет к нему.

Дождался.

Все было совершенно ясно. Илья точно знал, как поступать дальше, какие отдавать приказания, чего опасаться, о чем не думать. А еще — порвать да посвистать от души было очень приятно. В городе себе такого не позволишь, народ пугается. Илья однажды шумнул на ярмарке потехи ради — зарекся. Ладно мужчины разбежались и прятались, кому они нужны. Бабы потом от храбра шарахались, вот что обидно, даже самые жадные и сговорчивые. А ему как раз в поход надо было. Глупо вышло.

А хорошо нынче повеселился. И слыхать тут далеко.

Илья представил, какие ошелелые рожи будут у братьев Петровичей, когда он вернется, и захотал.

* * *

Встали затемно, наскребли по обочинам снегу обтереться, слегка перекусили, натянули тетивы, облачились в боевое. Не спеша подъехали к Смородинке. Через реку пошли, когда совсем рассвело. Первым шагал Илья, лениво помахивая булавой, сзади и по сторонам Петровичи, оба при длинных луках с наложенными на тетиву стрелами. Челядь и Миколу оставили на другом берегу. Челядь не возражала, Миколу храбр убедил подзатыльником.

На льду валялись останки нескольких коней — обрывки шкур да кости. Никаких следов вокруг

не было, казалось, объеденную животину пошвыряли с берега вниз частями.

— Границу выложили, — буркнул Илья. — Ну-ну.

Петровичи шли в кольчугах и шлемах, Илья надел лишь толстую боевую куртку, обшитую железными пластинками. «Вдруг придется бегать-прыгать, — объяснил он. — А вы стреляете лучше меня, вам и луки в руки. Если кто высунется, сразу валите его, я булавой добью».

Никто не высунулся. Троица без приключений взобралась на высокий берег, миновала еще одну россыпь конских костей и остановилась.

В старые времена Девятыдубье было огорожено тыном, но уже при отце нынешнего князя тын снесли — обороняться стало не от кого, а ограда мешала разворачиваться обозам. Остались только ворота, то есть два столба с перекладиной, обозначавшие въезд на постоянный двор. Сейчас ровно посреди ворот темнело пятно на неглубоком снегу, и в нем — вмерзшая человеческая голова.

Петровичи медленно поворачивались из стороны в сторону, держа луки на изготовку. Широкие остро заточенные срезни — наконечники стрел на зверя и незащищенного врага — высматривали цель.

Илья все поигрывал булавой.

— Ты бы свистнул, а? — шепотом предложил Лука.

— Здесь никого нет.

Илья подошел к воротам, посмотрел на голову.

— Оторвали, — сказал он. — М-да... Убирайте луки, братья. Пойдем в избах смотреть.

— Говоришь же — нет никого.

— Все равно посмотреть надо.

— Ну так свистни. Если кто есть, вылезет сразу. Илья недовольно фыркнул.

— Волоты ушли в лес, — объяснил он. — Спят, ждут ночи. Думают, мы тут поселимся, а они ночью придут. Зачем их тревожить сейчас? Нам много чего сделать надо, не хочу, чтобы мешали.

Петровичи неохотно попрятали стрелы, сняли тетивы и убрали луки в налучья за спину. Василий подошел к Илье и уставился на оторванную голову.

— На старосту похож. Ишь как, будто по чину, прямо в воротах бросили. Старосту здешнего помнишь?

— Не-а, — сказал Илья. — Они для меня все на одно лицо, старосты эти, тиуны... Вот девка тут была светленькая... Подавала на дворе. Забыл, как звали.

— Ксана? Она не только подавала. Она еще и давала.

Илья неприязненно покосился на Василия:

— Откуда знаешь?

— Так мне и давала.

Илья тяжело вздохнул. Василий поспешил объясняться:

— Я этот грешок потом замолил. И свечку поставил.

Илья вздохнул еще горше.

— За каждый раз, — добавил Василий.

Илья ловчее перехватил булаву, обогнул ворота и неспешно двинулся к постоянному двору.

Лука подошел к брату.

— Ты полегче с этим, — буркнул он. — Илья баб страсть как уважает. Прямо трясется весь, если кто бабу обидит. А они его не особенно любят. Боятся.

— А я виноват?..

Василий недовольно засопел. Он привык считать себя отважным, сильным, красивым и удачливым. Меньше всего его трогали чужие трудности с бабами, а уверещания старшего брата — злили. Лука, тоже сильный, красивый, везучий и смелый, с возрастом стал занудой и все чаще прятался за чужие спины. С таким братцем в руководителях прославиться трудно. А Василий очень хотел именно прославиться. Денег и челяди у Петровичей и так было полно. Не хватало громких воинских подвигов. За братьями числились ратные успехи, но только в составе дружины, в общем строю. Не то.

— Все равно ты Илью не зли попусту. Он сейчас главный. Мало ли...

— Добрьня его по головке не погладит, если нас тут прибьют, — понял намек по-своему Василий. — А князь, тот просто шкуру спустит.

— Ты лучше подумай, что будет с нами, если тут его, Урманина, прибьют, — посоветовал Лука угрожающе.

— Ну, мы скажем...

— Ничего мы сказать не успеем! — зашипел

Лука. — И шкуру спустят — с нас. Нечисть спустит! Илья сам наполовину урманский йотун, не знаешь, что ли. Поэтому его ни порча не берет, ни волшба ихняя. Поэтому он их чует издали. Пока Илья жив, мы против нечисти сила. А если с ним чего случится, бросай все и беги за реку. Срубленных голов я видел достаточно на своем веку. А вот оторванных... Понял?

— Вы чего там шепчетесь, братья? — позвал Илья. — Сюда идите. Тут есть на что посмотреть.

Распахнутая дверь постоянного двора не была повреждена. Ее открыли изнутри. Мерзлая утоптанная земля вокруг двери чернела застывшей кровью.

— ~~Ложко~~ придумано, — Илья ткнул булавой вверх. На крыше была широкая дыра со рваными краями.

— Один-два зашли через крышу, и народ сам на улицу выскоцил. А остальные ждали тут, — понял Лука.

— Точно.

— Не вижу костищ, — Лука огляделся. — Удивительно. Как еще отпугивать нечисть по ночам?

— Здесь не держали оборону, — сказал Илья. — Только прятались. Мне так кажется. Днем высокивались, наверное, а ночью все набивались на двор и сидели, дрожали.

— Почему?

— Страшно было, вот почему.

— Расспросить бы тех баб, что добежали до Карабчева.

— Мы уже довольно знаем, — отрезал Илья. — Ну, полезли внутрь.

Внутри все было поломано и перевернуто вверх дном. Не уцелело на первый взгляд ни единой лавки. Открытая дверь и дыра в крыше давали достаточно света, чтобы понять, насколько заляпаны кровью стены и пол. Кое-где валялись обрывки одежды. Прямо над дверью торчал из бревна глубоко вбитый широкий лесорубный топор.

— Промазал смерд... — сказал Василий. — Жаль.

Он попробовал вырвать топор. Не получилось.

— Отойди от двери, свет застишь, — буркнул Лука, щуря глаза. — Тела где? Ни огрызка не видать.

— Утащили к лесу, сожрали там. — Илья ушел в глубь двора и сразу потонул в сумраке. — Посмотрю-ка кладовую. Не ходите за мной, вам темно будет, угостите еще по затылку сослепу...

— Не очень-то и хотелось, — сообщил Лука.

— В кладовую или по затылку? — съехидничал Василий, лениво дергая топор.

— Надо было огня взять, — сказал Лука. Подошел к брату, отодвинул его от двери, взялся за рукоятку топора и легко выдернул его из бревна.

— Силён, — оценил Василий.

Тихонько свистнул Илья. Братья поспешили к нему.

Невысокая кладовая, пристроенная ко двору вдоль стены, оказалась наполовину забита сеном. Под застreichой виднелись узкие щели, через которые скучо пробивались солнечные лучи. На полу

валялись ломаные полки, битые горшки, обрывки берестяных туесков, какая-то ветхая драная мешковина, части конской упряжи.

— Осмотритесь, — сказал Илья. — Ночью здесь будете. В сено зароетесь, хорошо переночуете. Только спите по очереди, я проверю. И следите за этими щелями под крышей.

— Ты главный, — отозвался Лука.

— О вас же забочусь. Пошли отсюда, избушки смотреть. Василий, ступай к реке, помаши нашим, чтобы подтягивались. Только не кричи. Да, голову эту оторванную спрячь куда-нибудь.

Жилища местного люда, убогие полуземлянки, оказались в разной степени разорены, но как-то вяло, не по драке. Судя по всему, сначала избушки были поспешно брошены, а потом в них возился некто большой и неповоротливый.

— Ты прав, — сказал Лука. — Все прятались на постоялом дворе. А куда им было деваться... Но ведь это случилось не в один день. И не в одну ночь. Их тут неделю ели, если не больше...

Он стоял на улице, глядя в сторону девяти дубов священной рощи. Рядом встал Илья, уперев руки в бока. Лука Петрович сразу показался высоким, но очень тонким, каким вовсе не был.

— Почему местные не бежали все сразу? Кто-то ведь попытался... — думал вслух Лука. — Не догадались, что будет? Или так держались за свою волю? Не хотели звать дружину на помощь, боялись попасть в вотчинники? А? Не понимаю.

— Они были сильно напуганы, — сказал Илья.

— Я, знаешь, тоже иногда пугаюсь, — сообщил

Лука доверительно. — Но не дурею от страха, а выход ишу.

— Вот поэтому ты храбр, а они... Просто люди.

Лука горделиво надулся и выпятил бороду.

На берегу фыркали кони и вполголоса переругивалась челядь.

— Займись кострами, — попросил Илья. — Дырку в крыше надо заделать по-быстрому. Так... По-моему, всё. И проследи, чтобы сильно не шумели.

— Ты пробовал развалить дом без шума? Хотя бы такой маленький?

Илья почесал в затылке.

— Вот пускай твои и попробуют, — сказал он после некоторого раздумья. — А ты проследи.

— Ну-ну... Костры как часто класть?

— Как можно чаще. На две дюжины шагов, не дальше. И нужен запас дров на вторую ночь.

— Мы так все село раскатаем, — заметил Лука неодобрительно. — Один двор с кладовой останется.

— И хорошо. Меньше места оборонять проще.

— Жалко... — протянул Лука.

— Твое село, что ли?

Лука рассмеялся.

— Ну ты даешь, Урманин. Как скажанешь — и возразить нечего. Поддел меня, поддел...

— А кто говорил, что я глупый? — Илья хитро прищурил один глаз.

— Я не говорил!

— Ты говорил, — сказал Илья. — Но это было давно.

* * *

Булава у Ильи была в руку длиной, не его руку, конечно, а простую человеческую. Навершием служил железный куб с тупыми шипами на четырех сторонах. Надежное оружие, совсем простое, и не скажешь, что знаменитого храбра. Давным-давно, по молодой глупости, Илья заказал себе булаву много длинее и тяжелее обычного, которую выкинул после первого же серьезного боя. Эта дура могла размазать врага в кровавую юшку с одного попадания, от нее не было спасу ни щитом, ни броней. Но, увы, булава-великанша таскала Илью за собой, закручивала, вынуждала принаршиваться к своему весу, рассчитывать все движения на несколько ходов вперед. А Илья привык быть самым быстрым, действовать по наитию, бить в слабое место, едва оно откроется, уходить из-под удара, когда противник уже уверен, что тебе конец. Да, Урманин представлял собой очень большую цель. И в пешем бою его ноги перемещали огромное тело не так споро, как хотелось бы. Зато Илья почти не чувствовал веса оружия и брони. В двух кольчугах, шлеме, с топором и булавой, он мог вертеться на месте ловчее всех. И даже иногда невысоко подпрыгивать. Еще очень помогала длина рук. И наконец, Илье было достаточно ударить человека один раз. Ударить чем угодно. Недаром Лука Петрович сказал брату: «А он дерево сломает и тебя по репе треснет...» Лука однажды это видел.

Сейчас пальцы Урманина стиснули рукоятку булавы так, будто хотели сломать ее.

Илья стоял посреди священной рощи, уставившись пустыми глазами на Перуна. Это был совсем новенький идол, наспех вытесанный, не-глубоко вкопанный, измазанный кровью.

Здесь вообще кровью было измазано все. И по-всюду валялись начисто обглоданные кости. Илья догадывался, почему на девяти дубах не висят кишкы, — их подъели.

В лес уходили следы, множество следов. От ног и от волочащихся тел. Прямо рядом с сапогом Урманина в окровавленном снегу отпечаталась ступня, похожая на человечью. Почти вдвое больше, чем безразмерная нога Ильи.

Перун скалился Илье в глаза. Перуна вырубили топором и быстро дорезали ножом. У Перуна были клыки золота, остроконечные уши золота, круглые маленькие глаза золота, растопыренные ноздри золота. Пока его не окропили кровью, свежеобтесанное бревно было светлым, почти золотистым.

Перун был Соловым.

...При свете дня, когда нажравшаяся человечина нечисть отсыпалась в чаще, сюда пришли люди. Выдолбили в мерзлой земле яму. Воткнули идола. Спели ему, сплясали перед ним, вознесли к нему мольбу. А потом? Перерезали горло ребенку? Бросили к ногам Перуна шкуру и на ней быстро по очереди вошли в дрожащую от холода девку, после чего срубили ей, уже бесчувственной,

голову — может, тем самым топором? Или в таких случаях положено отдавать девку Перуну не-порченой? Значит, сразу топором по шее? Все это не могло помочь никак. Могло только подарить людям надежду. И они надеялись. До следующей ночи...

Илья медленно обошел священную рощу. Слишком много следов, все затоптано. Такое же месиво на пути от рощи к селу, не поймешь, кто куда и когда бежал. Но похоже, в самый разгар кровавого жертвоприношения из леса выскочила нечисть, вся до последней мелкой тварюки, и напала на молящихся. И разметала в кровавые ошметки. И съела. Илья подумал — это было спра-ведливо.

Они могли биться и умереть достойно. Могли после первых же смертей бежать, не по опасной узкой дороге в Карабев, а за реку, к далекому Киеву. Боялись, волоты настигнут их? Наверное. Но они могли сделать хоть что-то! Не сдаваться.

А они взяли и пали на колени перед божест-вом.

И божество покарало их за слабость.

Илья вернулся к Перуну. Еще раз посмотрел на него пристально.

— Нет, ты не бог, — сказал он идолу.

Повесил булаву на пояс. Развязал пару ремешков, стягивающих куртку у шеи. Сунул руку под рубаху, нашупал там крест, а рядом с ним кожаный мешочек. Достал что-то из мешочка и показал Перуну.

— Гляди.

На ладони Урманина лежал маленький кусочек железа в виде буквы Т.

— Увидел?

Илья спрятал железку обратно на шею, застегнул куртку и снова взял оружие в руки. Мгновение он стоял перед идолом, словно раздумывая, не врезать ли ему булавой по оскаленной морде.

— Теперь ты знаешь, что будет, — сказал Илья.

Круто повернулся и ушел к селу.

Из Девятидубья донесся сдержанный грохот. Там пытались без лишнего шума раскатать избу.

* * *

Малая дружина не добилась в Девятидубье ничего, кроме позора, но дала уяснить важное. Нечисть не хотела идти за Смородинку. Только пара молодых рыже-бурых тварей выскочила на лед, преследуя отступающее воинство, но сразу встала. Обычно волоты не боялись рек, наоборот, они любили воду, хорошо плавали и ныряли, а зеленые лешаки так вообще жили на болотах, в самой топи, питаясь лягушками и змеями. Отогнать от реки берегиню надо было постараться. Да никто, пожалуй, и не пробовал, если оставить братьев Петровичей, которые непонятно чего с берегиней учудили — по пьяни небось.

Раз отпрыски Солового встали на реке, а потом еще пошвыряли на лед объедки коней, обозначив так границу, значит, глава рода не считал

землю за Смородинкой своими охотничими угодьями. Видимо, он с самого начала двигался на восход, туда, где леса гуще, дичи больше, селений меньше. Не застянь он у Девятидубья да не оголодай вконец, никто бы его и не заметил.

По большому счету, все эти «если бы да кабы» Илью не заботили. Ему надо было уберечь то, что он пренебрежительно называл «обоз», — сани, коней, челядь Петровичей, Миколу. Дабы строптивый парубок не дергался, его назначили над челядью временно главным. А то прискакет, неровен час, на подмогу, тут и конец ему.

Миколе приказали до захода солнца убраться с обозом на пару верст за реку, встать по возможности в открытом месте, обложиться кострами и сидеть тихо до особого распоряжения.

— А если тут у вас что? — неуверенно спросил Микола.

Он нашел в снегу у реки оброненный кем-то из друдинников меч и с тех пор очень волновался. Когда дружина, пусть даже не «младшая киевская», а вовсе малая, с бору по сосенке, удирает, теряя оружие, тут заволнуешься.

— А если что, я тебе свистну, — пообещал Илья.

Как и предсказывал Лука Петрович, от Девятидубья мало чего осталось, когда его раскатали на требуемое количество дров. Только баньки у реки не тронули, да кузницу Лука не позволил ломать, маленькую, тоже над самой рекой, наверняка переделанную из бани.

— Железо из кузни грузите в сани, — распорядился он. — Пригодится в хозяйстве.

Подгоняемая страхом, челядь разметывала избушки и кладовки с невероятной скоростью.

— Истинно говорят: ломать не строить! — только и сказал Василий.

— Вот вы, значит, как можете трудиться на самом деле, — добавил Лука. — Вернемся домой, высеку всех скопом и каждого по отдельности. Лентяи!

Постоялый двор обнесли кольцом высоких, в рост человека, костров, готовых к немедленной растопке. От костра к костру бродил Лука и вздыхал. Стало ясно, что хоть Петровичу и отказали, а в мечтах он все равно видел Девятирубье своей вотчиной.

Пока обоз собирался, витязи сели подкрепиться. На ночь и утром Микола сделал каждому по два куска жареного мяса, завернутого в толстые лепешки. Для питья отыскал пару уцелевших кадушек и наполнил их водой из проруби.

— Хозяйственный какой, — оценил Василий. — Болтает только много. Микола, а Микола! Бросай своего дядю, иди ко мне. Не пожалеешь. Делать ничего не надо, мне и так четверо штаны подают. Когда осмотришься, ключником тебя поставлю.

— Я в холопы не пойду. Да у вас и терем-то не свой, — ляпнул Микола.

Василий залился краской и поднял было кулак, но передумал.

— И правда болтает много, — согласился Илья. — Пороть его некому.

— Ты ему дядя, ты и выпори... — прошипел Василий.

— Домой вернемся если — выпорю, — пообещал Илья.

И незаметно подмигнул Миколе.

Смеркалось. Илья на прощанье огладил Бурку, что-то шепнул ей на ухо, и обоз ушел за реку. Хмурый и сосредоточенный Микола ехал последним. «Потому что я главный, а опасность сзади», — объяснил он.

— И правда добрый парубок, — сказал Лука. — Не бывать ему ключником. В дружиинники глядит. Слышь, Урманин! Не отпускай его. А то он так много о себе мнит, что непременно молодым погибнет.

— Не бухти, — попросил Илья. Он стоял у растопочного костра, глядел в сторону леса, склонив голову набок, и даже вроде шевелил ушами.

Петровичи послушно замерли. Освоившись в Девятидубье, они заметно осмелели, но сейчас приближалась ночь.

— Учуяли нас, — сказал Илья. — Днем еще учуяли, но через сон. А теперь просыпаются. Берите головни, братья. Палите, и расходимся по местам.

Костры вспыхнули быстро, постоянный двор опоясался кольцом пламени. Стало очень светло внутри кольца, и непроглядная темень застила мир за его пределами. Илья обошел всю огнен-

ную стену, приидирчиво ее разглядывая, и остался доволен.

— До утра ни одна тварь не сунется.

По задумке Ильи, твари должны были всю ночь шастать вокруг двора и к утру сдуреть от злости. Кто-то наверняка уйдет в лес дрыхнуть на голодное брюхо. А те, что останутся, будут в самый раз для битья — усталые, отупевшие, рвущиеся к добыче любой ценой.

— А утром мы их поодиночке...

И тут из-за костров свистнули.

Лука и Василий выронили головни, присели и зажали уши.

— Привыкайте, братья, — посоветовал Илья, болезненно морща лоб. — Это еще легонько. Вот сейчас...

Новый посвист был похож скорее на хлопок, словно кто-то, ростом до неба, звонко ударили в ладоши. Василий со стоном упал на одно колено. Лука мотал головой. Даже Илья чуть пригнулся.

Ударило по ушам вновь, так, что загудело в голове.

— В дом! — крикнул Илья.

Следующий удар они перенесли легче, его ослабили бревна.

— Убью! — прохрипел Василий. — Убью тварь, зажарю и съем!!!

— Молодец! — Илья шлепнул было Василия по плечу, но тот вовремя отшатнулся.

— И так всю ночь?! — простонал Лука.

— Нет. Устанет. Соловый хоть и нечисть, а тоже живой.

Жжжах! Свист стал выше, теперь он не бил, он резал.

Илья присел на лавку. Здесь успели навести порядок, хоть и наспех, соорудили даже подобие стола на козлах. Тлели лучины, как раз пора было их переменить.

— Стрельнуть, что ли? — буркнул Василий, потирая ладонями уши. — На звук. Я умею. Понять бы, откуда он... Будто отовсюду.

Посвист стал еще резче, потом рассыпался, окружая постоянный двор.

— Будто отовсюду... — повторил Василий.

Илья взял пригоршню свежей лучины со стола, поворотил в пальцах, отложил.

— Лезьте в кладовую, — сказал он. — Возьмите сена или тряпок каких, в жгуты скрутите, заткните уши. И ждите утра. Скоро нечисть утомится, будет ходить кругом молча. Когда прогорят костры, полезет сюда. Ко мне через дверь, к вам через щели под застreichой.

— А вдруг опять крышу проломят?

— Нет. Если дырка есть, нечисть всегда идет в дырку. Тут-то мы ее и встретим. Полдела сделано, братья. Нам теперь не уйти отсюда. Им — тоже.

Илья усмехнулся и положил на стол булаву.

* * *

Нечисть всю ночь бродила вокруг двора, не решаясь пересечь огненное кольцо. Волоты свистели и улюлюкали, рычали, визжали на разные

голоса. Потом начали уставать и злиться. На это Илья и рассчитывал. В самое свое время — темное — нечисть оказалась от добычи отрезана. Ближе к утру волоты озверели настолько, что подрались между собой. Потом самые крупные убрались в лес несолоно хлебавши. А молодь затаилась неподалеку, лишь иногда выдавая себя гулкими вздохами и лопотанием.

Илья ночью не присел ни на миг. В углу лежал меховой плащ, можно было прикорнуть вполглаза без боязни замерзнуть. Но храбр не стал разводить огонь в каменке и лучинам дал погаснуть. Бродил по темному двору из угла в угол — опасался, что материая тварь, может, сам Соловый, наберется духу пробежать между кострами. А еще слушал, очень внимательно слушал. И принюхивался.

На слух выходило, что волотов действительно пятеро. Двое старых, двое средних, один мелкий. Как эта ватага учинила такой страшный разбой и обратила в бегство дружину, удивляться не приходилось — даже Петровичи, тugoухие и начисто лишенные воображения, терпели посвист Солового с трудом. И то их воодушевляло присутствие Ильи. Без него отважные храбры мигом намазали бы салом пятки. Выдержать сатанинское пенье волотьего хора было выше человеческих сил.

И в драке один на один даже самая мелкая тварь легко убила бы безоружного человека. Еще проще ей погубить коня — прыг на шею, да за горло зубами. Илья невольно поежился, вспом-

нив о любимой Бурке, вечно сонной на вид. Ко-
была была уже в годах, скоро надо искать ей за-
мену, а где еще такую громилу взять, они не часто
родятся... Бурка с хорошего разгона затоптала бы
в кровавый блин даже старого волота, но прыжок
на шею был для нее верной смертью. И хотя к
своему разбойничьему свисту Илья кобылу при-
учил, кто знает, как бы она себя повела, рыкни на
нее Соловый.

Нет, ни простой друдинник, ни самый хоро-
шо обученный боевой конь не годились против
волотов. Добрыня знал, кого сюда посыпать. И не-
даром князь с ним согласился.

Начало светать. Костры почти догорели. Илья
встал в угол и весь обратился в слух. Вот потре-
сывают угли. Вот дышит во сне один из Петро-
вичей, второй не спит, хорошо. А нечисть? Неу-
жто вся ушла?

Шорох. Еле слышный шорох за стеной кладо-
вой. Нет, не за стеной — по стене.

Бац!!! И в ответ — звериный визг.

Илья схватил лук, одним движением надел тет-
тиву и выскочил со двора, по ходу накладывая
стрелу. За Петровичей он не волновался. Если
Лука приложил кого кистенём в лоб, там беспо-
коиться не о чем.

Костры едва тлели. Вблизи чужаков не было
кроме того, что влез на конюшню. Илья отбежал
шагов десять, развернулся и встал к лесу грудью,
высматривая, вынюхивая, выслушивая нечисть.

Из кладовой доносились глухие тяжелые уда-

ры. Каждый удар сопровождался тонким бабым взвизгиванием.

Илья опустил лук. Похоже, остальная нечисть убралась глубоко в лес — спать. Ну, один волот уже добыча. Дюжина гравен Петровичам, да и себе какая-никакая радость от выполненного дела.

Бить в кладовой перестали, теперь оттуда слышалась какая-то странная возня. Потом раздалось негромкое утробное подвывание. Будто бы женское. Илья недоуменно поднял брови. Снял тетиву, убрал в кошель на поясе. И поспешил к Петровичам.

— Вы... Вы чего?! — только и вымолвил он, пробравшись в кладовую и увидев, что там творится.

Наружную стену кладовой поддерживали нетолстые столбы. Теперь на этих столбах было распято кожаными ремнями тело, с виду человечье, только заросшее пегой шерстью. И Василий Петрович пристроился к нему промеж широко раздвинутых ног.

— Девку поймали! — радостно сообщил Лука.

Илья молча взял Василия за шиворот и отодвинул в сторону.

Это была совсем молодая самка. Длинные, ниже плеч, волосы на голове, прямая челка над бровями, мягкая шерстка на едва различимой груди. Ростом мохнатая «девка» была со взрослого мужчину.

— На разведку пришла, — объяснил Лука. — Залезла тихонько, огляделась, тут я ее и угостили

гирькой промежу глаз... Хорошо, здесь кто-то упряжь забыл. Пригодилось вязать.

«Девка» была ни дать ни взять именно девка, только руки-ноги очень длинные, да еще нечеловечье лицо. Заостренные уши, низкий лоб, вывернутые ноздри, скошенный подбородок, огромная пасть, усеянная крепкими зубками, — предусмотрительные братья пропустили между зубов вожжу, и сейчас «девка» грызла ее, тихонько всхлипывая. Глаза были закрыты, выше переносицы под шерстью вздувался громадный желвак: сюда Лука угодил гирькой. Человека такой удар не прибил бы, так оглушил. А эта — жила и даже сопротивлялась.

— И чего вы с ней?.. — хмуро спросил Илья.

— Девка же, — просто сказал Василий, придерживая обеими руками спадающие штаны.

— Нельзя! — не думая выпалил Илья. Очень резко, неожиданно даже для себя.

— Ты чего? — удивился Василий, боком тесня Илью.

— Да как же можно...

— Мало они наших баб воруют?! — рявкнул Василий. — Сколько угодно! Вот мы сейчас им за это... Отомстим!

Илья угрожающе рыкнул. В ответ еле слышно — мешала вожжа в зубах — залопотала «девка». Василий перестал толкаться, перевел удивленный взгляд с «девки» на Илью и обратно.

— Одумайтесь, братья! — потребовал Илья. — Это же... Это же...

— Девка, — напомнил Лука. — Ну страшная, а чего? И не таких случалось. Дай повеселиться храбрам. Разве жалко?

Илья ссугуился больше обычного, чувствуя себя непривычно беспомощным. Это была добыча Петровичей, и они могли делать с ней что хотели. За Ильей оставалось, конечно, право главного, вплоть до присвоения добычи, но в старшей дружины вопросы так не решались никогда. Одно дело руководство в сече, тут попробуй Илью послушайся, сразу пошел из дружины вон. А вот дежлеж чего поймали — совсем другой разговор.

Сейчас Илья дорого дал бы, окажись с ним вместо Петровичей пара младших друдинников. Однако тех «девка» помяла бы едва не до смерти — а опытные и крепкие Петровичи ее скрутили вмиг. От них еще будет толк в драке с волотами. Но нельзя же так!..

— Нельзя же так... — буркнул Илья. Они с Василием осторожно толкались, легонько, чтоб не до драки. Василий лез к «девке», а Илья ему мешал.

Лука мягко положил руку Илье на плечо.

— Слыши, друг хороший, — сказал он. — Ты не понял. Это же приманка для остальных! Мы ее слегка того-сего, она помычит, попишит, родичи ейные в лесу услышат и опять сюда прибегут.

Илья дернулся плечом, сбрасывая руку. Обернулся к Луке.

— Плохо так. Нехорошо.

— Она ведь не человек, — заметил Лука, вкрад-

чиво заглядывая Илье в глаза. — Она вообще не разбери-поймешь.

— Тем более!

— Неделю без бабы, — пожаловался Василий у Ильи за спиной. — Тут и козу огуляешь.

— Лучше уж козу... А порчи не опасаетесь? — вспомнил Илья. Его медленно выпирали из кладовой, и он понятия не имел, что делать. Не бить же этих чудаков.

— Не-а, — сказал Лука. — Я еще ночью догадался, когда слушал их вопли. Ты прав, нету от них порчи. Только пугать умеют. А теперь, как мы насовали этой в рыло, так я вообще их не боюсь.

— Раз не боишься, значит, можно есть? — Илья презрительно фыркнул.

— Надо есть, Илюша. Надо. И чтобы за наших баб отомстить, и чтобы совсем не бояться.

Василий таки отпихнул Илью и опять пристроился к «девке». Та пискнула.

Илья протянул длинную руку и оттащил Василия.

— Да что ж ты непонятный такой! — возмутился тот. — Чего тебе надо?

— Неправильно это, — объяснил Илья. — Нельзя силой. Лучше добейте.

Он бы и сам добил несчастную, да Василий ее заслонял. И уж больно не по делу было ссориться с братьями сейчас.

Внутри у Ильи все клокотало. Он не думал и не хотел думать о том, сколько человек истребила

«девка». Сколько поела. Попадись она ему за разбоем, он бы сплющил ей черепушку в один удар. Но сейчас «девка» была для Ильи всего лишь поверженным врагом. Беспомощным существом, жестоко избитым, болтающимся в подвешенном состоянии ногами врозь. Храбр не испытывал к ней ничего, кроме жалости. И то, что Петровичи хотели с «девкой» сделать, Илья воспринимал как надругательство.

Отчасти еще и надругательство самих Петровичей над своим человеческим естеством. Мало ли, кого топчут волоты. Это еще не повод «мстить» им таким же образом.

— Ну стойте! — почти взмолился Илья.

— Ты главный. — Лука кивнул. — Мы ждем. Слу-ушай, может, ты свою долю хочешь? Имеешь право. Давай, вставляй. Первому храбру — первое место!

Илья от изумления схватился за голову. Василий, воспользовавшись этим, тут же просочился к добыче.

— Да как можно совокупляться с... ними! Что же вы над собой-то творите, братья?! Нельзя!

«Ибо сказано: два будут одна плоть», — выскочили из глубин памяти слова, подслушанные в церкви. Правда, это относилось к блудницам. И никому не мешало совокупляться. Но ведь с бабами! Да и блудниц на Руси не бывало отродясь, дал бабе денег в благодарность или подарил чего — не блудница же она после этого. Говорили, в Греции

блудниц полно. Недаром книга Библия, принесенная на Русь греками, так их ругала.

— Скажешь, мало волоты наших баб потоптали? — спросил Лука. — Слыхал небось, что с такими бабами после делают? Всем селом в одну дырку — и на плаху. Остынь, Илюша.

Василий, недовольно ворча, пристраивался к «девке», раздвигал ей шерсть в пауху, то и дело оглядываясь через плечо на Илью — не сцепает ли снова.

— Мы ведь ее сразу прибьем, когда закончим, — сказал Лука. — Так какая разница, кто она и что. Шел бы ты, Илюша. Дай развлечься.

Илья стоял в замешательстве, хлопая глазами.

— Да вы просто звери какие-то! — выпалил он. Лука недобро прищурился.

— Ты нашего не замай, — с поддельной ласковостью проговорил он. — Я понимаю, тебе не приятно. Ты же сам... Не просто так на свет народился. Верно?

Илья отшатнулся.

А через миг бросился из кладовой вон, так задев плечом Луку Петровича, что тот упал.

Позади сдавленно взвизгнула «девка».

* * *

На постоялом дворе Илья метнулся к кадушке с водой, плеснул в лицо, отпил через край, еще плеснул. Схватил огромный свой меховой плащ на шелковой лазоревой подкладке — ценой как

обе шубы Петровичей, — укутался им по самые глаза и рухнул в угол.

Ему хотелось стать очень маленьким и незаметным.

В кладовой «девка» стонала и выла так, будто ее не насиловали, а по живому резали. Илья заткнул уши, но не помогло. Он ощущал чужие страдания нутром. Да, «девка» пролезла в кладовую убивать. Но не для удовольствия, ради еды. А Петровичи глумились над ней, просто чтобы потешиться. Какая там месть! Какая приманка для волотов! Петровичам надо было доказать себе, что они сильные и смелые. Они для этого и берегиню толстозадую огуляли когда-то. За-ради удали молодецкой.

Неизвестно, как себя чувствовала берегиня, а вот «девку» не тешило сношение с храбрами киевской дружины. «Девка» чуяла, что ее скоро забьют булавой. А еще Илья, к несчастью, дал понять, что у нее тут есть защитник. И звала она на помошь не столько родичей из леса, сколько его, Илью.

С ним она легла бы, кстати. Сама, охотно... Илью от этой мысли аж передернуло.

Привязалась бы накрепко. Стала бы преданной домашней скотиной. Охотилась бы для него, а если надо, и убивала. Расчесывала ему волосы... Страхолюдина и человекоедка.

Илья пару раз стукнулся затылком о стену. Не полегчало. Некстати он вспомнил, как за ним уха-

живала иссиня-черная дочка Святогора. А папаша издали любовался и довольно хрюкал.

Вот за это он не смог убить ее, страшную — она его любила.

С виду зверь, а все равно баба.

Волоты, лешаки, одноги — женская часть всей этой нечисти считалась невероятно похотливой, издревле ходили слухи о том, что русалки волшбой приманивали к себе парней и залюбливали до смерти.

Все сказания и байки предостерегали мужчин от связей с нечистью. Во-первых, разыгравшаяся берегиня легко могла свернуть шею незадачливому любовнику. Во-вторых, подумать боязно, кого она потом родит.

Боязно подумать.

Илья заскрипел зубами.

Его родила мама.

Он с раннего детства знал, что не такой, как все. Иногда ему кричали в спину — эй, отродье однога! Тогда Ульф догонял и бил. Легонько, чтоб не насмерть. Это научил отец. Сказал: обязательно бей любого, кто возвысит на тебя голос или поднимет руку. Но только вполсилы. Ибо пока ты мал, за совершенное тобой смертоубийство отвечать будут родители. Понял, Ульфи-Вульфи? Скажи им, что ты оборотень, что можешь перекинуться в волка. Пусть боятся.

Дети не верили, что Ульф оборотень. Сколько ни рычал по-звериному — дети пугались, но потом снова задирали его. Чтобы побороться. С ним

любили бороться, хотя он всегда побеждал. К нему вообще тянулась всякая живая тварь. Тянулась с опаской, иногда преодолевая злобу, но все равно лезла, не понимая, то ли загрызть, то ли облизать с ног до головы. Ульф был странен и этим притягивал. Его ненавидели собаки — он научился так смотреть на них, что сами ползли на брюхе целоваться. Шарахались кони — он стал говорить с ними, и к Ульфу взревновали все окрестные жеребцы.

Отродье однонога. Ульф спросил отца, что это значит. Значит, ты могуч как йотун, сказал отец, и хватит об этом.

Ульфи-Вульфи, звереныш мой, говорила мама, и мальчик чувствовал: ей отчего-то больно.

Когда Ульф вырос и стал воином, то догадался, почему было так больно маме. Но он спрятал эту догадку в самый дальний уголок памяти. Иначе, стоило только вспомнить, его скручивало в дугу от жалости к маме, отцу, себе — и слезы хлестали из глаз. А жалость быстро переходила в ненависть — к маме, отцу, себе... Нет, это было совсем не нужно. Ульф Урманин и так оказался слишком одинок и неприкаян на этом свете, чтобы жить во злобе.

А к йотунам он был равнодушен. Волки да медведи тоже жить мешают. Подумаешь, йотуны.

Но как же он их ненавидел!..

Илья вскочил, сбросив плащ на пол, снова отпил ледяной воды. Глупцы Петровичи разбередили ему душу. Голова раскалывалась от бешенства.

На постоялом дворе вдруг стало тесно и нечем дышать. Илья сжал ладонями виски и, пошатываясь, шагнул через порог.

Он брел куда-то, ничего не видя и не слыша вокруг, закрывшись от всего мира, чтобы в своей безумной ненависти не перевернуть его.

Да идите вы все со своими Петровичами, князьями, вольными селами, йотунами, киевским столом, греческими священниками, варяжскими гостями, торговыми обозами... Как вы живете?! На что вы похожи?! Чего вы хотите?! И за что вы так мучаете меня??!!

Илья остановился, только когда почуял впереди опасность. Протер слезящиеся глаза. И обрадовался.

Он пересек линию костров и подошел вплотную к священной роще.

Из рощи на него наступала, рыча и скаля зубы, огромная волосатая тварь.

Бабища с ужасной звериной мордой. Выше Ильи почти на голову, в плечах, как он, а ниже спины, как полтора Ильи. Пегая с проседью. Мамаша.

У супруги Солового были необъятные бедра, огромные груди свисали до пупа, тяжело мотаясь при каждом шаге. Маленькие красноватые глазки, казалось, полыхали огнем. На ходу мамаша переваливалась как гусыня, но приближалась очень быстро. Еще немного — и сгребла бы Илью длинными лапами.

Илья чуть присел и рыкнул, вызывая на бой.

Мамаша прижала уши, разинула пасть и за-
визжала.

Илья временно оглох. Успел подумать, что ра-
зозленная медведица не такая страшила, пожа-
луй.

А старая самка прыгнула на него.

Илья бежал со двора так поспешно, что остал-
ся там булаву. Из оружия с ним были только не-
пременный засапожный нож да любимая плетка-
семихвостка за поясом, давний подарок Добрыни.

И вот этой плетью Илья хлестнул, рубанул ма-
машу с разворота поперек ее болтающихся гру-
дей. Семь ремней с узелками, в каждый из кото-
рых был зашит кусок свинца, глубоко вспахали
живую плоть и улетели дальше, потянув за собой
алые струи, ярко-алые в свете колючего зимнего
солнца.

Самка вскрикнула так, что Илья расслышал
этот вопль даже сквозь набившуюся в уши глухую
тишину. Телом расслышал. Он уже завершил свой
отскок-разворот и прочно встал на обе ноги ря-
дом с тропинкой, а самка бежала сквозь то место,
где Илья только что был. Руками она обхватила
себя, пытаясь зажать раны. И кажется, сильно кло-
нилась вперед. Вот-вот упала бы.

Короткая, чуть шире ладони Ильи, рукоять се-
михвостки была вита из тех же сыромятных рем-
ней, но внутри прятался железный стержень. На-
ружу выглядывал полукруглый, как шляпка гри-
ба, ударный наконечник. Илья шагнул мамаше за
спину, изо всех сил подпрыгнул и с размаху вре-

зал железкой под острый затылок, туда, где едва угадывалась шея.

В руку отдалось хрустом. Огромная баба медленно повалилась мордой вниз, безвольно уронив руки вдоль туловища. Снег под тушей сразу набух кровью.

Илья осмотрелся. Потряс головой. Он по-прежнему не слышал почти ничего. Но остро чувствовал неприятный буравящий взгляд из леса. За Ильей наблюдали — опасливо, нерешительно. Кажется, его начали бояться. Он слишком легко одержал победу.

От села шли на подмогу Петровичи, опять со своими луками, мелкими шажками, испуганно полуприсев, нелепо тыча стрелами во все стороны. Илья высоко поднял руку, давая знак — стой. Дождался, пока его увидят, и показал: назад. Петровичи тут же убрались, как ему почудилось, с радостью. У них наверняка заложило уши и тряслись поджилки.

Вдогон Петровичам из глубины леса понесся свист-скрежет. Все такой же противный, но уже не очень страшный.

Мертвая баба на тропинке сучила ногами. От нее одуряющее несло зверем. Молодая так не пахла.

Илья взмахнул плеткой, стряхивая кровь. Глядел в сторону леса и ждал, когда пройдет звон в ушах, сменивший глухую пустоту. Звенело аж до боли. Что-то будет, когда он сойдется вплотную с Соловым. Не стать бы до скончания веку туюхим. С другой стороны — вылез бы Соловый прямо

сейчас. И пускай старый волот гораздо быстрей да ловчей своей бабы, умнее ее, наконец. Зато он тоже чувствует боль. Пару раз попасть семихвосткой... Хорошо бы по морде, чтобы прикрыл ее лапами и стал вовсе беззащитен хоть на миг. Соловый всего лишь несчастная тварь, он не виноват, что такой. Убить его быстро. Прикончить. И домой.

Илья свистнул. Потом зарычал.

Лес не отозвался. Только ел храбра злыми глазами. Илья повернулся к лесу спиной, уставился на бабу. Та уже не сучила ногами. Под ней разливались пятна, большое красное и небольшое желтое.

Илья сплюнул и медленно пошел к селу.

Никто не выскочил из леса ему вслед. Это было плохо. Значит, твари вправду напуганы. Но к ночи осмелеют. Явятся, уткнутся в стену огня — а дальше? Поди догадайся, что им придет на ум. Возьмут, да просто ломанутся вперед с голодухи — все сразу. Кого в дверях пришибешь, а кто и в дом пролезет. Как Илья ни хорохорился, а сражаться с матерым волотом на тесном постоялом дворе ему не улыбалось. В драке нос к носу любой неверный шаг может стать последним. Судя по размерам мамаши, Соловый вовсе чудовище. Если ему удастся облапить храбра, прижать к груди, Илья хрустнет и треснет. И Петровичи не спасут, втроем они только помешают друг другу, биться надо один на один.

Нет, Илья не боялся всего этого, он знал, что

так или иначе справится. Но после встречи с «девкой» и ее мамашей пропал былой охотничий задор. Храбр за последние годы подзабыл, какие они — волоты, сколь причудливо в них перемешаны человечье и звериное начало. И как странно в нем самом, Илье Урманине, уживаются глубокая жалость и лютая ненависть к ним.

Теперь вспомнил. И сразу захотелось кончить дело скорее — холодно, расчетливо. Нынче же.

Всех убить и всё забыть.

Как вытащить тварей из леса засветло?..

Братья стояли бок о бок, поджиная Илью. Рожи у Петровичей оказались виноватые и пристыженные.

— Ну, Илюша... — сказал Лука.

— Чего? — Илья потряс головой, будто ему в ухо попала вода.

— Ну... И ну.

Илья оглянулся. Дохлую бабу на тропинке отсюда было видно.

— Значит, ты! — он ткнул плеткой в Луку, тот заметно подался назад. — Давай руби бабе голову, отрабатывай свою дюжину гривен. Василий!

— Я! Не кричи так.

— Сам кричишь. Это мы оглохли малость, ничего, пройдет. Становись с луком вон туда, следи за лесом, если кто высунется — стреляй.

— Да!

Илья поковырял в ухе пальцем.

— Девку прибили? — вспомнил он.

— Да!

— Врете... — Илья вздохнул. — Ну зачем? Думали бы, кому врать. Ладно, делайте, что сказано.

Он зашел на двор, жадно напился. Покопался в дорожной сумке, достал грязноватую тряпицу и принялся оттирать семихвостку от крови.

Издалека донесся стук топора. Илья удовлетворенно кивнул. Привычный острый слухозвращался к нему. Это было хорошо.

* * *

«Девка» так и висела на стене, распятая, уже молча. Когда Илья приблизился, открыла глаза и уставилась тупым звериным взглядом.

— Сейчас все кончится, — сказал Илья.

И сунул ей нож под левую грудь.

«Девка» всхлипнула, дернулась и умерла.

— Что ж вы такое, а? — пробормотал Илья, вытирая лезвие ножа о мягкую пегую шерсть. — И похожи на нас вроде, и другие совсем...

Даже сейчас, когда конечности «девки» безвольно повисли, было видно, как сильно оттопырены большие пальцы на ее ногах, а на руках — наоборот, плотно прижаты. Волоты не могли складывать кисть в кулак, палки и камни брали только всей пятерней внахлест. Правда, это не делало их менее ловкими и смертоносными.

— И чего вы лезете к нам? — спросил Илья. — Поубиваем ведь. Жили бы себе и жили... Эх.

Появился Лука, слегка забрызганный красным. Под мышкой у него была корзина с отрубленной

головой «мамаши», в руке тот самый лесорубный топор.

— Тяжело рубить, шеи почти не видно, — пожаловался он. — Кровищей изгваздался весь. Сказать Василию, чтобы звал наших костры выкладывать?

— Нет.

— ...И перекусить не мешало бы.

— Нет, — повторил Илья. — Мы закончим все сегодня. Прямо сейчас. Давай отвязывай эту.

— Сегодня закончить хорошо бы. А как? Напугал ты их, Илюша, сильно напугал.

— Жрать им от этого меньше не хочется, — сказал Илья и вышел.

Повесил на плечо тулу со стрелами, достал из поясного кошеля тетиву, придилично осмотрел — по зиме за ней требовался глаз да глаз. Взял лук. В отличие от длинных луков Петровичей, этот был короткий, удобный для стрельбы из седла. Тяжелый, мощный, сработанный из турьих рогов, с очень толстой рукоятью — под могучую лапищу Урманина. Конечно, Илья тратил меньше сил на выстрел, чем простой человек, и ему легче было выцеливать, но какой-то особенной меткостью он не отличался. Зато был дальше всех и крепче — уж если попадал, только брызги летели.

Илья шагнул было со двора, но в дверях остановился. Сдвинул шапку на лоб, поскреб в затылке. Тяжело вздохнул. Он кое-что запамятаовал.

— Лука!

— Ась?

— Девку отвязываешь? Ремни порезать успел?

— Пока один только... Нельзя было? — Голос у Петровича оказался заранее виноватый, прямо холопский голос. Сильно на Луку повлияло то, как Урманин в два удара разделялся с «мамашей».

— Остальные не режь. Сверни их, и вожжи за одно, кинь тут на стол. Пригодятся.

— Как скажешь, Илюша. Задумал чего?

— Да так... Обещал Добрыне и едва не забыл.

— М-да... Сомневаюсь я, что воеводе нужна старая драная упряжь, — буркнул Лука.

Илья в ответ только усмехнулся.

— Обезглавишь девку — тащи ее сюда, — бросил он через плечо и вышел со двора.

Василий Петрович стоял у линии костров, глядя в сторону рощи, где валялась дохлая баба. Илья подкрался сзади бесшумно и кашлянул. Василий на миг слегка присел, но сразу выпрямился и, сохраняя достоинство, сказал, не оглядываясь:

— Близко лежит баба. Пока светло, не выйдут они к ней.

— Сам знаю.

Илья достал из тулы стрелу, поглядел на чешечок наконечника, оклеенный поверх обмотки тонкой берестой, оценил взглядом оперение. Сунул обратно в тулу, так, чтобы ловчее было достать именно эту. Несколько раз натянул и плавно отпустил тетиву, разогревая лук.

— Пора звать людышек, — напомнил Василий. — Не успеют костры выложить.

— Забудь, — теперь Илья разглядывал Васи-

лия, так же, как только что стрелу. Как оружие. Нашел, что кольчуга и шлем сидят на витязе ловко, а темляк булавы легко снимется с ремня, но сам не соскочит. Василий надел еще и меч, ну, ему виднее, он умелый мечник.

— Жрать охота, — сказал Василий и протяжно зевнул.

В кладовой Лука стучал топором. Вскоре появился, волоча за ногу мохнатое тело.

— И у этой шеи нет почти! — сообщил он зло.

— Пойдем, — сказал Илья просто и двинулся вперед.

Храбры подошли к священной роще и остановились на краю огромной красной лужи, натекшей из обезглавленной «мамаши».

— Ух ты! — негромко воскликнул Василий. Он еще не видел Перуна.

— Ага, — сказал Лука. — Так-то.

Братья дружно сплюнули в сторону идола и перекрестились.

— Нечего креститься, — буркнул Илья. — Это не бог. Так, деревяшка.

— Вижу, что идол, — сказал Лука. И тут же спросил: — А кто это, если не прежний бог?

— Мне кажется... Нет, не знаю. Но по морде он у меня еще получит.

— ...И за дело получит, — добавил Василий, оглядывая поляну. — Слушай, ну и кровавое месиво тут было! Волоты их прямо здесь били, когда те приносили жертву, так? Глупцы. На что они надеялись?

— На свою глупость, — ответил Илья. — Они ничего не соображали от страха. Человечки глупеют со страха, тебе ли не знать, храбр. Мало, что ли, их гонял?

— Да уж было! — Василий приосанился.

Илья легонько усмехнулся в бороду. Киевские дружиинники тщеславны, лучший способ воодушевить их — напомнить, что они не такие, как все. Не глупеют от страха, а звереют. На Руси, где совсем недавно каждый мужчина был воин, да и сейчас не всякого смерда запросто уделаешь, заслужить славу храбра особенно почетно.

— Ну тогда убирай лук, хватай бабу! — сказал Илья.

Баба успела слегка примерзнуть, братьям пришлось сильно дернуть ее за обе ноги, чтобы с хрустом сдвинуть. Они проволокли ее несколько шагов, и Лука вопросительно оглянулся на Илью.

— Только вдвоем, тяжела больно. Это каков же у нее мужик?

— Солов шерстью и здоров человечину жрать. Увидим скоро.

Илья прислушался. В лесу было тихо — вряд ли кто-то сразу выскочит.

Он сунул лук в налучье, ухватил «девку» одной рукой за обе лодыжки сразу и зашагал к лесу. Позади братья волокли бабу, пыхтя и бормоча под нос разные слова.

Проходя мимо Перуна, Илья дал ему крепкого пинка. Идол со стоном покосился.

Петровичи на идола дружно харкнули.

Илья никогда не рушил языческих святынь. Прежняя вера русов не задевала и не оскорбляла его. Она была не так уж проста, кстати. И совсем не глупа. Она смыкалась с другими верованиями теснее, чем могло показаться на первый взгляд. Отец Ульфа чтил бога Тора, чьим славянским отражением был Перун. И христианское имя самого Ильи было в честь громовержца. При желании он мог бы увязать в уме: Тор-Перун-Илия, как все близко! Но вот этому уродскому Перуну-Соловому он с удовольствием врезал и от имени Тора, чей знак носил на шее, и от Илии, чей христианский крест висел там же.

Волоча безголовые тела, они вышли из рощи и встали у кромки леса. Под крайними деревьями слегка намело, в одном из сугробов отпечатался жуткий разлапистый след.

— Вот так ножка... — протянул Василий. — Страшнее медведя.

— Ага. — Лука кивнул. — Не хотел бы я с ее хозяином повстречаться...

И осекся.

— ...А придется, — заключил Василий.

— Бросай ношу, затыкай уши! — скомандовал Илья.

И звонко, с переливом, свистнул.

Они вернулись в рощу. Походя Илья еще раз наподдал идолу. Тот снова взвизгнул мерзлой деревяшкой и едва не упал — вкопали его еле-еле.

Илья огляделся. Пожевал бороду и увел братьев дальше, за дубы.

— Так, — сказал он. — В самый раз. Тут будем. Ташите сюда шубы свои, ляжете на них. И сбью взыми, Лука. И будем ждать.

— А если нечисть не выйдет из леса засветло?

— Выйдет, — пообещал Илья.

Другого ответа у него просто не было — что делать, если волоты не клюнут на приманку, он пока не придумал.

Братья отправились к развалинам села, Илья прошелся от дуба к дубу. Да, он выбрал правильное место. Не близко к приманке и не слишком далеко. Ветра нет, Соловый не найдет засаду верхним чутьем. А царапнуть его стрелой отсюда милое дело.

Не убить бы ненароком...

Он насторожился. Есть! В лесу что-то происходило. Лес отозвался на призыв храбра. Там ходили осторожно от дерева к дереву, принюхиваясь и прислушиваясь. Илья встал за дубом, потянул из-за спины лук и выругался. Всегда так с этими Петровичами: когда надо, их нет, а когда не надо — вот они, и никакого спасу! Еще сейчас прибегут, тяжело дыша, громко топая и бряцая железом, спугнут добычу.

— Дядя! — позвали от села почти шепотом.

Илья едва удержался, чтобы не взреветь от злобы. Показал рукой Миколе: конец тебе, парень. И Петровичам: идите в засаду как можнотише. Чуть выглянул из-за дуба. Волоты приближались, они могли появиться в любой миг, а Илья ещеничего не успел никому объяснить.

Микола принес ремни и вожжи.

— Зачем ты здесь?! — прошипел Илья.

— Испугался. Ты все не зовешь, не зовешь...

Я и прибежал взглянуть, как ты тут. Подумал...

— Думать не твое дело! Ляг за дерево и чтоб не высунулся! У-у, я тебя! Выпорю потом.

— Как скажешь, дядя, — согласился Микола.

Подошли взъерошенные Петровичи. Без шуб.

— Сам не выпорешь наглеца, я его выпорю! — шепнул Василий. — Мало того что старших не слушает, еще и распоряжаться вздумал! Не так идешь, не то берешь... Вот этими самыми вожжами надеру по мягкому, ей-ей!

— Вожжи для волота.

— Чего?..

— Слушайте, братья. Я попробую Солового взять живьем. Ваша забота — малые его. А он мой. Если сам под булаву подставится — не бейте по голове.

— Ну-у, Илюша... — протянул Лука. — Ну и ну.

— Вы малых старайтесь застрелить насмерть, а я Солового подраню слегка, чтобы разозлился и в драку полез. Теперь становитесь за тот дуб. И тихо! Посматривайте на меня, ждите, когда лук подниму, стрелять будем все вдруг. Ну, с Богом!

Братья перекрестились и убрались на место. Им затея Урманина совершенно не нравилась, это было видно.

Только Микола глядел на Илью восхищенными глазами.

Как всегда.

* * *

В молодости Соловый был, наверное, золотистым. С шерстью длинной и мягкой, волнистой, как у козла. Один грек рассказывал Илье, будто много веков назад воины его народа ходили в Колхиду добывать прекрасные золотые шкуры. Удавалось это только самым отважным и сильным.

Еще бы.

Соловый не шагнул из леса, он вытек. Одним длинным мягким движением. Остановился, повел ноздрями, принюхиваясь.

Илья оценил рост волота, размах плеч — и похолодел.

Нет, он не испугался. Но у него просто не было под рукой ничего, чем можно зашибить это... Это.

На всякий случай Урманин перекрестился и мысленно пообещал Господу, что будет хорошо себя вести.

Вслед за Соловым выпрыгнули его сыновья. Бурый и рыжий. Тоже крупные, но не так пугающие. Ну, немного побольше Ильи. Ничего страшного. А вот старый волот превосходил храбра на две с лишним головы вверх, да вширь едва не вдвое. Подумать было боязно, насколько он тяжел и силен. Ужас волосатый цвета свежеободранного дерева.

В глаза Илье бросился Перун, и храбр пожалел, что не вломил идолу лишний раз. Вылитый Соловый.

За соседним дубом страдали Петровичи. Их слегка тряслось. Илья старался не замечать этого. Его радовало уже то, что не слышно Миколы. Парубок, едва углядев волота, замер, не дыша. Предвкушал зрелище — как это чудо лесное будут бить.

А действительно — как?!

Соловый медленно пошел вперед, к лежащим на снегу телам. Рыжий и бурый обогнали его, забегали вокруг безголовых, раздалось негромкое лопотание. Соловый присел на корточки рядом с «мамашей», потыкал ее пальцем. Взял за руку, поднял, уронил. Он тоже что-то бормотал себе под нос — бур-бур-бур. Потормошил «девку». И вдруг заскулил высоким голосом, будто оплакивал погибших, едва не по-человечьи.

У Ильи невольно сжалось сердце. Опять он увидел перед собой не врага, а просто разнесчастную тварь.

И тут рыжий и бурый, которые до этого мельтешили, — замерли. Время!

Илья вскинул лук. Ощутил такое же движение Петровичей и спустил тетиву.

Три стрелы ушли к целям разом.

Рыжему попало в грудину, он даже не пошатнулся, только изумленно уставился на торчащее из себя древко.

Бурому угодило куда-то в бок, и он упал.

Соловый в последний миг то ли услышал засаду, то ли почуял — он дернулся, с невероятной для такой туши скоростью, и вместо плеча, куда шла стрела, принял ее мордой.

Илье показалось, стрела отлетела от головы Солового кувырком.

Раздался жуткий, невообразимый рев.

А в ответ — не менее дикий боевой клич.

Это выскочил из-за дуба храбр Илья Урманин, на бегу продевая руку в темляк булавы.

Навстречу ему, размахивая одной когтистой лапой, а второй зажимая окровавленную морду, быстро ковылял Соловый.

Рыжий выдернул стрелу из груди, тут в воздухе прожужжало, и еще одна прошла мимо, а другая вонзились ему в руку. Рыжий попятился. Зато вскочил бурый, которого только поцарапало, и кинулся вслед Соловому.

Стоял ужасный шум. Кричали все — и нечисть, и люди. А потом раздался треск и хруст. Это Илья врезался в Перуна.

Храбр поскользнулся, но сумел устоять. Выпустил булаву. Подхватил в падении резное бревно, проволок его одним концом по снегу, взвалил на плечо и бросился вперед, убирая бег, разгоняя Перуна, глядящего Соловому в грудь.

Позади тяжело бухали сапогами Петровичи. Микола, завладевший чьим-то луком, всадил еще стрелу в рыжего.

Соловый пер на Илью. Вблизи старый волот оказался еще больше, гораздо больше, чем хотелось бы. Зато не промахнешься.

Так быстро Илья не бегал в жизни. Он несся по прямой, ловя миг, когда надо начать заваливаться вперед, чтобы голова Перуна угодила Со-

ловому точно под ребра. Илья не мог остановиться, не мог наклонить бревно раньше или позже, от храбра уже ничего не зависело. Он просто бежал, исходя криком, как бегут на плотно сомкнутый вражий строй. Одна радость — бурый не успевал обогнать старого и помешать сшибке. И Петровичи были рядом. И булава не пропала, болтаясь на темляке, колотила по локтю.

Такие вещи очень радуют, когда оплошность стоит жизни.

Соловый оскалился и раскинул в стороны лапы, готовя смертельное объятие.

И тут бревно врезалось в него.

Раздался глухой тяжелый удар, и все куда-то полетели.

Потом Илья лежал на спине, глядя в небо.

В небе кувыркалось бревно.

Рядом кого-то били.

И кто-то страшно рычал.

Грохнулся оземь Перун.

Илья перевернулся, встал на четвереньки. Неподалеку валялся Соловый. Дышал вроде. Петровичи дрались с бурым. Тот отчаянно скакал, плюясь и взрыкивая, насыдая на братьев, но Василий ловко отшибал его булавой, а Лука с безопасного расстояния долбил бурого кистенем.

Илья вскочил, подобрал идола, с натугой замахнулся и приложил Солового бревном поперек живота. Поверженный великан тяжело охнул и безвольно растекся по земле. Илья пригляделся и только сейчас понял, что старый волот окривел.

Стрела прошла по морде вскользь и распахала глаз острым лезвием срезня.

Петровичи теснили бурого. Эта тварь оказалась на диво упорной и собиралась драться до конца. Василий держал булаву уже в левой руке — за правую бурый прихватил его. Всего-то сжал пальцы.

А впереди была широкая спина рыжего. Тот бежал к лесу. Слишком быстро для раненого все-рьез.

Упустить рыжего Илья не имел права. Такой уговор — стоять у Девятыдубья, пока не изничтожена вся семейка. Сейчас тварь скроется в лесу, и ищи потом, свищи. Но Илья никак не успевал догнать этого хитреца. Бросился вслед и понял — опоздал!

Рыжий мог еще сто раз сдохнуть от голода и потери крови. А мог не сдохнуть, вернуться к дороге, по новой взяться за разбой... Илье некогда было думать об этом, да и незачем.

Он просто сделал первое, что пришло в голову. Чего не делал раньше никогда. Сорвал с руки темляк и изо всех сил швырнул булаву рыжему в спину.

Булава, тяжело вращаясь, догнала тварь на самом краю леса. Шарахнула промеж лопаток и сшибла — в подлесок мордой.

Илья выдернул из сапога нож и, чувствуя, как подгибаются усталые ноги, побежал добивать.

Позади все рычал бурый. Вот же крепкий попался боец.

Рыжий зашевелился. Сел. Пошарил вокруг,

поднял булаву, встал в рост. Он держал оружие неловко, но оно удлиняло его руку, и без того слишком длинную. А если волот, очухавшись, кинет булаву обратно? Палки они бросают метко:

Ничего не соображая, стараясь просто выиграть хотя бы миг, Илья перехватил нож за лезвие и запустил им рыжему в морду.

Нож угодил волоту рукояткой прямо в нос. Рыжий взвизгнул, пошатнулся, выронил булаву и схватился за ушибленное место. Больше он сделять ничего не успел, потому что Илья с разбега боднул его головой в живот, уронил и припечатал собой к земле.

Раздался лязг, скрежет, вой — рыжий укусил Илью за плечо и обломал зубы о железную обшивку куртки. Крепкие пальцы скользнули по бокам, волот думал привычно сжать врага до хруста, да не на того напал. Илья врезал кулаком в скошенный подбородок, рванулся назад, сел волоту на грудь и ударил сверху вниз — основанием ладони в переносицу. Один раз.

У рыжего закатились глаза и отвалилась челюсть. Он больше не пытался схватить храбра — не мог.

Илья встал, подобрал булаву и почти без замаха тюкнул рыжего в висок. Хрустнуло, волот дернулся. Илья огляделся, высмотрел нож, сунул за голенище сапога и тяжелым шагом двинулся назад, к роще.

Бурый валялся мертвый, вниз мордой. На спи-

не его сидел Василий Петрович и баюкал поврежденную руку.

Соловый тоже лежал на груди, как-то его перевернули, хорошо, не надорвались. Рядом суетился Лука — вязал.

Микола был уже у села, только пятки сверкали, бежал за подмогой.

— Нет, не сломал вроде... — ответил Василий на немой вопрос Ильи. — Эх, надо было мечом его. Располосовал бы.

— У меча две рабочих стороны, а у булавы все, — буркнул Илья.

— У бревна тоже все стороны рабочие, — хмуро сказал Василий. — Но я не обучен им биться. Тебе, брат, надо по праздникам на торжище выступать. С Дрочилой на пару. Показывать бой бревном. А то чего все на кулаках да на кулаках...

Илья хмыкнул и пошел смотреть Солового.

— А лучше младшую дружины обучи, там много таких... — простонал ему в спину Василий. — Кому бревно в руки само просится. И будут русы непобедимы. Как придет ворог, раскатаем свои терема по бревнышку — хрясь! — и нету ворога. А мы из бревнышек обратно терема — и дальше жить. Удобно. Главное, дешево. Только оружейники по миру пойдут, да и ладно...

Илья склонился над Соловым, разглядывая пуги.

— Хорошо, Лука. Ловко.

— Ты на Василия не сердись, больно ему

очень. Он поругается — и перестанет, — сказал Лука негромко.

— Верно рука не сломана?

— Вроде нет. Синяки будут страшные. У этой твари пальцы хуже клещей кузнечных... Надо же, а, повязали волота. Как ты его долбанул — а он все дышит.

— Недолго ему дышать, до Киева только. Покажем князю — и голову с плеч. Топор не забудь, — Илья невесело хохотнул. — Полезный топор оказался. Уффф...

Илья обессиленно уселся рядом с Соловым. Волот трудно дышал, в пустой глазнице при каждом вдохе слабо пузырилась кровь.

— Топор, да... — Лука огляделся. — Пойду за топором. Надо же, добыли волота, и какого. Если б сам не видел, не поверил бы. Добыли, а, Илюша?

— Ага, — Илья устало кивнул. — Ночуем здесь. Распорядись. Утром домой. Всё.

Сказал — и откинулся на спину, прямо на промерзшую землю, едва присыпанную снегом.

* * *

Старого волота грузили на сани вшестером — едва пупки не развязались. Примотали накрепко. Поводили вокруг кобылу, чтобы заранее привыкала. Кобыла чуть не сдурела, ее долго успокаивали.

Соловый лежал, вращая здоровым глазом, тяжело дышал и иногда постанывал. Ему пропустили через пасть вожжи, как раньше «девке».

Лука принес корзину с отрубленными головами и грохнул ее Соловому в ноги. Великан дернулся, сани заскрипели.

— Не сдохнет дорогой? — спросил Лука. — А хотя бы и сдох!

— Я обещал привезти живого. Буду кормить, — буркнул Илья.

— Не надо. Развяжешь пасть, а он свистнет, весь обоз перепугает. Кони понесут, сани перевернутся... Воды в рот налить еще туда-сюда...

Соловый пытался ворочаться, ему хотелось приподняться, увидеть головы своих родичей, так он их только чуял.

— Я подумаю, — Илья взял из саней корзину и протянул ее Луке.

— Чего это ты?

— Не надо попусту его мучить.

— А ему человеков есть можно было?! — крикнул издали Василий.

— Ты не понимаешь? — спросил Илья.

— Волот дергаться будет, сани расшатаст, — объяснил Лука брату, принимая корзину.

— Нет, — сказал Илья тихонько. — Не в этом дело. Никого мучить без причины нельзя. Кто бы он ни был.

Лука фыркнул и унес корзину.

Илья стоял у саней потупившись, ссугуляясь, заткнув руки за пояс, — думал. Соловый буравил его глазом.

— Ишь, жалеет... Сородича, — донеслось издали.

Илья медленно обернулся. И так же медленно пошел на Василия.

Будь это не Урманин, челядь Петровичей сразу похватала бы кистени да топоры. Челядин защищает хозяина от любого, кто не знатнее — это можно и нужно.

Но сейчас все застыли. А некоторые подались назад.

— Сказать, чтобы принесли тебе бревно? — спросил Василий едко.

Знал, что Урманин не тронет раненого.

Илья отодвинул Василия плечом и скрылся на постоялом дворе.

Он был мрачен весь вечер. Избегал разговора. Когда братья принялись вспоминать в подробностях бой с нечистью, сразу ушел в облюбованный угол двора, замотался в плащ и лег. Проснулся чуть свет, вышел к Соловому и долго стоял рядом.

— Жалеет тварюку, чует родную кровь, — сказал Василий.

Лука на правах старшего брата отвесил Василию подзатыльник.

Обоз собрался быстро, заминка возникла только с кобылой, что должна была тащить сани Солового, — та мотала головой и пыталась брыкаться. Ее сначала уговаривали, потом начали бить, но все без толку.

— Хватит, — сказал Илья.

— Чего хватит? — недовольно спросил Лука.

— Я сам поведу сани. Впрягу Бурку, справится как-нибудь.

— Ну... Значит, трогаемся?

— Погодите.

Илья сдвинул шапку на лоб так, что не видно стало глаз. Впрочем, глядел он все равно под ноги.

— Прикажи своим, пусть дрова, что остались, несут в рощу. Надо хворосту наломать побольше, сложить погребальный костер. Оставьте, чем запалить, и уходите за реку, я догоню.

Петровичи стояли перед ним, открыв рты.

— Ты не заболел? — полюбопытствовал Василий.

— Зачем? — поддержал его Лука. — Брось падаль волкам.

— Это мое, — отозвался Илья глухо.

Лука горестно покачал головой, но все-таки обернулся и махнул челяди: выполнять.

— Они разбойники и нечисть, да, — сказал Илья негромко, будто с собой говорил. — Сами вроде не люди, да еще и человекоеды. Зато мы — храбры. И победили в честном бою. Поймите это, братья. Разве трудно понять? Если мы храбры — должны поступать по чести. Не о том Добрыня напоминал?

— Делать тебе нечего! — Василий сплюнул, едва не попав Илье на сапог, и ушел к обозу.

Лука переминался с ноги на ногу. Хотел что-то сказать, но не решался.

— Я должен тебе дюжину гравен? — спросил Илья, по-прежнему не поднимая глаз. — Не хватило одной головы?

— Да о чём разговор, Илюша. Забудь. Нас в

Киеве такой почет ожидает, по сравнению с которым любое золото ничто. Сам знаешь. А я вот чего хотел... Ты это... Не подумай только, будто мы не заодно с тобой. Василий, он горячий. Остынет, все поймет. Ты главный, как скажешь, так и будет, хочешь, вместе костер запалим.

— Не надо. А гривны ты получишь. Как только князь позволит Солового казнить, я срублю волоту голову и отдам тебе — проси с Добрыни по уговору.

— Благодарствую, — Лука едва заметно поклонился. — Скажи только — зачем тащить это чудище в Киев живьем? Так Добрыня выдумал? Между нами, брат, напрасно ты с ним всегда соглашешься.

— А как еще? — удивился Илья.

— А как тот же Дрошило. Вроде простолюдин, а хитрее бояр оказался — сделал что мог, денежку хапнул, и на сторону. И не заставишь его волотов ловить, ибо это выше сил человечьих. Мы же едва не сгинули тут! Кабы не твое бревно, задрал бы нас Соловый! Добрыня разве знал, насколько эта тварь велика? Нет, он просто сказал тебе — поймай! А ты и рад стараться.

— И чего не постараться? — Илья заметно обиделся. — Добрыня, он же всю Русь обустроил! Ему надо — значит, надо! Ну да, бревно... Да отстаньте вы от меня с этим бревном. Завидно?

— А если завтра воевода прикажет зверя мамута поймать за два хвоста и привести в Киев князю

на потеху? Сразу говорю: я в этом не помощник!
Хватит с меня зверей!

— Разве мамуты не вымерли? — Илья в изумлении поднял глаза на Луку.

— Эти, — Лука показал на сани с волотом, — тоже большая редкость по нынешним временам. Однако на нас с тобой хватило, и как нарочно самый здоровый попался. Вот я и говорю...

— Да, здоровый, — перебил Илья. — Больше Святогора. Тот был толстый и веселый. А этот гадость какая-то. Мерзость. Вот и надо везти его в Киев, пусть все увидят. Пусть знают, что самая жуткая тварь не выстоит против княжих мужей.

— А-а... — протянул Лука глубокомысленно. — В назидание, значит. Это умно. Мудр Добрыня, ничего не скажешь.

Илья отвернулся, пряча улыбку в бороду.

— А вое-таки вам завидно, — буркнул он. — Насчет бревна-то!

Обоз ушел за реку, Илья удалился в рощу, на высоком берегу у разоренного села остался Микола с конями да Соловый. Молодая кобыленка парубка всхрапывала и била копытом, Бурка принююхалась к волоту, недовольно чихнула и сделала вид, что стоя заснула.

Соловый сипло дышал на санях.

Микола придерживал кобыл под уздцы. Булаву он повесил на руку — в случае чего сразу прыгнуть и размозжить великану голову, пока тот не разорвал пути. Миколе было страшновато, и он опасался, что Соловый это чует. А кто заметил

твой страх, тот не преминет им воспользоваться и напасть.

Но Соловый не пытался дергаться. Волот, кажется, смирился с тем, что его победили и повязали.

В роще Илья шумно ворочал тяжести. Наверное, даже ему, силачу, непросто оказалось закинуть на костер тяжеленную «мамашу».

Так и было. Сейчас взопревший храбр, отдуваясь и обмахиваясь шапкой, стоял перед высокой кучей дров, с которой свешивались мохнатые руки и ноги. Весело горел растопочный костерок, оставалось только пройти с головней, поджигая хворост. Но Илья медлил.

Он повернулся, глянул в сторону берега, где стояла одинокая кузница, и направился к ней.

— Все хорошо, дядя? — окликнул Микола.

— Хорошо. Я сейчас.

Пригибаясь, Илья протиснулся в кузницу. Внутри она была разорена, словно тут не челядь Петровичей шарила, а резвилась стая волотов. Здесь не могло оставаться ничего железного, однако... Илья повел носом, будто принюхиваясь. Шагнул вперед, уверенно протянул руку вверх и вытащил откуда-то из-под крыши тяжелый кузничный молот. Довольно хмыкнул. Пропихался наружу и зашагал обратно в рощу.

Он прошел мимо костра, миновал крайние дубы и остановился на месте побоища. У его ног ваялся оскаленной мордой кверху Перун.

Покопавшись одной рукой за воротом, Илья достал знак в виде буквы Т и показал его идолу.

— Помнишь? — спросил он. — Это Мьеффнир, молот Тора.

Убрал значок на место, взвесил в руке новообретенное оружие.

— А это просто молот.

Наступил одной ногой на бревно, чтобы не подпрыгнуло, — и с плеча треснул молотом Перуна в зубы.

— Потому что ты не бог.

Он бил, пока от морды идола не осталось ничего. Взял размочаленное бревно под мышку и увёл к костру. Вскоре из рощи потянуло дымом.

У постоянного двора Микола озадаченно поглядел на молот в руке храбра, но вопросов задавать не стал.

Илья тоже посмотрел на молот и со словами: «Это надо оставить здесь» — кинул его в ворота. Молот упал точно на то место, где лежала раньше оторванная голова. А Илья сказал просто:

— Вот и всё. Давай я твою подержу, а ты Бурку запрягай.

Когда они спускались к реке, над разоренным Девятидубьем висел запах жженой шерсти и горелого мяса.

На санях, ведомых Ильей, тихо скулил Соловый.

* * *

Несмотря на довесок в виде пленного волота, обоз шел довольно ходко. Кони привыкли к Соловому, не подававшему особых признаков жиз-

ни. Челядь сначала все оглядывалась на великана, потом он надоел.

Илья занимался пленником сам. Поил водой, менял под ним обмоченное сено, на короткое время ослаблял путы, чтобы Соловый мог самую малость пошевелить членами, — Илья знал, как быстро отмирают связанные руки-ноги. Потом он осмелился размотать волоту пасть и скормить ему немного мяса. Соловый вяло жевал. Свистеть не пытался, только лопотал, глядя на Илью тусклым глазом.

— Не бурчи, все равно не понимаю, — сказал Илья.

— А Святогора понимал? — спросил Микола, стоявший рядом с булавой наготове.

— Нет. Но он мне руками показывал.

— Ты скучаешь по нему, дядя?

Илья задумчиво посмотрел на Миколу.

— Разве?

— Ну... Ты так говоришь о нем, будто он был особенный волот. Не был людей, не разбойничал на дороге. Да?

Илья своеобычно пожал плечами, то есть нырнул головой в плечи.

— Забудь, Микола. Нам все равно не ужиться на одной земле. Люди дали Святогору имя не просто так, а со страху. Он, может, два-три раза в год спускался в долину, никого не трогал, а его все равно боялись. Кого боятся, того прибывают рано или поздно.

— Но он ведь был не злой волот, а, дядя?

Илья хмыкнул:

— По-своему, племяш. По-своему.

И принялся заматывать Соловому пасть. Тот не сопротивлялся.

На половине дороги их встретил княжий гонец. Удостоверился, что все живы, посмотрел на Солового и упал с коня. Возможно, сам не рухнул бы — конь помог. Насилу поймали.

— Передай, чтобы готовили встречу! — важно заявил Лука Петрович, когда гонца почистили от снега и водрузили обратно в седло. — Всю нечисть извели, да самого Солового разбойника живьем взяли! То-то будет потеха великому князю нашему и благодетелю да стольному граду Киеву!

— Ага... — ответил гонец и ускакал, даже не подумав остаться с обозом ночевать, хотя солнце уже садилось.

То ли с перепугу, то ли по природной быстроте коня, гонец обернулся быстро. За два дня пути до Киева обоз разъехался с малой дружиной.

— Приказ великого князя нашего и благодетеля — пройти всю дорогу до Каравчева, — объяснил старший. — Чтобы гостям спокойнее было.

— Это мудро, — сказал Лука. — Заодно кости уберете от Девятидубья, их там много валяется. И голова старосты... Илюша! А куда мы дели голову?!

— Так у тебя в корзине!.. — отозвался из хвоста обоза Илья, то ли не рассыпав, то ли думая о своем.

— Да не ту голову! Старосты голову!

— Не помню! Брата спроси!

— Я ее выбросил, — процедил Василий. — Сказали выбросить, я и выбросил. Нашли тоже уборщика.

— Да и ну ее к лешему!

— Вот именно. К лешему, волоту, йотуну...

Старший дружины, который уже познакомился с Соловым и был теперь довольно бледен, поспешил с витязями распрощаться. Прощайте, мол, головорезы.

— Ну да, мы такие, — согласился Василий.

— А в Киеве встречу готовят?! — крикнул Лука вслед дружины, сильно забравшей от дороги в поле, как можно дальше от саней с волотом.

— В колокола бьют! Скоро услышите! Весь город пьяный!

— Это хорошо. Придем в Киев, от ворот напрямки через торжище двинем, — решил Лука. — И людей потешим, и Дрочило там поблизости дрочит. Увидит нас, с зависти помрет.

С предпоследних саней обернулся назад Микола.

— Дядя, чего им дался этот Дрочило? — спросил он негромко.

— Завидуют, — ответил Илья.

— Так он же простолюдин. Сидит, дрочит.

— Именно. Сидит, дрочит, на всех плюет.

С ним договариваться надо. Ему не прикажешь, можно только подрядить. Вот братьям и завидно.

Микола задумался. По большому счету, между безродным Дрочилой, который дрочил проволоку

на кольчуги, и княжим мужем Ильей Урманином не виделось особой разницы. Они даже внешне были похожи, только Дрочило коренастей и грубее. Однажды, когда к Киеву подступило войско печенегов, возникла нужда в поединщике для зачина сечи. Печенеги выставили такого необхватного степняка, что киевская дружина загрустила — самые могучие свои оказались, как назло, в разъездах. Тут-то и вспомнили молодца, дравшегося по праздникам на торжище. Пошли, уговорили. Дрочило вышел за городскую стену, разорвал степняка голыми руками и ушел обратно. Воодушевленные русы печенегов разбили наголову. Дрочи-ле после этого прямая дорога была в дружины, а там как повезет. Князь его озолотил, воевода позвал служить. Дрочило служить пришел... и ушел. Сказал, привык быть вольным. Чем княжих мужей обидел донельзя, всех, от младших дружинников до бояр. И случайно пробудил в них лютую неуправляемую зависть. Как бы намекнул на их добровольное рабство при киевском столе. Княжи мужи холопами отродясь не были, никогда даже во временное холопство не подавались, но... Им требовался князь. Они могли сместь его и выдвинуть нового из своих, да хоть призвать варяжского конунга или польского круля, однако без князя им было никуда. Сущая правда — и она резала глаза.

На наглеца затаили нешуточную злобу. Не стань Дрочило знаменит на весь Киев и окрестности своим подвигом, угодить бы ему из людей в

смерды мигом. А то и в холопы. Уж придумали бы, как скрутить чересчур вольного в бараний рог. Но такое самоуправство возмутило бы весь город.

Илья, в отличие от прочих храбров, к поступку Дрочилы отнесся равнодушно. Может, потому, что сам ценил волю превыше всего. Но все-таки он верой и правдой служил Руси — стоило Илью позвать, тут же приходил. И никогда не отказывался. Недаром он состоял в близкой дружбе с воеводой, у самого князя был в доверии. Перечил князю, даже говорил ему поносные слова. За что бывал заточен в поруб. Однако поруб тот был на княжем дворе, и волокли туда Урманина гридни. Не всякого потащат в холодную собственные телохранители великого князя Киевского и всея Руси!

И не всякого оттуда быстро выпустят.

Илье завидовали, да еще как! Дружина не прощала Урманину ничего — ни близости к Добрыне и князю, ни показной независимости, ни показного же небрежения богатством, ни высокомерия, прорывавшегося временами. В ответ над Ильей подшучивали, шпняли за простоту. В дружиных песнях и сказаниях нарочно подчеркивали грубую силу Урманина, но как бы невзначай забывали ловкость в обращении с оружием и воинскую смекалку. Неприличный витязю «бой бревном» вскоре должен был попасть на самые острые языки, и никто не вспомнил бы, зачем бой случился. Многие не понимали Ильи, а некоторые втихую презирали. Наконец, кое-кого смущало и пугало его загадочное происхождение.

В Странах Датского Языка к этому относились проще, чем на Руси, но недаром отец Урманина покинул родину с беременной женой. Не иначе, там назревала расправа. Отважный воин, настоящий *vikingr*, Торвальд Урманин воспитал сына неустрашимым бойцом. Но лучше бы этот сын был как-то почеловечнее обличием. На что Илье тоже по злобе намекали, когда туманно, а когда и прозрачно.

Нет, жизнь при киевском столе не казалась Урманину чистым медом, и было достаточно желающих подбросить в этот мед свежего дегтя.

Но при всем при том Илья был свой. И свой человек, и свой урманин. Он мог водить малую дружины, его беспрекословно слушались в бою. Князь сам, а не через воеводу, отдавал ему поручения. Только по собственному нежеланию владеть чем-то серьезным Урманин не обзавелся вотчиной. И лишь по мягкости души, удивительной в столь зверообразном существе, Илья до сих пор не был выгодно женат. Поговаривали, что Микола Подсокольник отпрыск Урманина, но парубок не особенно походил на «дядю», да и кто непримечательных считал, кому они нужны.

Если бы Илья хотел, у него было бы все. И сидел бы он на совете очень близко к князю. Старый опытный витязь, знаменитый храбр, мужчина в расцвете сил. При условии, что запас удачи Урманина не исчерпается, он мог быстро наверстать упущенное.

Особенно теперь, когда в телеге лежал плененный Соловый разбойник.

Громадные разлапистые ступни волота торчали между оглоблями.

* * *

Киев встречал победителей ослепительным блеском солнца на куполах церквей и оглушительным колокольным звоном. Вдоль дороги выстроилось самостийное становище — костры, сани, гул множества голосов и топот сотен ног, — это подтянулись глазеть окрестные смерды, бездельные по зиме. А возле городских ворот плотно толпились люди.

Обоз вошел в становище и утонул в нем. Смерды понеехали с бабами и детьми — пускай им тоже будет о чем вспомнить. Зеваки высыпали на дорогу и лезли под копыта, впереди Лука кого-то звонко хлестнул плетью.

— Кажи волота!!! — ревела толпа.

— Расступись! — надсаживался Лука. — Обезумели?!

Василий ехал, гордо подбоченясь и задрав нос. Ему все это нравилось.

Обоз замедлял ход, теснимый с боков. Смерды подступали к саням вплотную, пытаясь высмотреть, где же везут пленника. Раздался визг — наехали полозом на ногу. В середине обоза уже намечалась драка, там один любопытный получил в ухо и не постеснялся ответить.

— Кажи волота!!!

Кого-то дернули с саней и пинали ногами, челядь полезла разнимать, взметнулись кулаки, полетели на дорогу шапки. Впереди Лука, вовсю работая плетью, разворачивал коня идти на подмогу.

— Назад! Расступись! Зашибу!

Микола встревоженно оглянулся на Илью и снял с пояса гирьку на длинном ремне — отмахиваться, если толпа вовсе сдуреет.

— Волота!!! Кажи волота!!!

Вдруг над дорогой пронесся свист. Отчаянно резкий, перекрывший и рокот толпы, и колокольный звон. А за ним другой — обдирающий ухо, страшный. Толпа отхлынула на обочину. И тут подал голос Соловый.

Будто гром ударил с ясного зимнего неба. Хлопнуло, ухнуло и заскрежетало.

Толпу разметало. Она бросилась врассыпную от дороги прочь и залегла. Только перепуганные кони, одни распряженные, а какие и в оглоблях, удирали вдаль.

Обоз унесло аж к самим воротам, где он, распахав надвое плотные ряды встречающего люда, чудом никого не задавив, вломился в город.

И только двое саней неспешно ехали по дороге. Микола перебрался на спину кобыле и зажимал ей уши руками. Следом мерно топала Бурка, с заметно выпученными глазами и свисающими из ушей тряпками. А Илья сидел в санях задом наперед, у Солового на груди, и бешено свистал ему прямо в морду. Волот извивался под храбром, раскачивал сани и — отвечал.

Колокольный звон отчего-то стих.
Над дорогой грохотало и бухало, не хватало
только молний.

Илья перестал свистеть, выдернул пальцы из
ушей, заткнул Соловому пасть и приподнялся на
санях. Огляделся по сторонам.

— А вот кому волота!!! — взревел он. — Подходи, кто не обосрался!!!

Желающих не нашлось.

Из города вырвался богато одетый всадник на
белом коне. Проскакал по дороге, спрыгнул у саней и, не обращая внимания на Солового, сгреб
Илью в медвежьи объятья.

— Вернулся, Ульф. Вернулся, брат. Живой.

— Я привез тебе разбойника, Торбьёрн. Я же
обещал.

— Вижу, — Добрыня одной рукой поймал за
поворота своего жеребца, рвущегося от саней в по-
ле. — Помнится, я говорил — не надо. Хватило
бы и головы.

— Надо, — твердо сказал Илья. — Пускай князь
его казнит.

— Великий князь наш и благодетель несколько
раздосадован. Ты со своим йотуном испортил
ему праздничную обедню.

— Сильно испортил? — осторожно спросил
Илья.

— Звонари удрали со звонницы. Ну и... — вое-
вода рассмеялся. — Ой, не могу... Мы в Десятин-
ной церкви стояли, там слышны были одни коло-

кола. Вдруг перестали, значит, пора службу начинать...

— Ну чего, чего?

— Отец Феофил только рот открыл — и тут за стеной ка-ак грохнет!

— И?..

— Упал с амвона.

— Ай, как нехорошо.

Добрыня, все еще посмеиваясь, оглядел Солового.

— Таких больших не бывает, — заявил он. — И масть удивительная. Сразу видно, не местный, пришлый издалека. Надо содрать шкуру и сохранить, а то время пройдет — и никто не поверит. Запамятуют с перепугу.

Соловый, будто почуяв, о ком говорят, фыркнул.

— Но! — прикрикнул воевода. — И как ты его?..

— Бревном зашиб. Теперь в дружине смеяться будут. Петровичи уже смеются, — наябедничал Илья.

— Я им посмеюсь! — пообещал Добрыня.

— Не надо, Петровичи хорошо помогли.

Добрыня прищурился:

— И сколько йотунов они побили?

Илья спрятал глаза:

— Двух.

— Самых малых и глупых?

— Нет-нет! — запротестовал Илья. — Один был такой быстрый, что братья его вдвоем насили уложили!

Добрыня расхохотался в голос.

Подъехала охрана воеводы, заключила сани в кольцо, одерживая взволнованных коней.

— Вот, учитесь, — сказал Добрыня. — Какое чудище Илья Урманин добыл. Не брала разбойника ни сталь, ни кость, и тогда храбр победил его по-нашему, по-русски! Зашиб бревном!

При упоминании бревна Илья передернулся.

— И детям расскажите, и внукам, если доживете, на что способна храбрая русь, — продолжал Добрыня. — Ну, тронулись. И держите строй. Никого к саням не подпускать, если только я не позволю. Микола!

— Я! — парубок залился румянцем. К нему еще никогда не обращался никакой воевода, а тут главный на Руси сам позвал, да по имени.

— Сзади.

Добрыня выехал сначала вперед, но там ему показалось скучно, он вернулся к саням Ильи, смиряя попытки коня убраться от Солового подальше.

— Воеводе тут не по чину, — заметил Илья.

— Ха! Сегодня тебе по чину первым ехать... Сам тебе хвалу вознесу перед всем стольным градом, понял? Заслужил, храбр.

Илья смущенно потупился.

Добрыня все поглядывал на Солового.

— А хорошая могла бы выйти шуба! — сказал он наконец. — Если эту шерсть отмыть как следует, почти золотая будет. Длинная, мягкая, прямо как у откормленного козла.

— Мне Денис сказывал, греки раньше таких соловых добывали. В Колхиду за ними ходили. И звали их шкуры — золотое руно.

— Какой Денис? Бродячий монах, Дионисий? Ну до чего же греки врать горазды — прости, Господи! Золотое руно! В золотое руно верю. В то, что греки его добывали, не верю. Тогда бы они нас били, а не мы их!

— Однако все священники у нас греки, — ввернулся Илья. — А не наоборот. Во! Придумал. Я про золотое руно отца Феофила спрошу.

— Священники будут свои, дай срок. Пока ты на Солового ходил, великий князь наш и благодетель основал в Киеве духовное училище для нарочитой чади. Выпестуем святых отцов! Самых лучших! А отца Феофила спрашивать про йотунов бесполезно, у него один ответ: в Греции все есть...

Последние слова Добрыни потонули в рукоплесканиях и приветственных возгласах люда — въехали в городские ворота.

Киев встречал победителей шумом, гамом, веселыми нетрезвыми лицами. Сразу за воротами отдельно от толпы кучковались гости. Ради них Добрыня остановился — пусть вдоволь насмотрятся на разбойника, из-за которого пришлось ждать открытия торгового пути. Пусть осознают, запомнят и другим расскажут, как страшна была угроза и как ловко расправилась с ней киевская дружина.

— Путь свободен! — провозгласил Добрыня. —

Разбойник схвачен! И это сделал киевский храбр Илья!

— Только не надо про бревно... — шептал Илья, будто заклиная воеводу.

Соловый дрыгался, урчал, сопел и пытался сквозь вожжу в зубах плеваться. Ему было страшно.

К саням подошел варяжский гость, весь в золоте, со шрамом на щеке и переломанным носом. Из-под плаща выглядывала рукоятка дорогого меча. Бывалый *vikingr*, подавшийся в торговцы ради долгой жизни. Варяг снял с пояса меру для ткани и хладнокровно, как товар, промерил Солового с ног до макушки. Покачал головой, уважительно зыркнул на Урманина.

— Я... расскажу... всем... в Тунсберге... — донеслись до Ильи слова на языке его детства. — Ты... воин... равного... нет.

— Благодарю... тебя... — выдавил Илья, чувствуя, что краснеет.

— Расскажи всем, Велунд! — крикнул Добрыня. — Пусть знают, какие храбры служат Киеву! Эй! Тронулись!

Неподалеку толклись братья Петровичи, растерянные и злые. Сунулись было к воеводе, распихивая конями толпу, но стража деловито оттерла братьев.

— Эй! — позвал Илья. — Петровичей забыли!

— Лука! — рявкнул Добрыня, не оборачиваясь.

— Здесь мы! — обрадовался тот.

— Сзади!

Петровичи, одинаково поджав губы от обиды,

кое-как втиснулся между санями Ильи и Миколы. Добрыня коротко оглянулся. Похоже, ему доставило бы удовольствие повторить «Сзади!» и заставить братьев в самый хвост, но он только криво ухмыльнулся.

Маленький обоз со знаменитым воеводой во главе и знатной охраной по бокам свернулся к княжему терему. А вокруг бурлил и восторгался Киев. Илья знал, что здесь много разного народа, но не видел раньше, сколько именно. На улицы посыпали все от мала до велика и стояли плечом к плечу, не чинясь, вольные и холопы, дружины и люди... Сего дня они были вместе, едины как никогда.

— Радуйся, Киев! — Добрыня сорвал шапку и метнул ее в небо.

Казалось, в ответ вскричал весь город, и сотни головных уборов полетели вверх. Илья порадовался, что после давешнего пересвиста с Соловым плохо слышит.

Воевода протянул руку, шапка упала в нее.

— Илья Урманин! Храбр!

— Храбр!!! — выдохнул город.

Илья понял, что снова краснеет.

Из толпы выдвинулся очень высокий и широкий муж, раскинул в стороны могучие ручиши и громыхнул во всю глотку:

— Илья! Ур-ма-нин!!!

— Ур-ма-нин!!! Ур-ма-нин!!! — отозвался город и захлопал в ладоши.

Илья украдкой показал заводиле кулак, тот

довольно ослабился и помахал в ответ. Добрыня подметил этот обмен любезностями, углядел за водилу, нахмурил бровь и отвернулся.

Позади умирали от зависти братья Петровичи.

* * *

На дворе было не протолкнуться от бояр. У княжего терема собралась дружина старшая, митрополит с приближенными, некоторые из младших храбров, особо зазванные гости, зажиточные горожане — и все это празднично разодетое сбороище бродило по двору, здоровалось, шепталось на ухо и болтало в голос, обменивалось дружескими тумаками, решало важные дела и просто сплетничало. Великим успехом пользовался рассказ братьев Петровичей про «бой бревном», его повторяли трижды под дикий хохот.

Сам почестен пир накрывали в тереме. Чтобы общество не грустило в ожидании, на дворе устроили длинные столы, заставленные блюдами и кувшинами. Вино здесь было лучшее греческое, и мед не вареный, каким потчевали в харчевнях, а ставленный, многолетней выдержки. Кто-то уже основательно подкрепился — из-под стола виднелись расшитые красные сапоги.

Только посреди двора оставалось свободное место, куда никто не стремился — здесь стояли сани с пленником, окруженные четверкой гридней, бдительно следивших, чтобы подгулявший боярин не сунул волоту руку в зубы. Но это было зря. Поначалу на Солового дивились, в него пле-

вали и обещали спустить шкуру живьем за чело-
векоедство — а потом он надоел.

Волот лежал, полумертвый от голода и страха, закрыв единственную глаза, и почти не дышал. То ли учаял близкий конец, то ли ему тоже все на-
доели.

Илья Урманин пришел на двор последним. На нем был алый плащ, лазоревая рубаха с богатой золотой вышивкой и широченные штаны зелено-
го шелка. Чисто мытые волосы отброшены назад и перехвачены серебряной повязкой. По случаю праздника Илья отказался от топора — из-под плаща торчала рукоять меча, искрящаяся драго-
ценными камнями.

Стража на воротах, в обычные дни норовив-
шая Илью обнюхать, теперь вытянулась в струнку и ела храбра преданными глазами.

На Илью тут же набросились с поздравления-
ми, сунули в руку кувшин меду. Хлопали по плечу, обнимали, лобызали и клялись в вечной любви. Илья отвечал медвежьей ухмылкой, однако сего-
дня никто не пугался ее.

Митрополит сам подошел к нему. Илья тут же хлебнул из кувшина — для смелости. Он стеснял-
ся этого тощего маленького грека, хотя и звал его запросто отцом Феофилом, каковую вольность тот милостиво прощал. За добродушной участли-
востью митрополита крылась недюжинная сила. Святой отец был оборотист в делах, из него полу-
чился бы ловкий купец и жестокий воевода. Цер-
ковь Богородицы недаром звалась Десятинной: митрополит выпросил на ее содержание десятину

всех доходов князя от имений и городов. Нынешнее двоеверие, когда Киев вроде сплошь крещен, но отъель чуток — идолы стоят, Феофил пообещал «выжечь». И выжигал-таки, иногда целыми селами. А однажды случилась ругань у него с Добрыней по любопытному поводу. До воеводы дошел слух, мол, монахи-летописцы корябают в своих книгах не то, что было. Например, по новгородским записям выходило, будто этот буйный город принял христианство тихо и мирно. «Да я же там чуть не помер! — кричал Добрыня. — Неделю потом отлеживался! А Путята запил! Огнем и мечом крестили Новгород! Правду надо писать!» — «Мы пишем ради вечности, — спокойно отвечал митрополит. — Для вечности такая правда всего лишь суeta. Она не нужна». Пресек ругань князь. Сказал воеводе, что летопись книга серьезная, нечего ее засорять подробностями — крестился Новгород, вот и хорошо. И не надо так кричать. Добрыня в сердцах только плюнул. Обиделся, что его подвиг во славу Христа не отражен достойным образом. На вечностъ-то он не замахивался.

Илья был проще, он вообще не думал, что скажут о нем потомки. И уж попасть в летопись не рассчитывал точно. Ему просто было как-то грустно, что верить — приказывают, а поклоняться — заставляют, да еще и пишут об этом небылицы в книгах. Он этого не понимал, но признавал: раз надо, значит, надо. Креститься ему посоветовал Добрыня, еще в первую встречу. С годами Илья убедился — Добрыня худого не советует...

Поцеловав митрополиту руку, получив благословение и выслушав ласковые слова — Феофил говорил по-русски очень чисто, не как другие отцы-греки, — Илья, осмелев, ткнул пальцем в Солового и спросил:

— А в Греции волоты есть?

— В Греции все есть, — ответил митрополит, не задумываясь.

— Надо сходить к вам, пару соловых йотунов прибить мне на шубу, — сказал Добрыня, появляясь сзади. И буркнул Илье на ухо: «А я тебе говорил...»

Митрополит усмехнулся:

— У нас они зовутся паны. Но их истребляли, и теперь они живут только высоко в горах. Думаю, их очень мало. И я не стал бы носить такую шубу, сын мой. А вдруг это существо — человеческое?

Добрыня опешил.

— Это? — переспросил он, показывая за спину. — Да он же чистый демон. Сожрал целое село.

— Он вполне может происходить от того же корня, что и все мы.

— От Адама?! Поглядел бы я на того Адама...

— Человеческие существа очень разнятся, сын мой. Давно наши мудрецы озадачены вопросом, как относиться к этим... Панам. И склоняются к тому, что создания сии более люди, чем нет. Погляди сам: две ноги, две руки...

— Да что же теперь — крестить его?! — воскликнул Добрыня.

Голос воеводы прозвенел в наступившей вне-

запно тишине — весь двор кланялся. Добрыня и Илья спешно повернулись к терему и тоже склонили головы.

Князь был весел, а правду сказать — навеселе.

— О чём спор? — спросил он, неся грузное тело прямо на Илью. — Всегда где мой Урманин, там спор. Верный мой Урманин. Дай я тебя поцелую. Вот! И вот! Всем глядеть, как я его целую! Вот! Ну, храбр! Я на тебя надеялся, я знал! Это ж надо какую ты мне приволок... зверюгу.

— Церковь сомневается, что зверюгу, — пожаловался Добрыня.

— А кого? — удивился князь. — Пойдем смотреть.

Приобняв Илью и увлекая его за собой, князь двинулся к саням.

— Видел уже, — шепотом сообщил он. — Но еще посмотрю. Так положено, чтобы при всех. Да и лишний раз не вредно.

Соловый глаз не открыл, дышать глубже не стал, валялся на санях грудой мяса и шерсти.

— А отец Феофил так напугался, что с амвона упал! — прошептал князь и тонко захихикал. — Илюша, пускай волот еще свистнет! И вообще, покажи его. Представь. Чтобы крепче запомнили, кого бояться.

— Не надо бояться! — возразил Илья.

— Глупый. Меня бояться, меня! И тебя.

— А-а... Ну, я попробую, — согласился Илья.

— Помогайте ему, — велел князь гридням.

Солового общими усилиями отвязали от саней

и усадили на них. Илья освободил ему пасть. Волот мучительно закашлялся.

— Ишь ты, прямо по-человечески, — заметил князь. — Вот же тварь.

Поднять великана, чтобы все оценили его вышину, не смогли — ноги, видно, совсем отнялись, Соловый падал. Но даже сидя он был ростом с Илью. А уж шириной...

Илья тихонько свистнул. Волот приоткрыл глаз и вдруг глянул на своего мучителя с такой бешеною злобой, что Илья едва не попятился. И свистнул еще.

— Затыкай уши, княже.

Князь послушно сунул руки под шапку.

Соловый опять закашлялся, сплюнул, негромко ухнул, глухо, но так, что эхо прокатилось по крышам.

— Давай-давай! — прикрикнул князь.

Илья свистнул как надо, по-лещачьи. И Соловый не выдержал, ответил.

Волот издал дикий вопль, от которого вскочил даже пьяный под столом и полопались окна в треме. Бояре полезли на забор, в страхе отшатнулись гридни, а митрополит упал на ровном месте.

Соловый визжал и улюлюкал. Он пытался вскочить с саней и попереть на Илью. Но рухнул на колени и так остался стоять, раскачиваясь и мотая головой. С его мясистых губ летела пена. Теперь он только шипел.

— Слыхали? — спросил князь, оглядываясь. — Эй, а куда вы все?..

Посмотрел, как поднимают митрополита, и

вроде бы остался доволен. Щелкнул пальцами, чтобы поднесли вина. Жадно выпил.

Подошел Добрыня.

— Теперь голову с плеч — и кончено дело, — сказал воевода. — Довольно тварь бессловесную мучить, веселиться пора.

Илья согласно кивнул.

— Прямо не знаю, — пробормотал князь, утираясь рукавом.

Илья и Добрыня, разом повернув головы, недоуменно уставились на него.

— Ну да, кричит, — объяснил князь. — И на черта похож. А на человека тоже похож. Разъясни, отец Феофил.

Митрополит был уже тут как тут.

— Трудный вопрос, сын мой. Я как раз говорил храбрам — существо это может вести свой род от одного с нами корня. От первого человека, созданного Господом. Мы все очень разные, ваша кожа бела, а моя смугла. А сколько удивительного народу приходилось мне встречать — и шестипалых, и волосатых, знал даже одного мальчика с хвостиком... И вот еще пример — бывало ли, чтобы ослица или коза понесла от человека?

— С этим мы боремся! — строго заявил Добрыня.

— ...А от панов женщины беременеют.

Илья потупился и шевельнул бородой — закутил губу.

— Повторяю — что теперь, крестить эту тварь?! — воскликнул Добрыня.

— Не знаю, — уклончиво ответил митрополит.

— Так он — кто? — захотел прямого ответа князь, тыча пальцем в Солового.

— Не знаю. Но есть мнение, что пан, йотун, леший, орк, как его ни называй — просто дикий человек.

Добрыня оглянулся на безучастного волота.

— Дикий человек?! — рявкнул воевода, наливаясь кровью. — Да это я дикий человек!!! На, погляди! Это мы с Урманином дикие! Хочешь, покажем, какие??!

— Полегче, а? — буркнул князь.

Толпа приглашенных, держась в отдалении, колыхалась. Никто не понимал, о чем спор. И кажется, сам князь не вполне сознавал, чего ему надо.

— Чего тебе надо? — резко спросил Добрыня.

Князь виновато поглядел на воеводу и совсем по-детски, как в те времена, когда Добрыня был ему дядькой, сказал:

— Боюсь греха.

Добрыня воспринял княжий ответ тоже не по-взрослому. Схватился за голову и, бормоча: «Ох, только не это опять, что угодно, только не это...», — ушел к столам. Перед ним испуганно расступались.

Митрополит старательно отворачивался от князя, чуя, какую невкусную кашу заварил своими рассуждениями. Князь уже отказывался казнить разбойников, говоря, что это не по-христиански. Находило на него временами, чем дальше, тем чаще, особенно под медом.

Он не метил в святые, просто был далеко не

молод, устал, и многочисленные прошлые грехи, пускай усердно замоленные, его тяготили. А грехи за ним числились не простые — страшные, княжи. Бог ему, может, простил, зато сам он год от года все больше мучился и новых грехов боялся.

Особенно под медом.

Толпа встревоженно перешептывалась.

Добрыня жадно пил вино, запрокинув кувшин.

Князь мучился.

Митрополит страдал.

Озадаченный Илья чесал в затылке.

Соловый все стоял на коленях, пуская слюни.

И тут до Ильи дошло, что творится.

— Ага, — сказал он. — Ну, раз так... Ладно.

Он шагнул к Соловому, знаком показал гридиням, чтобы отодвинулись. Взялся за меч. И легонько свистнул волоту.

Соловый чуть приподнял голову, чтобы посмотреть на храбра. Шея волота от этого почти не вытянулась, слишком мало ее было, шеи. Снести голову Солового в один удар Илья не смог бы.

— Ты что?! — возопил князь. — Ты!!!

Илья рубанул слева направо, прорынул лезвие на себя — Соловый, хрюкнув захлебываясь, начал падать, — взмахнул мечом и ударил вновь, справа. Тяжелая голова волота сползла ему под ноги, а тело, выхлестывая кровь, медленно завалилось на бок и гулко рухнуло.

Мертвая тишина стояла на дворе, только князь хрюкнул и сипел не хуже волота в бессильной злобе.

Илья нагнулся, обтер меч о желтоватую шерсть,

убрал в ножны. Поднял голову Солового, поклонился князю и пошел в толпу, кого-то высматривая.

Лука Петрович попятился от него, забрызганным кровью, выставив перед собой руки.

— Я ведь обещал, — сказал Илья, бросая голову Луке.

— Да что же это?! — вскричал в отдалении князь. — Да как посмел! Без моего позволения!

Илья подошел к столу, взял кувшин и осушил до дна в два глотка. Утерся. Подмигнул Добрыне.

— Ну ты силен, брат крестовый, — сказал тот.

Илья схватил кувшин побольше, сунул его под мышку и, раздвигая плечом бояр, направился к забору.

— ...И обедню испортил! — разорялся князь. — Да ты кто?! Что себе позволяешь?! Эй! Взять его! И в поруб! На хлеб и воду! Не-на-ви-жу!!!

Илья прыгнул, одной рукой подтянул себя на забор. Посмотрел, как лениво — зная, что не успеют, — бегут к нему гридни и стража. Прислушался к сдержанному одобрительному хохоту знати.

— Куда?! — кричал ему князь, топая ногами.

Илья, сидя на заборе, отхлебнул из кувшина.

— Я вернусь! — пообещал он.

Спрыгнул на другую сторону и был таков.

Потом Илью видели в городе.

Его носил на руках люд.

Часть вторая

ЗАПАС УДАЧИ

До Киева оставался день пути.

Старый храбр Илья Урманин дремал в седле, его парубок Микола Подсокольник ехал чуть впереди, охраняя покой «дяди». Близилось лето, при-днепровская степь, украшенная разлапистыми полевыми соснами, радовала глаз. Ласковое утро было светлым и чистым, хотелось жить, хотелось учудить что-нибудь. Взять да рвануть во весь опор, размахивая над головой плетью и выкрикивая глупости.

Лет десять назад, по молодости, Микола так бы и сделал. Сейчас он просто молча усмехнулся в усы. Позади тяжело бухала копытами огромная неповоротливая кобыла Бурка Малая, и тихо похрапывал Илья. Он так готовился к докладу воеводе об осмотре дальних застав.

Докладывать было, в общем, нечего. Печенеги куда-то откочевали, не желая, видно, связываться с войском ростовского князя, посланного наказать степняков за разбой. Заставы стояли, дружины скучали. По степи можно было спокойно топтать напрямую в греки, не опасаясь закончить путь на невольничьем рынке. Чем многие пользова-

лись — не раз Илья встречал паломников, ступивших, едва под ногами подсохло, на путь к Святой Земле. Год от года таких становилось все больше. Иногда они возвращались.

Микола обзывал паломничество вредным баловством и пустым бродяжничеством, зря отрывающим от Руси народ. Илья говорил парубку: остынь, люди идут — пускай идут, заодно жизнь поглядят, чем плохо? Микола возражал, что далеко не все паломники люди, если как следует потрясти, каждый второй окажется беглым холопом. Ну потряси, потряси, смеялся Урманин, смотри на Ивашку Долгополого не нарвись, он тебя сам тряханет, костей не соберешь. Микола в ответ только вздохнул. Того, что случилось со знаменитым Иванищем, парубок не понимал вовсе. Иван Долгополый, заслуженный, но крепкий еще храбр, вдруг обезумел. У него умерла жена. Вместо того, чтобы, погоревав, взять молодую, Иванище бухнул кучу золота на алтарь за ради спасения души, нацепил рясу и удалился пешим к святым местам. Только его и видели. Илья уверял, что Иванищу просто время настало: биться в общем строю годы мешают, да и надоело это все, а погулять по белу свету еще охота. Ну и гулял бы как серьезные люди, заметил Микола. А вот так и гуляют серьезные люди, сказал Илья. Микола опасливо покосился на Урманина и счел за лучшее промолчать.

Они мало беседовали в последние годы, Урманин и его верный оруженосец. Так, перекиды-

вались словами. Парубок давно не нуждался в наставлениях «дяди». Он возмужал, обзавелся хозяйством, собственной челядью и женился — испросив, конечно, разрешения у Ильи. Храбр на свадьбе обрушил стол, упав лицом в блюдо с мясом. Прямо будто в давние времена. Но заметно было — Илье тоже, как и его ровеснику Иванишу, «надоело это всё». Он служил через силу и с опаской глядел в будущее. Киев стоял прочно, Русь обустроилась лучше некуда, но дряхлел на глазах великий князь. А Урманин не любил перемен.

Илья был как прежде густоволос, только в его богатой коричневой шевелюре там и сям пробивались седые пряди, и бороду рассекала надвое белая полоса. А Микола носил вислые усы и брил голову, оставляя лишь длинный чуб, спускающийся с макушки на левое ухо, украшенное тяжелой золотой серьгой. У него был меч с клеймом «Ulfberht» на широком клинке. Жеребец парубка стоил как два таких меча. При этом Микола оставался тенью Ильи Урманина, имя которого знала почитай вся Русь. Илья понимал, что Миколе давно пора добывать собственную славу. Несколько раз витязь советовал ему подрядиться в киевскую дружибу. «Ты без меня, дядя, вляпаешься в какую-нибудь историю», — отвечал Микола. Отчасти это была правда, высказанная от души. Отчасти, о чем не знал Илья, просьба Добрыни. «Не бросай его, он без тебя пропадет, — говорил воевода. — Бить умеет, а жить не обучен».

Микола считал, что все идет хорошо. Тем более часть славы Урманина перепадала и оружносцу. Воевода отличал Миколу сызмальства, сам великий князь был с ним ласков — таким отношением мог похвастаться не всякий даже из старшей дружины.

Случилась, однако, неприятность, когда Микола побрил голову и отпустил чуб. Говорили, так ходил отец великого князя, неповторимый князь-витязь, павший смертью храбра, лучший воин былой Руси. Язычник, отказавшийся принять христианство со словами: «Отстань, матушка, это бабская вера, меня дружина засмеет». Микола таких князей — прямых, как меч, — уважал безмерно, до внутренней дрожи. И обрился. Урманин оглядел парубка в легком изумлении и спросил: зачем? Микола объяснил. Ну-ну, сказал Илья, если великий князь разозлится и повелит в твою лысину обратно волос навтыкать, я не виноват.

И вот как-то раз Микола болтал на княжем дворе с гриднями, дожинаясь Илью, вдруг в тереме раздался вопль. «Не-на-ви-жу!!!» — кричал сам великий князь. На крыльце выскочил перепуганный тиун и зашипел: «Вон отсюда! И чтоб ноги твоей больше тут не было... Хрен лысый!» Перепуганный Микола пятился до самых ворот. Потом Илья, посмеиваясь в бороду, напомнил: «А я говорил, князя твой чуб разозлит!» Микола загрустил. «Но ты это... — сказал Илья. — Оставь. Ходи так. Хрен лысый». Вскорости они уехали по делам, а когда вернулись, Микола попался на глаза

великому князю случайно. Тот поманил его пальцем. Внимательно оглядел вблизи, буркнул: «Не похож...» — и простили.

Нет, Микола ни о чем не жалел. Он, как прежде, по-сыновьи любил своего храбра. И уж чего-чего, а скучно рядом с Урманином не было. Илье не поручали обычных заданий — где гравенку отнять, где человечка прибить. Его посылали за возами золота и против очень страшных врагов. Частенько случалось не бить, а уговаривать, это было любопытнее всего.

Так они и ездили по Руси — вдвоем, бок о бок отмеряя дни жизни и дни пути...

Микола обернулся. Илья уже не спал в седле, он сидел прямо и своеобычно прислушивался — казалось, принюхивался.

— Идут, посохами стучат, — объяснил храбр. — Сейчас из-за холма покажутся. Много.

Микола чуть придержал коня, становясь с Ильей вровень. Была у него такая привычка — занимать всю дорогу. Чтобы встречные издали видели: не абы кто едет, а храбр в службе великого князя. Посему холопам шапки снять, людям кланяться, знати радоваться, прочим молиться.

Илья протяжно зевнул, показав клыки. Крепкие, молодым на зависть, и крупные, медведю впору.

— Не хочу в Киев, — вдруг заявил он. — Веришь, нет?

Это не было приглашение к беседе. Следовало только спросить: «Что так?» и слушать.

— Что так?

— Смута будет, — сказал Илья.

Микола дернулся за ус. Он не видел причин для смуты. Да, подручные Киеву сыновья великого князя начали показывать зубы. Князь новгородский перестал отсыпать положенные две трети дани. По слухам, вообще решил отложиться от Киева. Сбегал за варягами, собрал ополчение. В ответ великий князь распорядился исправлять дороги и мостить мосты. Днями киевская дружина, а вместе с ней рать, пойдут вразумлять непокорного. Сеча выйдет кровавая. Но пришлые варяги не чета нашим варягам, да и славянская русь не пальцем деланная. Киев победит. Дальше будет как обычно: Новгород зажгут малость, кого-то в Волхове утопят, остальным просто морды набьют, дома пограбят, под шумок бабам навтыкают — куда ж без этого. Великий князь даст новгородцам посадника, наверное Константина Добрынича. А своего непутевого сына — в узилище, дабы тот охолонул слегка. Потом запрет его в Вышгороде, где уже один такой слишком умный отпрыск скучает. И станет тихо на Руси. Где тут смута?

— Князь часто хворает. Может умереть. И начнется...

Микола хмыкнул. Князья тоже люди, они смертны. Возможно, разобравшись с Новгородом, великий князь через какое-то время умрет. Но давно уже ясно, что его стол займет князь ростовский, любимый из сыновей. Недаром того послали на печенегов — снискать воинской славы. Жалко,

печенеги не помогли, удрали... Нет, большой смуте неоткуда взяться. Но если Урманин говорит, надо слушать и запоминать. Илья зря не скажет.

— Смута хороша, когда ты молод, — продолжал Илья. — Самое время угадать князя, у которого запас удачи побольше, и к нему пристать.

Микола кивнул. Варяжское понятие — запас удачи. И у варягов на него поразительный нюх. Пришлые урмане, даны и свеи всегда точно знали, которого из «молодых конунгов», оспаривающих киевский стол, надо поддержать. И Новгород не ошибался раньше, за кого постоять. Выходит, теперь?.. Нет, только не новгородский князь, хитромордый и хромой. Да ему сидеть-то осталось на тамошнем столе всего ничего. На что тогда намекает Урманин? Или он сам не понимает, чем встревожен, и просто жалуется?

— ...А когда ты немолод, — сказал Илья, — смута — это беда. Все тебя зовут, каждый тянет к себе. А ты об одном думаешь: где тихое местечко найти. Ведь не порвут же они Русь на кусочки. Рано или поздно все успокоится. Эх... Микола, хочешь на Новгород с дружиной пойти? Глядишь, прославишься.

— А ты?

— Без меня. Годы не те.

— Какие твои годы...

— Не те, — отрезал Илья.

— Тогда и я не пойду.

Впереди из-за бугра замелькали посохи, за ними показались монашеские клубки паломников.

— Значит, договорились, — сказал Илья. — Ишь, топают... Чего-то они духовных песен не поют. Непорядок.

Он приложил ладонь козырьком ко лбу, защищая глаза от утреннего солнца. И вдруг заорал во всю глотку, так, что кони прынули ушами:

— Э-ге-гей!!! Денис!!! Ди-о-ни-сий!!! Калимера¹, старый пень!

— Калимера! — донесся в ответ зычный бас.

— Неужто, — сказал Микола равнодушно.

Он греков не любил.

* * *

Дионисий, бродячий монах, всегда был толстощеким и толстопузым. При этом он умудрялся каждое лето преодолевать огромные расстояния, странствуя от монастыря к монастырю. Непростая, полная событий и опасностей жизнь. Старый посох Дионисия, окованный железом, носил следы множества драк. И четки у монаха были «дорожные», равно пригодные что духовные стихи отсчитывать, что вынести встречному лишние зубы и лишний глаз заодно. Щербатый крест на четках подтверждал: осеняли им по-всякому.

Из Дионисия мог выйти серьезный воин, кабы не природная тучность. Когда они с Ильей обнялись при встрече, заметно стало: монах хоть меньше витязя ростом, почти так же широк в плечах.

¹ Доброе утро! (греческ.)

Только Илья — силен, а Дионисий расплылся. Ему наверняка уже было трудно далеко ходить.

Сейчас Дионисий бухнулся задом наземь и, приговаривая: «Эх, калики мои перехожие-переброжие», поправлял обвязку сандалий.

Паломники стояли полукругом за его спиной.

— Куда? — спросил Илья.

— В Иерусалим! — гордо заявил Дионисий.

— Пешком?

— Именно так!

— Ну-ну, — сказал Илья, окидывая паломников начальственным взглядом.

— Разве путь не безопасен? — спросил Дионисий и, кряхтя, поднялся с земли.

— Безопасен, — заверил его Илья. — А уж для такой-то братии... Новгородцы?

Дионисий замялся. Зачем-то оглянулся на свою «братию».

— Новгород, — кивнул монах.

— Красавцы, — сказал Илья.

Микола напоказ отвернулся. Он не одобрял, когда в паломничество ударялась молодежь, да еще такая, как на подбор, статная. Это значило, что Русь теряет лучших — надолго, а может, навсегда.

— Ну-ну, — повторил Илья. — Есть новости?

Дионисий пожал толстыми плечами. Он, казалось, был не особенно рад встрече со старым знакомым.

— Великий князь немного болен.

— Опять... — Илья помрачнел.

— Пошли ему, Господи, многая лета!

Все перекрестились.

— Дружина готовится в поход, — продолжал монах. — Ты завтра приедешь, узнаешь сам. А у тебя новости?..

В свою очередь пожал плечами — нырнув головой вниз — Илья.

— Печенеги разбежались. Ростовский князь никак не может их поймать. В степи земля сухая, дорога чистая. Если не будет дождя. А вы так прямо из Новгорода и идете?

«Братия» даже ухом не повела. Будто не Илья Урманин спрашивал.

За всех ответил Дионисий:

— Они в Киеве отдохнули немного, оделись. Видишь, калики новые какие.

«Братия» по-прежнему стояла молча и вроде даже с ноги на ногу не переминалась. С высоты седла Миколе видны были из-под клубков только упрямые крепкие подбородки. Да кое у кого выбивались наружу пряди волос, пшеничные, соловые, белесые.

— В Иерусалим, значит, — протянул Илья. — В самый-самый Иерусалим?

— Ага. Сначала на гору Афон и к святым местам Константинополя, а дальше с божьей помощью в Иерусалим.

Сейчас Илья, как добный христианин, должен был дать монаху денег — ради пропитания в пути и на то, чтобы тот поставил за него свечку.

— Ну, увидимся, Денис, — сказал Илья. Дру-

жески хлопнул монаха по пузу, взобрался в седло. И тронул кобылу.

— Да благословит тебя Господь! — воскликнул Дионисий с явным облегчением.

— Ага, — Илья, не оборачиваясь, перекрестился.

Они уже порядком отъехали от места встречи, когда Микола спросил:

— Дядя, а дядя, куда гоним-то? Давай уж тогда и вправду гнать.

Илья все не мог выбрать, то ли пустить кобылу рысью, то ли ограничиться быстрым шагом.

— Не видишь — думаю!

Илья закрыл глаза, вспоминая в подробностях, как стояла перед ним «братия». Чистая одежда. На ногах едва хоженые калиги — Дионисий смешно называл их «калики» — высокие кожаные чулки и сандалии с обвязкой под колено, удобная обувь для дороги. Посохи, на редкость щедро окованые железом, очень прочные и совсем новые: как ни затирай свежее дерево, сразу оно не состарится. Прямо не посохи, а готовые древки для рогатин. И переметные сумы, набитые едва вполовину, совсем не к дальнему пути.

Крепкие ноги, широкие плечи, сильные руки.

Но главное — лица. Молодые и смелые.

Не веди «братию» Дионисий, Илья все равно бы спешился — посмотреть. Уж больно стало ему любопытно. Монах вел за собой не просто вольных новгородцев, а людей, сызмальства едавших досыта каждый день. Отпрysков влиятельных тор-

говых родов. У добной половины «братии» отпечатался на лице дедушка-варяг. В Иерусалим шли дети зажиточных горожан. Молодое купечество. Надежда Новгорода, можно сказать.

При этом — боевой отряд.

Но не дружина.

— Ты их сосчитал? — спросил Илья.

— А?..

— Стыдно.

В Киеве их приняли хорошо — продолжал решать загадку Илья. Это в Киеве, который вот-вот разнесет Новгород на щепу и камушки. Дали им проводником Дениса, еще зимой говорившего, что устал от пешего хода. Не собирался грек больше в Иерусалим, он слаб ногами и одышлив. Чем вообще занимается нынче этот монах?.. Погоди, я же сам подумал: Дениса новгородцам «дали». Дал тот, кто принимал. Митрополит отец Феофил? Да ну.

— Их около тридцати, — неуверенно сказал Микола.

— Сорок ровно. Как раз на великую ладью.

— Дружины малая?! — едва не вскрикнул Микола. — Новгородская? Здесь?

— Какая дружина, ты что. Не дружина. Ловцы.

Они ловцы. Таких не встретишь в Киеве, но в Новгороде, с его вольными порядками, их полным-полно.

Разные города, разные люди. Дети киевских бояр живут обособленно, у каждого своя челядь. И растят из киевлян новых бояр, то есть будущих

дружинников и военачальников. А вот отпрыски новгородских купцов как бегали по малолетству стаей, не чинясь, так и продолжают жить, держась вместе. Ведь той же стаей им предстоит ходить обозами водой и сушей. По молодости они помогают отцам, пускаются в собственные предприятия и всячески буянят. Дерутся на торжище, будто простолюдины, кулаками и палками. Шляются вокруг Новгорода, выслеживают лосей, травят волков, медведей валят, похваляясь друг перед другом. Могут учинить небольшой разбой, не столько ради выгоды, сколько для опыта, пригодится в дальних странствиях. Ловят удачу, пока молоды — вот и ловцы.

Двадцатилетние задиры, равно обученные торговать и биться, они, подобно дедам-варягам, носят на поясе весы, мерные гирьки и острые мечи. Отцы не спешат передать сыновьям родовые купеческие дела — именно потому, что сыновья пока еще двадцатилетние задиры. Отцы ждут, когда отпрыски посеръезнют.

— Ловцы... — протянул Микола. — Знаю, видел. Это новгородские бездельники. Задиры они все пустые.

— Вроде того.

Когда отряд пришел в Киев? Если «братия» отправилась из Новгорода речным путем, по высокой воде, сразу после ледохода, все равно в верховьях Ловати ее ждал хотя бы один волок. Значит, добрались до стольного града несколько дней назад. А если сушей? На конях без обоза? В ве-

сеннюю распутицу? Не намного быстрее. Да и ко-
ни — слишком дорогое удовольствие. По-любому
новгородцы попали в Киев только что. И это не
главное. Зачем ловцы шли в стольный град, од-
ним сплоченным отрядом, вот вопрос. К кому. Не
к митрополиту ведь! Нужны они ему больно.

— ...Но когда ловцов сорок рыл, — заявил
Микола, — это сила!

— Надо же! Кто бы мог подумать! — притвор-
но удивился Илья.

— Все надо мной издеваются, — вздохнул Ми-
кола.

Раньше это были любимые слова Ильи Урма-
нина, на все случаи жизни. В последние годы их
стало что-то не слышно. Илья теперь редко шутил.

— Ты мне лучше вот чего скажи, умник. Если
ловцы пришли в Киев по высокой воде, спешно,
зачем им выходить из города сушей, а потом опять
садиться на ладью?

— Чтобы никто не доглядел! — ляпнул Микола.

— Я доглядел, — буркнул Илья.

И надолго умолк.

Он случайно наткнулся на загадку, но суть ее
ускользала. Илья, как любой княжий муж, пре-
красно знал — вокруг бурлит потаенная жизнь.
В Киеве болталось полно соглядатаев — от фран-
ков, поляков и греков, проще сказать, откуда их
не было. И поди разберись, кто. Это по бедному
окраинному уделу бродил бы одинокий коро-
бейник, увечный крещеный варяг, прикидывая
опытным глазом, куда навести драккар, набитый

отборными головорубами. А в Киеве все с виду достойные люди. Богатые купцы возят тайные грамоты, благочиннейший паломник может на поверку оказаться матерым соглядчиком. Святые отцы ведут обширную переписку, и кто знает, чего они там доносят... Попробуй угадай, от чьего именно глаза хотели укрыть ловцов. Направлялся отряд точно в греки — а дальше? Кого наказали ловцам втихаря прибить? Зачем? Сколько гривен золота стоит Киеву эта непонятная затея? И с какой стати подрядили именно новгородцев, которым нынче веры нет?

Голову сломать впору.

Солнце уже высоко поднялось, когда Илья сказал «тпру» и уставился куда-то вниз.

— А ходок еще Денис, старый пень. Не на себе же они его несли.

Микола присмотрелся к следам — похоже, здесь новгородцы вышли на дорогу после ночевки.

Илья теперь глядел в сторону Днепра.

— Разведать, что ли...

— Дядя, тебе солнце в голову ударило или просто делать нечего? — спросил Микола с легким беспокойством в голосе. — Нас вообще-то Добрыня ждет, если ты забыл.

Но Илья уже направил кобылу к берегу.

Микола, вполголоса ругаясь, последовал за храбром.

Место ночевки они нашли легко. Илья привстал на стременах и повел носом.

— Дядя...

— Цыц!

Микола озадаченно умолк. А Илья двинул ко-
былу в прибрежные кусты. Захрустело. Потом раз-
далось удовлетворенное «Ага!».

— Ну вот, — буркнул Микола, — он нашел.
Чего нашел, зачем нашел...

— Сюда давай! — позвал витязь.

Микола ломанулся сквозь заросли и едва ус-
пел осадить жеребца в узкой прогалине среди кус-
тов. Тут стояла Бурка Малая, рядом присел на кор-
точки Илья и разглядывал нечто вроде большой
кротовины — круглый отвал песка.

Из кротовины торчал монашеский клубок.

* * *

Казнили паломника со знанием дела — скрыт-
но, не утруждая себя, да по-христиански мило-
сердно. Зарытого тут не видать ни с речного пути,
ни с проезжего. И копать легко, берег ниже круто
опускается, значит, песок сухой на глубину тела.
Наконец, в мокром песке умирать холодно и боль-
но, а в сухом — грустно и одиноко.

Илья откинул клубок, обнажив голову казнен-
ного. Сквозь желтые слипшиеся кудри на витязя
установился острый ярко-голубой глаз.

— Чё те надо, дан? — хрипло спросила голова.

— Я не дан, я урманин, — поправил Илья. —
Наш урманин.

Он осторожно убрал волосы с лица паломни-
ка. Лицо оказалось молодое, красивое, уже замет-
но осунувшееся.

— И чё те надо, урманин?

Илья молча протянул руку, Микола вложил в нее мех с водой. Голова немного покочевряжилась, но когда ей смочили губы, принялась жадно пить.

— Давно обосновался? — спросил Илья, забирая мех.

— С утреца. Спаси тебя Господь за участие, путник. И прощай.

— Ты из тех, которых Денис вел? — Илья будто не расслышал прощания.

— Ну, — хмуро ответила голова.

— За что зарыли-то?

Голова молчала.

— Второй раз спрашивать не буду.

Голова прикрыла глаза.

Илья с тяжелым вздохом зажал голове двумя пальцами нос. Подождал чуток и запечатал ладонью рот. Голова принялась мычать и дергаться, кротовина заходила ходуном.

Когда Илья отнял руки, голова некоторое время богохульно ругалась и далеко плевалась. Потом утихла, сверля храбра ненавидящим взглядом. На высоком лбу выступил обильный пот — выходила с бессильной злобой драгоценная влага.

— Еще разок? — ласково предложил храбр, утираясь рукавом. — Микола, дай-ка и мне водички.

— За покражу зарыли, — буркнула голова.

— Ну, видишь, как все просто. И чего скрал?

— Да пошел ты. Мне говорить тяжело.

— Знаю.

— Откуда тебе знать...

— Меня тоже зарыли однажды, — сказал Илья просто. — И не в песочек, а в самую что ни на есть сырую землю.

— Ну?.. — Голова уставилась на Илью с любопытством. Как на собрата по несчастью. — А ты?..

— Мне плохо связали руки. Так чего ты скрал, молодец?

— Ничего! — выпалила голова.

— Это как понимать?

— Ничего я не крал! Да я... Да мне... Тьфу!

Голова затряслась. Она бы, пожалуй, заплакала, да слишком была суха.

— А что сказали, будто скрал? — терпеливо спросил Илья.

— Чарку серебряную... Нашли в моей суме. Из княжего терема чарку! — сообщила голова с отчаянной предсмертной гордостью.

— Чего-о?!

— Ух, здоровы врать некоторые, — заметил Микола.

— Вас угощал князь?! На меня смотри! Вас угощал... великий князь?! — поправился Илья. Для него, как для всей старшей киевской дружины, всегда был просто князь — и остальные князья. В разговоре с чужаками приходилось уточнять, о ком речь.

Да, разумеется, великий князь приглашал к себе в терем паломников и беседовал с ними подолгу. Но те шли в Киев обратным ходом, от святых мест, а не к ним.

— Не угощал нас великий князь... — ответила голова устало. — Болеет князь, не выходит. Вое-вода угощал, Добрыня. Все, отстань. Не могу больше.

Илья поднялся с корточек и прошелся вокруг головы, разминая ноги.

— Имя! — вдруг рявкнул он.

— Касьян... Михайлович...

— Как звали твоего деда? До крещения? Хотя ты можешь и не знать...

— Я?! Не знаю?! А кто спрашивает?! — взъярилась из последних сил голова.

— Илья Урманин, щ-щ-щенок!!! — не выдержал Микола. — Ослеп?!

— Тихо, племяш, — мягко сказал Илья. — Тихо.

Он снова присел — так, чтобы голова его видела.

— Спрашивает Ульф, сын Торвальда Урманина, сына Эрлинга из Стикластадира.

— Деда до крещения звали Хакон из Ладоги, — сдалась голова.

— Хакон Злой?

— Хакон Маленький!

— Ясно. — Илья поднялся. — Микола, давай, откапывай этого... Касьяна Михайловича.

— А если меня за дело зарыли? — полюбопытствовала голова.

— А не заткнуть ли тебе хайло, Касьян Михайлович? — спросил Микола, лениво спускаясь на земль и высматривая, где привязать коней. — Хотя бы временно.

* * *

Первым делом ловец Касьян пополз к воде, прямо со связанными руками, но его оттащили в тень, распутали, напоили, положили на лоб мокрую тряпицу и приказали отдыхать.

— Спустимся, что ли, до реки, дядя, — сурохо потребовал Микола. — Заодно умоемся.

— Ишь ты, — удивился Илья, но направился за парубком.

Днепр был широк и тих, век не налюбуешься.

— Эх, красота, — сказал Илья, и так вдохнул, что едва не затрещала рубаха. — Ну, чего ты, племяш? Я знал его деда. И отца тоже встречал. Этот... Касьян Михайлович ограбить способен, но втихаря стащить чужое — никогда. У купцов закон суровый, мало закопали, могли и за ноги повесить.

— Да нужен мне твой... Касьян Михайлович, провались он. Лучше объясни, чего мне не рассказывал, как тебя зарыли? Кто зарыл? Когда? Почему?

Илья усмехнулся и хлопнул Миколу по плечу так, что из-под сапог парубка взметнулся песок. Микола поморщился.

— Я соврал, племяш. Надо было разговорить ловца. И я просто соврал.

— Просто соврал? — Микола сразу развеселился. — А я уж думал...

— Я ничего от тебя не таю, — сказал Илья твердо.

— Ладно, — Микола присел на краю воды, умыл руки, плеснув в лицо. — Как мы теперь?

— Посадишь ловца к себе — и быстро в Киев. Спросим Добрыню, что все это значит.

— А воевода скажет? Он же тайно новгородцев послал.

— Тайно не тайно, а если они на второй день пути закопали старшего, значит, где-то измена, и ничего из затеи не выйдет.

— Этот — был у них старший? — Микола мотнул головой в сторону Касьяна, лежащего пластом под кустами.

— Ага. И не спрашивай, как я узнал.

— Да ты унюхал.

— Именно, племяш. Именно.

Микола встал и крепко ухватил Илью за руки.

— Я тебе верю, дядя, — шепнул он. — Что бы ты ни говорил. Раньше верил и теперь верю. Понимаешь?

— Тогда... Постараюсь больше при тебе не врать.

Жеребец парубка не сильно обрадовался, когда на него взгромоздили двойную ношу, однако потянул ее резво. Касьян вроде бы покорился судьбе, но Микола затылком чувствовал, как внимательно ловец рассматривает Илью. Похоже, новгородец признал Урманина и теперь рад был рассказать витязю подробно, что приключилось. Только ловца никто ни о чем не спрашивал.

Шли быстрой рысью, Илья не мог больше спать в седле. Но храбр и так заметно оживился. Он хотел, несмотря на задержку, успеть в Киев к вече-

ру, лишь бы кони сдюжили. И был готов, если понадобится, вытащить Добрыню из постели. Несколько раз Илья оглядывался на Касьяна — как тот держится, не пришлось бы ловца привязать к коню, — но новгородец оказался крепкий.

Илья боялся опоздать. Загадочное происшествие с Касьяном могло означать измену на княжем дворе. Найти предателя в стане врага — большое везение, не меньшая удача сыскать изменника у своих. Минуло едва тридцать лет с той поры, когда подкупленные Добрыней воеводы отдали своих хозяев на меч великому князю. И все, кому положено было знать это по долгу службы, понимали, как легко на самом деле берутся неприступные крепости.

Хорошо бы Новгород так взять. Тамошние бородой за хромого, но отыщется и среди них хоть один несогласный или продажный.

Смутное время плодит изменников, ведь любая смута начинается предательством. Неважно, подручный князь сбросил с плеча руку великого, или великий решил вдруг извести подручного, и то и другое — клятвопреступление. Если можно князьям, можно и нам, решают бояре. Если можно боярам, попробуем и мы, думает люд... И родная земля обливается кровью. Вот за это Илья не-навидел смутьянов. Да, он говорил Миколе о выгоде смутных времен для храбра-одиночки: глупо отрицать столь очевидное. Но сам Илья по молодости не вынюхивал чужой удачи, выбирая князя. Урманин подрядился служить тому, за кем была

правда клятвы, правда закона, кто не хапнул чужое, а взял свое, положенное.

Нынешний зачинщик раздора всегда казался Илье куда умнее и дальновиднее прочих сыновей великого князя. Возможно, в будущем хромой мог бы высоко поднять Русь. Однако для начала хромец решил отложить от нее — и этим навеки опозорил себя в глазах Урманина. Клятвопреступник, теперь он был для Ильи все равно что мертвый.

Хорошо бы обезглавить смуту, много жизней новгородцев и киевлян это спасет. Верное старое правило: наступают воины — ищи среди них воеводу. Хрясь его по темечку, считай, ослабил войско наполовину. А ведь именно так ударили кто-то по отряду новгородских ловцов!..

Урманин затылком чувствовал пытливый взгляд Касьяна. Изводить строптивого ловца нарочитым молчанием Илье нравилось, но вдруг он сообразил: кое о чем можно и нужно узнать заранее. Чтобы Добрыня не терял времени и слов, рассказывая это Илье. Слова Добрыни слишком дорого стоят для пустой болтовни. Ладно бы в гривнах дорого, а то в жизнях.

— Эй! — позвал храбр. — Касьян... Михайлович! Живой?

— Живой, хвала Господу. Плохой я был христианин, и грешен весьма...

— Так уж и плохой?

— Никудышный, — убежденно сказал Касьян. — И нагрешил сверх всякой меры. А теперь

крепко верить буду и праведно жить. Это ж Господь послал тебя мне. Спас невинного.

Илья на миг задумался. Он-то был уверен, что Касьяна выручила неожиданная сдержанность болтуна Дионисия и общая угрюмость ловцов. Илья унюхал в этом тайну и от скуки начал разбираться. Но чего бы не усмотреть тут промысел Божий? Господь, он такой, любит подбрасывать загадки. Говорит же отец Феофил — входите тесными вратами, лишь они ведут к правде.

— Ну и ладно, — согласился храбр. — Слушай, я лишнего не спрошу. Куда вы шли из стольного града и зачем, меня не касается. Но как вашу братию занесло по весне в Киев? Объясни.

— Да высокой водой, — охотно сказал ловец. — Нас сорок пять сначала было. Ладья малая, перевернулась, трое захворали, в Киеве лежат с лихорадкой, а один вообще утоп, невезучий.

— И чего вы в Киев?..

— Епископ послал.

Касьян примолк, Илья ждал.

— К митрополиту на суд! — заявил ловец.

Микола попытался через плечо оглянуться на Касьяна.

— Ну да, — подтвердил тот. — Епископ сказал, мол, сам не разберется — и послал.

— Это что же такое натворить следует...

— Церковь сжечь по пьяни.

Заставить старого храбра растеряться было трудно, но сейчас его Бурка Малая вдруг засбоила и галопом ушла вперед. Илья сдержал кобылу,

перевел на рысь, дождался Миколу с Касьяном и сказал:

— Люблю новгородцев. Есть в них что-то такое... Исконно варяжское. Пришел, ограбил, раздолбал.

— Мы не нарочно! — жалобно протянул Касьян. — Мы не хотели!

— Еще бы вы хотели! Ха-ха-ха!

— Просто выпили чуток и решили батюшке в морду дать...

— Тпру! — заорал Илья. — Стой! Ой, сил моих нет... Гы-гы-гы!!!

Он кубарем скатился на обочину и сел, держась за живот. Миколу тряслось от хохота в седле. Касьян смущенно улыбался.

— Ты... вообще... ловец... везучий... — выдавил сквозь смех Микола. — У тебя... запас удачи... что надо! Весело вы, добры молодцы, на Пасху разговариваетесь!

— Эх, если бы на Пасху, — сказал Касьян. — Еще в пост.

Илья на обочине лег. Кобыла озадаченно смотрела на храбра, потом осторожно потянулась к нему мордой — не при смерти ли хозяин. Дышал Илья и вправду трудно.

— Вот потому, — объяснил Касьян, — епископ Аким нас в Киев и отправил. Слишком много для одного раза, сказал. Пускай, говорит, сам митрополит вам епитимью назначит. Епископу виру собрали, а не взял. Сказал, представить не может, сколько такое безобразие стоит.

— Я его понимаю, — заметил Илья, садясь.

— Ну, пару наших, самых малых, родители все-таки откупили. А прочих, особенно зачинщиков — в Киев.

— М-да... Посмешил ты меня, ловец Касьян Михайлович! — Илья огладил кобылу и полез в седло. — Правду сказал — великий ты грешник, великий!

— Я больше не буду, — пообещал Касьян.

— Куда уж больше. Эй, Микола, тронули! Да-вай, ловец, дальше рассказывай...

По словам Касьяна, митрополит пришел сначала в ужас, а потом в неописуемую ярость, когда к нему явилась эдакая разбойная братия. Худенький сморщеный отец Феофил нагнал на ловцов такого страху — впору было завидовать утопшему. Однако позже, всех допросив и уяснив, что пьяная выходка была именно пьяной выходкой, а не смутой против веры Христовой, митрополит сменил гнев на милость. Назначил большую, но, впрочем, справедливую виру за уничтожение церковного имущества. И отправил ловцов замаливать грехи в пешем паломничестве по святым местам. А новгородцы и рады были убраться подальше: на родине их ждал не самый ласковый прием. И так об Касьяна с братом — вдвоем куролесили — родитель успел обломать все лавки в доме.

— И пошли вы до града Иерусалима... — заключил Илья.

— Ага.

— С заходом в княжий терем.

Касьян, до того словоохотливый, тут же замкнулся.

— Об этом не спрашиваю, — заверил ловца храбр. — Погоди-погоди! Самое любопытное. А за что вы батюшке хотели в морду дать?

Касьян опустил глаза.

— А никто не помнит, — сказал он. — Пьяные были.

И загрустил.

* * *

До ночи все-таки не успели, въехали в Киев утром. Илья по спешке даже не переоделся, на княжий двор прискакал в дорожном. Угадал в самый раз — воевода прибыл с заутрени, стоял на крыльце главного терема, беседуя с тиуном.

— Здравствуй, Ульф, — сказал Добрыня.

— Здравствуй, Торбъёрн.

Они здоровались так спокойно, будто расстались только вчера. Но обнялись крепко.

Княжий тиун поклонился Илье едва не в пояс и со словами «пойду скажу» исчез.

— Ну? — Добрыня кивнул Миколе, задержал взгляд на Касьяне, недобро сощурился, повернулся к Илье. — Что скажешь, брат крестовый?

— Там, куда я ходил, порядок. Тут непорядок.

Добрыня присел на каменную ступеньку, хлопнул ладонью рядом с собой. И уставился на Касьяна.

Илья тоже сел, невольно потеснив Добрыню — крыльцо едва вместило двоих великанов. Оба все

еще были очень сильны, без намека на старческую дряхлость, но седина да морщины выдавали их возраст. И если Илья был местами в дорожной пыли, то Добрыню будто с ног до головы присыпало этой пылью. Он стал пегим и блеклым, ука-тала его власть. И глаза воеводы смотрели устало, словно это он вернулся из дальнего похода.

— Ну? — повторил Добрыня.

Илья коротко поведал о встрече с паломниками и зарытом в землю Касьяне. Касьян маялся под взглядом Добрыни, не знал, куда девать руки, то прятал за спину, то клал на пояс, ковырял сандалией песок. Микола Подсокольник стоял рядом и косился на ловца, прикидывая, как его хватать, если вдруг побежит.

— И что ты об этом думаешь? — спросил воевода, когда Илья закончил рассказ.

— Я?!

— Ага, ты.

— Ох... — витязь замялся. Не хотелось, чтобы опасное слово «измена» звучало при новгородце. Измена может быть где угодно, только не в Киеве.

— И что будем делать? — продолжал воевода.

Тут Илья нашелся сразу. Он выпятил бороду, расправил плечи и заявил:

— Да перепороть всех!

— Совсем всех? — Добрыня хмыкнул. — А что, это мудро. Кто-нибудь да сознается. В чем-нибудь.

Он обернулся и крикнул в глубину терема:

— Эй!

— Здесь! — отзвались из темноты.

— Гонца. Конного. Быстро. С припасом на четыре дня.

— Исполняю.

Добрыня тяжело упер руки в колени. Опять он смотрел на Касьяна, тот уже гнулся под этим взглядом, того и гляди падет ниц, хоть и гордый новгородец.

— Чарку, значит, нашли у него... — протянул воевода.

Обернулся вновь:

— Эй!

— Здесь! Послали за гонцом.

— Ключника позови ко мне.

— Исполняю.

Илья щурился на утреннее солнце.

— Худое будет лето, — сказал он вдруг.

— Разберемся, — заверил воевода.

Появился ключник, дородный, богато одетый муж средних лет.

— Звал, воевода? О! По здорову ли будешь, Илюша?

— Поздоровее меня найдутся, — ответил Илья. — Однако не жалуюсь. А ты как?

— Холопья доля тяжкая, — ключник огладил толстый живот и сокрушенno вздохнул. — Видал? То-то.

— А ты не ходи, ты бегай, — посоветовал Добрыня. — Скоро похудеешь.

— Князь гневаться будет, не любит, когда то-пают.

— Тогда не бегай. Скажи-ка мне, у вас днями ничего не пропадало?

— Откуда знаешь? — изумился ключник. — А-а... А оно уже на месте!

— Покажи.

— Ну... Пойдем.

— Чего пойдем, сюда принеси.

Ключник часто заморгал.

— Да я не сдюжу. Разве стражу кликнуть?

Илья с воеводой озадаченно переглянулись.

— Что пропало-то? — спросил Добрыня.

— Не пропало, я вернул. Ты не смеялся только.

И князю не говори, очень тебя прошу.

— Как же мне надоело это всё... — буркнул воевода. — Рассказывай.

— Гридни со стражей поспорили, что ворота проплюют.

Илья гулко расхохотался и ударил себя ладонями по ляжкам.

Добрыня вытянул шею. Микола с Касьяном шагнули в сторону, чтобы не застить. Ворота были вроде на месте, калитка тоже, стражники с привычно скучными лицами стояли где полагается.

— Ага, — сказал ключник. — Стража так же подумала. Один я догадался, когда мне донесли. Побежал ночью к задним воротам, что за конюшней. Едва успел — эти лбы бездельные как раз их с петель сняли. Затаились, дождались, пока обход мимо пройдет — и... Я приказал обратно повесить.

Добрыня повернул голову к Илье и грустно сообщил ему:

— Вот так и живем. Обустраиваем Русь!

Илья мелко хихикал в бороду.

Ключник вздыхал, потупившись и сложив руки на животе.

— Ты правильный ключник, — утешил его воевода. — Добро, что догадался, и особенно добро, что тебе про кражу донесли. Скажи, а посуду в тереме пересчитывают?

Ключник заметно удивился вопросу.

— Смотря какую. Серебряную да, когда чистят ее, а остальное считать без толку, горшки-кувшины что ни день грохаются. Давеча князь в меня амфорой запустил, хорошо пустая была.

— Это благо, — заметил воевода, — раз кидается, видно, на поправку глядит... А серебряную посуду — ташат из терема?

— Не помню случая. Кто на угощенье ходит, тот либо с ног до головы в серебре, либо тащить не обучен. А челядь — холопы, почто холопу красть, если он сам не свой?

— Тогда сделай мне одолжение. Прикажи серебряные чарки посчитать. Очень дотошно, но очень быстро. Мне надо знать, все ли на месте.

— Чарки, — повторил ключник. — Исполняю.

И ушел в терем.

— Теперь говори ты.

— А? — Касьян встрепенулся. У него, видать, и в мыслях уже не было, что воевода обратится прямо к нему.

— Рассказывай.

— Ну... Мы утром поднялись, собрались, вдруг скакет тиун.

— Кто-о?!

Выходило так. Новгородцы, переночевав, едва стали на дорогу, и тут их нагнал всадник. Представился тиуном. Одет был как положено, на куртке — бляха с княжим знаком. Денис не признал тиуна в лицо, но монах не был знаком со всей многочисленной княжей челядью. А тиун сказал, есть подозрение, что кто-то из новгородцев прихватил в тереме серебряную чарку.

Обвинение было очень серьезным и для ловцов с их купеческими понятиями, а уж для паломников, давших обеты, — вовсе. Тиуна подняли на смех, но он держался уверенно и не отставал, а когда ему пообещали надрать уши, выхватил меч и в одиночку попер против сорока двух с посохами. Тут ловцы смекнули, что перед ними действительно княжий челядин, которому терять нечего, если не выполнит приказа. И Михаил, младший брат Касьяна, предложил — раз такое дело, обыщем друг друга у тиуна на глазах. Хоть догола разденемся. И потом уж с чистой совестью погоним его пинками, чтобы знал, как на добрых молодцев напраслину возводить. И самому морду расквасим, и коню его, вон рыло какое наглое.

Ловцы обменялись сумами и начали с шуточками их потрошить. Чарка нашлась почти сразу. В суме Касьяна.

Тиун забрал пропажу, сказал: ну, святые люди, вы сами понимаете, как казнить преступни-

ка, — и ускакал. А ловцы остались, потерявшие дар речи. Только Денис громко молил Господа о спасении души Касьяна.

Вы же меня съязмальства знаете, сказал Касьян, не могло такого быть, чтобы я... Но ему уже вязали руки. Потом ловцы встали на колени и молились за него. А после судили. Касьян всегда был старшим и заводил, а уж такому можно припомнить немеряно грехов. И припомнили. Очень многое. В том числе зacin пьянки во время поста, окончившейся столь неудачно и позорно. Когда все грехи перечислили, выходило, Касьяну осталось только украсть, а прочие безобразия он уже перепробовал.

Вступил за Касьяна один Денис, причем совсем не по-богословски, а очень даже по-простому. Напомнил ловцам, куда они и зачем идут и как рады были бы враги обезглавить их отряд в самом начале пути. Повторил, что не признал тиуна. Но тут раздавленный горем Михаил прилюдно отрекся от старшего брата, и глубокая скорбь юноши перевесила доводы монаха. Разум новгородцев застил гнев. Ловцы наконец-то отыскали главного виноватого и хотели собственные грехи свалить на Касьяна. Они не понимали, что творят, их понесло — как до того несло по жизни.

Касьяну бы сразу броситься в реку, пока не связали, он плавал лучше всех, мог спастись. Только вожаки так не поступают, держат ответ. Кто убежал, тот признал свою вину. Вдобавок Касьян был слишком потрясен случившимся. Ему дали

последнее слово, он призвал одуматься — тщетно. Все оказалось против него. Особенно та глупая пьянка, обрекшая ловцов на изгойство, пусть временное, но вырвавшее их из привычной вольной жизни.

Ловцы еще помолились — и зарыли своего во-жака у берега реки.

— ...А потом Господь послал мне Илью Урманнина, да будет он благословен, — Касьян низко поклонился Илье.

Илья кивнул.

Воевода сидел, упрятав лицо в ладони. Он обя-зан был выслушать этот рассказ, но тошно стало. Пропажи на дворе не хватились, и никто за чаркой не посыпал. Значит — объявился самозваный княжий тиун. Поймать и содрать шкуру! Испокон веку на Руси того, кто выдавал себя за другого, сразу убивали. А уж если за княжего челядина — убивали очень медленно. Столь наглые воры бы-ли редкостью, каждый раз, когда они возникали, Добрыню тряслось от злости. Самозванцы замахи-вались на главное: Русь тем стояла и крепла, что тут у любого было свое место и свое право, даже у изгоя. А чужого места не трожь! Иначе с тобой обойдутся как со скотиной. Недаром конунг Хель-ге просто и скучно зарезал Аскольда и Дира, сев-ших в Киеве, начавших его обустраивать и даже наладивших посольство к грекам. Эти двое из лю-дей Рёрика могли разграбить город, могли взять и удержать Киев ради законного хозяина русской земли. Но вот прикидываться конунгами — нет!

Хельге вызвал Аскольда и Дира на переговоры, вышел к ним с малолетним Ингваром на руках — и самозванцы поняли намек, но было поздно, их уже рубили. И поделом. Судьба князей править, судьба остальных жить и служить, каждый несет свою ношу, каждый имеет свою долю, каждый отвечает за свои поступки. А кто думает, что самый хитрый, того на меч.

Да, поймать самозванца — и убивать долго...

— Видно, ты не исчерпал свой запас удачи. Повезло тебе, внук Хакона, — говорил Илья Касьян.

— Которого еще Хакона? — глухо спросил Добрыня.

— Да Хакона Маленького из Ладоги.

Добрыня выставил из-за ладони один глаз.

— То-то я думал, на кого похож сей моло-дец, — сказал воевода. — Двое их было ладож-ских, Хакон Злой и Хакон Маленький. Один другого разбойнее. Вылитый ты дед, Касьян Михайлович. Жалко я его не прибил. Жалко не прибил обоих.

Касьян обиженно надулся.

— Хакон Маленький был честный, — вступил-ся за Касянова дедушку Илья.

— Ага. Он честно предлагал — или рядимся торговать по моим ценам, или лучше сразу отдай все даром!

— Ну, я-то его уговорил.

— А особенно он был честен, когда дело каса-лось чужих жен! — вспомнил Добрыня.

— Да ты сам на нее глаз положил!
Из терема донеслось осторожное покашливание.

— Что? — спросил Добрыня, не оборачиваясь.

— Чарку стащили. Вот же нехристи!

— Когда?

— А я знаю? На этой неделе! — ключник был зол и расстроен. — Из самых дорогих чарка, жеребца купить хватит, там резьба такая — красотища...

— Где ты за серебряную чарку купишь жеребца? — встрял Илья. — Не набивай цену!

— Ты не купишь, я — куплю, — отрезал ключник.

— Тихо! — Добрыня хлопнул в ладоши. — Все тихо! Ульф, помолчи. А ты меня слушай. Давай соображай. Если воры продали краденую чарку прямо здесь, в Киеве, то никак не раньше вчерашнего дня. Это наверное. Продавца надо отыскать и взять. Выпытать, кто дал чарку ему. И так далее. Всех до единого в поруб. Грозить смертью. И главное. Мы не саму чарку ищем. У кого-то из воров есть поддельный княжий знак. Этот хитрец нам и нужен.

— Ой... — ключник только руками всплеснул.

— Сделаешь? Тебе не впервой, я же знаю.

— Не впервой, — согласился ключник. — Сейчас подниму свободных гридней, отправлю на торжище и по серебряным лавкам... Им тоже не впервой. Даром, что ли, ворота скрасть хотели, научились, пока воров ловили.

— Вот как. Думал, у тебя этим стражи занимается.

— Я стражникам не указ, они под княжим тиуном ходят, у них свой розыск.

— Но гридням ты совсем не указ. — Добрыня усмехнулся.

— Зато я им брат, — ключник улыбнулся в ответ. — И они приучены все делать тихо. Стражи больше распугивает воров. А эти — ловят. И уж за княжий знак — весь город перевернут. Ох, что творится...

— Давненько такого не было, да? — Добрыня приглушенно рыкнул от злости. — Знак добыть непременно. А этого хитреца живьем брать надо — сам пытать стану.

— Будем молиться, что он в Киеве. Гридни сышут его.

— Князь-то знает? Насчет гридней?

— Даже одобряет. Только про ворота ему не рассказывай, это лишнее. Теперь-то их сторожат днем и ночью... Ну, я тебе еще нужен?

— Иди распоряжайся.

Ключник ушел, горестно вздыхая. Добрыня поманил к себе Касьяна.

— На кого думаешь, молодец?

Касьян развел руками и покачал головой.

Добрыня встал с крыльца, подошел к Касьяну и навис над ним. Ловец съежился. Перед Ильей он вроде хорохорился, а воевода прямо раздавил новгородца. Верилось, что Добрыня прибил бы

Хакона Маленького и еще дюжину Хаконов Злых, не думая.

Он разрушал целые города.

Но он же и строил новые.

— Ничего вам, молодым, поручить нельзя, — произнес Добрыня с убийственной тоской в голосе. — Ни на что вы не годитесь. Жечь, ломать, разбойничать всегда пожалуйста. В землю сыру закопаться, хе-хе, и то можете. А как серьезное дело... Эх! Говори, когда отсюда вышли — куда пошли? Сразу из города? Или задержались?!

— Темнело уже, — промямлил Касьян. — Мы еще ночь по кельям...

— А до того, как по кельям?..

— А до того — по харчевням, — ввернул Илья с крыльца. — И Денис не возражал.

Воевода на Илью только покосился, а Касьян — тот вытаращился.

— Денис никогда не возражает, если за него платят, — объяснил Илья.

Добрыня крепко взял Касьяна за плечо.

— Кто из твоих пил с местными?

Касьян горько повесил голову.

— Их же сорок, за всеми не уследишь, — еле слышно ответил он.

— Черт тебя побери, — сказал Добрыня и перекрестился. Заложил руки за спину, прошелся мимо крыльца туда-сюда.

Из-за терема выбежал гонец, невысокий, легкий, сухощавый, под таким конь стрелой летит. Воевода отвел гонца в сторонку и принялся что-

то втолковывать. Гонец кивал. «Да знаю я Дениса!» — донеслось до крыльца. — «Ну, с Богом тогда».

— Так! — Добрыня вернулся на крыльце, долго усаживался, сильно подвинул Илью, притиснувшись к нему вплотную, и вроде слегка повеселел.

— Я все забыл, что хотел? — спросил воевода сам себя. — Что-то точно забыл. Ага! Чего нам делать с этим Касьяном... Михайловичем? Раз уж мы не прибили его дедушку. Ты, брат, кажется, советовал молодца выпороть?

— Я сказал — всех! — кровожадно напомнил Илья.

— Кроме меня, — подал голос Микола, утомившийся стоять и молчать.

— Всех, кроме Подсокольника, — поправился Илья.

— Всех, кроме лысого хрена Подсокольника — это значит и тебя тоже, брат.

— И тебя, брат! А давно нас не пороли. Эх, годы наши...

— Это старость, брат. Это старость.

Воевода обнял Илью и притиснул к себе. Крыльце хрустнуло.

— Будто в прежние времена, — сказал Добрыня. — Сидим на крылечке. А помнишь, как мы встретились да побратались... Прямо тут? Да уж! Эх, вернуть бы молодость. Все бы исправил, все бы сделал лучше. Веришь, нет, я ночами не сплю, от расстройства зубами скриплю, теми, что еще

не выпали... А ну покажи зубы! Да покажи зубья, медведь! Дай позавидовать!

На крыльце вышел тиун. Так же, как раньше ключник, сдержанно кашлянул, чтобы обратить на себя внимание.

— Великий князь наш и благодетель призыва-ет к себе Илью Урманина, — провозгласил тиун с достоинством и поклонился. — И тебя, воевода, тоже.

Добрыня оглянулся на Миколу:

— Подсокольник! Забери на сегодня Касьяна к себе. Только смотри, чтобы не спалил чего, хе-хе, или в землю не зарылся, он такой. Отдыхайте, молодцы, завтра с утра вам в дальний путь. Раньше середины лета не вернетесь. Прощайте.

Микола и Касьян отвесили воеводе поклон до земли, причем Подсокольник успел так грозно зыркнуть на новгородца, будто собирался его зарезать прямо за воротами.

— А я? — удивился Илья.

— И ты с ними, куда ж без тебя, — воевода поднялся на ноги, заметно труднее, чем в предыдущие разы. — Сам видел, разве можно что-то доверить молодым?

— Молодым надо доверять, — сказал Илья, легко вставая. — А то помрем мы — и?..

— И порвут они Русь на мелкие клочки! — заявил Добрыня с горькой уверенностью.

Воевода и витязь попытались войти в двери одновременно.

Терем задрожал.

* * *

Князю было холодно. Он лежал весь закутанный, выпростав поверх одеяла длинную серебристую бороду. Лишь трудное, с присвистом, дыхание выдавало, что этот измученный человек жив. Но когда знакомо хрустнули половицы, князь приоткрыл глаза, пошевелился. Полы в тереме клали на славу, их ломало и корежило, только если племчом к плечу, да еще в ногу, шли Добрыня и Илья.

Князь любил обоих, любил ревниво и неровно. Добрыня был ему ближе всех на свете, а Илья... Илья его слушался.

Непонятный с виду звероватый витязь из «наших» холмогорских урман явился служить князю, едва тот сел в Киеве. Окрестные родовые общины по смутному времени обнаглели, на дорогах стоял разбой, тут очень кстати и пришел этот Ульф. Урманин оказался строптив, заносчив, желал особого внимания. Но когда требовалось совершить невозможное — одним видом нагнать страху на данников, одним словом переменить цены на торжище, одним ударом смирить непокорное село, — Илья был незаменим. Урманин всего добивался малой кровью. Князь такое умение очень уважал. Он сам предпочитал не бить, а запугивать. Не любил тратить народ понараску. Это ведь был его народ.

Князь везде, где можно, избегал сечи. Он целую Русь не столько завоевал, сколько прибрал. Обманом, подкупом, запугиванием, резней в те-

ремах, осадой городов, но не рубкой в чистом поле стена на стену. Ему надо было взять свое, он и взял. Родился младшим княжичем, но пришел как полноправный правитель, настоящий великий князь. Русь это оценила, легко покорилась ему.

Начиналось все худо. Когда погиб в походе отец, старший брат должен был по закону стать новым отцом для остальных. Вместо этого он пошел войной на среднего брата, разбил в бою и погубил. Жизнь младшего — тогда еще просто князя новгородского, подручного Киеву — висела на волоске. Успел вовремя уйти к варягам. Те оценили умение молодого конунга выживать, да и Добрыня, которого варяги прозвали «Торбьёрн», хорошо им показался умом и доблестью. Эти двое могли взять Русь и, главное, не потерять ее, у них был запас удачи. Через пару лет князь вернулся в Новгород с большим варяжским отрядом. Легко занял город. Подступил к Полоцку, с помощью Добрыни обманом пленил и устранил тамошнего князька. Двинулся к Киеву и таким же образом — Добрыня подкупил киевского воеводу — разделался со старшим братом. Чтобы крепче запомнили, кто тут хозяин, князь забрал себе жен победенных. И сел в Киеве. Занял свое место. Все получилось как нельзя лучше. Но чего-то не хватало.

Потом он не раз устраивал большие походы — были и кровавые сечи, были и великие победы. Русь громила врагов, пресловутый запас удачи казался неисчерпаемым. Но временами раздавалась

молва, будто князь трусоват, прячется за спину Добрыни, даже старшего брата не своими руками зарубил, и вообще хорош только чужих жен сильничать. Будто не водится за ним воинской доблести, которой славился его отец.

Когда такие слухи доходили до князя, тот бился и мог в припадке злобы учинить страшное. Действительно, всеми победами он был обязан Добрыне и дружинникам. Но должен ли князь, чье дело править, сам вести дружины в сечу? Должен кому-то что-то доказывать? Он умел убивать. И заставлять других убивать. Ему было легко одолеть василевсу — константинопольскому василевсу! — шесть тысяч воинов. Заодно убрать лишних варягов из Киева, ха-ха. Столь же легко было князю, возжелав в жены сестру василевса, но получив надменный отказ, взять в осаду греческий город. И как обычно, добиться своего. Князь мог всё на этой земле. Он крестил Русь. Наладил торговые пути так, что движение по ним шло круглый год. Усмирил болгар и отогнал печенегов. Какой еще доблести от него хотели?!

Говоря по правде, доблести неоткуда было взяться у мальчика, которому внущили: тебе впереди ничего не светит. Рожденный от женщины, никогда не звавшейся княгиней, да еще и младший из трех сыновей, он рано понял, что надо дорожить своей шкурой, избегать заведомо безнадежных драк и продумывать действия на годы вперед — иначе побьют, и только.

Повлияло и бурное детство. Чего стоило одно

только лето: пока отец на Дунае громил булгар, к Киеву приступили степняки. Обороняла стольный град бабушка с тремя внуками. А навели печенегов — греки. У которых бабушка в свое время крестилась, обновила с ними торговый договор и была провозглашена русской архонтессой. Вот только договор договором, христианство христианством, а слабину попробуй дай — съедят. Бабушка тогда сказала: доверять безоглядно можно лишь тому народу, который ты в землю втоптал.

А отдельному человеку — понял с годами мальчик — вообще никакому доверять нельзя. Горькая истина: у князей нет друзей. От этого хотелось плакать и кого-нибудь убить.

Жизнь проходила мимо мальчика. Братья не любили младшего княжича, бабушка была к нему добра, но холодна, отца он почти не видел и скорее боялся, чем уважал. Мать, когда-то бабушкина ключница и любимица, теперь жила в своем вотчинном селе и не казала носу в Киев. Если братьям хотелось мальчика побольнее уесть, они звали его — эй, робичич! Жестоко, несправедливо, но поди возрази, рожден от рабыни, и все тут. Ключник — холопья должность. Это необходимо: такую огромную власть, какую имеет в княжем треме ключник, а на дворе тиун, можно доверить только рабу. Который на время холопства будет и сам не свой, и вообще не человек — он глаза, руки, голос хозяина.

Когда мать понесла, тут же перессорились все. Говорили, бабушка кричала так, что едва не лопа-

лась посуда. Отец благоразумно удрал в поход. Мать вылетела со двора, спасибо что живая. Но поостыла в бабушке злая варяжская кровь, и младший княжич был признан по всем правилам.

Позже он иногда жалел об этом.

Пока не сообразил: невезучий в мелочах, княжич был удачлив по-крупному. Сколько его шпянили, ставили на место, затирали и отодвигали, зато ни у кого не было такого замечательного дядьки. Дядя по матери годился княжичу возрастом скорее в старшие братья. Он-то и стал ему вернейшим товарищем, защитником, учителем. Тем другом, каких у обычных князей не бывает.

Дяде тоже если везло, так по-крупному. Их совместный с князем запас удачи был огромен, и едва предоставилась возможность, они своего не упустили. Это была отчаянная гонка за властью. Когда вдруг оказалось, что все кончено, что князь теперь — великий князь и можно больше ничего не опасаться... Впервые в жизни ничего не опасаться... Закружила голова. Князь от растерянности запил. Более-менее приходил в себя, только чтобы позаботиться о будущем опостылевшей жены и взять новую.

Всем остальным занимался дядя. Со стороны казалось — правит князь, отдает поручения, вникает в дела... Как бы не так. Отойдя от винного угара, князь подумал: опять крепко повезло. И привычно дяде позавидовал — вот же добрый молодец. Красив собой, могуч, умен, один целой дружины стоит.

Дядя умел править не хуже князя. Да чего там — лучше. Еще он был силен, отважен и мог завалить кого угодно в честном поединке.

Однажды дядя одолел жуткого громилу, вломившегося на двор с какой-то глупой просьбой, да еще и босиком, сапоги через плечо. Наглец вы кликал к себе тиуна. Дядя засветил наглецу по уху, а тот в ответ навернул дядю сапогом. Дядя как стоял, так и сел.

— Тебе чего надо, варяг хренов? — спросил он, держась за голову.

— Мне за ловлю разбойников не плачено! — заявил варяг хренов.

— Теперь и не будет, — сказал дядя, с трудом вставая на четвереньки. — Ну, молись своим богам.

Произошла чудовищная драка, после которой дядя несколько дней ходил, кряхтя и охая. Варяг был силен и ловок, но дядя оказался быстрее и хитрее.

— Учиться тебе еще и учиться... — пропыхтел дядя, сидя на груди поверженного громилы и умываясь кровью.

— На себя посмотри, — прогудел громила.

— Ты кто вообще? — спросил дядя.

— Ну, Ульф Урманин.

Дядя огляделся. Свидетели, опасливо державшиеся поодаль — все больше стражи да гридни, — согласно закивали.

— Однако! — буркнул дядя. — Как же ты меня не прибил?

— Постеснялся, — шепнул громила. — Слезай давай, ишь расселся, дышать тяжко.

— Коли ты Ульф, можешь звать меня Торбъёрн, — сказал дядя, слезая.

— Я знаю, кто ты, — ответил Ульф с достоинством, ощупывая помятую грудь.

— Знаешь — и не побоялся?..

Ульф встал и подобрал свои огромные, чуть не вдвое больше человечьих, сапоги.

— Не-а, — сказал он. — Не побоялся.

— Тебе правда не заплачено?

— Теперь и не будет. Уговор дороже.

— Ну, ты... — дядя замялся, не зная, как выразить свои чувства. Коротко оглянулся на терем. Князь подсматривал, он это знал.

Дядя снял с шеи тяжелый золотой крест.

— Будь мне братом крестовым, — сказал он, надевая крест на Урманина.

Тот попробовал обнову на зуб и прогудел:

— Ладно. Когда окрещусь, свой тебе отдам.

— Окрестись, — дядя кивнул. — Это пригодится. Дай я тебя, что ли, поцелую, зверюга ты такой.

Да, князь видел ту стычку, и руки его судорожно дергались, нанося удары воображаемому противнику. Ох, как бы он ему врезал! Если бы мог. Увы, он не был ни достаточно силен, ни достаточно отважен, чтобы выйти против такого чудовища. И сердце его разрывалось от любви к Добрыне и лютой зависти к нему же. А Ульф Урманин просто напугал князя. Умом князь понимал,

сколь этот зверообразный муж полезен, но вот незадача — тряслись поджилки. Годы понадобились, чтобы князь привык орать и топать ногами на Урманина. Надо было просто узнать его поближе. Разглядеть, что за клыкастой медвежьей харей нарушителя порядков и наглеца прячется существо, по сути, кроткое и послушное. Только не гладь его против шерсти, и Урманин все сделает.

Князь научился обращаться с Ильей. Потом это страшилище полюбил. Начал ревновать его к дяде, а уж завидовал Илье еще больше, чем Добрыне. Наказывал по малейшему поводу. На самом деле Илья отдувался за двоих — Добрыня частенько выводил князя из себя, да не посадишь же воеводу в поруб.

Но кто не помнил зла, кто выручал, когда худо, кто всегда поддерживал — не разжиревшие бояре-стервятники, забывшие, кем возвыщены, а вот эти двое.

Князь позвал — и они пришли. И стало теплее.

— А вот и Урманин... — просипел князь. — Верный мой Урманин...

* * *

Илья поцеловал холодную руку князя, и внутри что-то оборвалось.

Всё.

Князь был не жилец на этом свете.

Витязь покосился на улыбающегося Добрыню. Он привык, что его крестовый брат умнее, хит-

рее, лучше понимает в людях, и каждый раз удивлялся, когда обнаруживал: воевода лишен чутья. Того звериного чутья, которое подсказывало Илье предстоящие события, поступки окружающих, да и просто — не ждут ли тебя за углом с дубиной.

Иногда Добрыня угадывал то, что Илья чуял. Сейчас — нет. Воевода глядел на князя в полной уверенности: скоро тот встанет с постели, и все будет по-прежнему.

Ему так надо, понял Илья, он и думать не хочет, как жизнь обернется, если князь не поднимется. Это объяснимо. Тридцать пять лет прошло без междуусобиц на Руси, мы привыкли к хорошему, раздобрали, одряхлели телом и умом, надеемся мирно помереть и лечь в землю с князем ряжшком под отходную молитву отца Феофила. Уютненько так.

Но вдруг старые боги, коих мы низвергли, затаили обиду? И пересчитали наши сроки, и назначили кару нам — пережить своего князя, своего митрополита, всех друзей и родичей? Скончаться в самом тоскливом из одиночеств, когда вокруг лишь чужие лица? Они такие, старые боги, им это наверняка показалось весело. И ничего тут не исправит вера наша во Христа, ибо родились мы, когда правили душами русов те — изначальные, и властны они над нашими судьбами по-прежнему...

Илья прикоснулся рукой к вороту, где под ру-

бахой вместе с золотым крестом висел доставшийся от отца в наследство Мъельнир.

— Ну что, Илюша... — князь закашлялся, трудно повернулся на бок, сплюнул на пол. — Эй, помогите-ка сесть.

В дверях засуетилась челядь, но витязи сами подхватили князя, усадили, натолкали под спину подушек. Это оказалось просто — князь сильно похудел за время болезни. В былье времена даже Добрыня чувствовал его вес, когда волок на себе пьяного отсыпаться, а гридни вообще меньше, чем вчетвером, за княжу тушу не брались.

— Вон! — рявкнул князь и снова закашлялся.

Челядь бесшумно исчезла.

— Ну что, Илюша, вернулся? На Новгород со мной идти? Это хорошо. Вразумим слегка хромца...

«А как же!» — едва не ляпнул Илья, но Добрыня опередил его:

— Не нужен он в Новгороде, обойдемся.

Князь молча перевел глаза на воеводу. Взгляд у князя стал детски-обиженный — будто отняли любимую игрушку.

Собственно, так и было.

Урманин потупился, чтобы не выдать радости. Добрыня нашел верное слово — у стен Новгорода без Ильи прекрасно могли обойтись. Именно обойтись.

— Илья завтра же пойдет в Херсонес.

— Ты ведь послал туда.

— Вот с ними и пойдет. Догонит.

— Зачем?

— Догонит и возглавит.

Князь размышлял. Илья переваривал новости. Он давно не ходил в Грецию и не особенно туда стремился, там все было слишком по порядкам, да еще и жарко.

Вдобавок теперь не хотелось оставлять Киев. Поглядев на князя, Илья вообще разуверился, что поход в Новгород состоится. Похороны раньше состоятся, большие похороны. А потом большая смута. Отпрыски князя перегрызутся, и хромой, самый умный, вдобавок с детства озлобленный, наверное, пожрет остальных. Если, конечно, заранее не выбить у него ополчение и пришлую варяжскую дружины. Но тогда надо выступать на Новгород сегодня — а этого великий князь не позволит, он хочет пойти сам, подвигов ему не хватает. Значит, уже опоздали. Ну, похороны. А дальше? Киевляне промешкают, будут ждать ростовского князя, чтобы, согласно воле отца, посадить его на великое княжение. Однако в двух шагах от Киева, в Вышгороде, скучает под охраной провинившийся князь туровский, старший и законнейший наследник — он о себе напомнит сразу. Город забурлит, боярство расколется. И тут хромец припрется с войском... А у нас кто в лес, кто по дрова, у каждого терем, и всем еще чуток подышать охота.

Илья увидел эту картину так ясно, что едва не содрогнулся. Если хромец возьмет Киев, то поступит, как в свое время его отец, — перережет остальных братьев. Разве князь тмутараканский

уцелеет, руки коротки достать. А еще хромой припомнит детские обиды — тоже всем, до кого дотянется. Начнет с Добрыни. Старые новгородцы только обрадуются, захотят голову воеводы — память о Добрыне-посаднике осталась дурная. Что будет делать воевода? Нельзя его бросать тут без подмоги. Нельзя...

Добрыня и князь совещались. Илья, ничего не слыша, разглядывал князя. Пытался учゅять, сколько в запасе времени: успеет он сбегать в Херсонес и обратно или нет. И старался отрешиться от боли в груди — князя было жалко.

Еще было жалко Добрыню, себя, Русь, всех.

— А?

— Ты знаешь в лицо херсонского протоспафария? — повторил воевода.

— Прото — что? — переспросил Илья.

— Ты вроде разумел по-гречески.

— Ну... Не такие же слова!

На самом деле Илья по-гречески знал чуть больше, чем пресловутый Хакон Маленький по-нашему. Тот мог сказать «здравствуй», «торгуем по моим ценам», «отдай все, тогда не убью» и «хочу эту женщину». Варягу хватало, и умер он от старости.

— Есть спафарий, есть протоспафарий... — начал объяснять Добрыня.

— Кто такой стратиг? — вступил князь.

— Воевода! — перевел Илья.

— Верно. Стратига херсонского видел?

Илья почесал в затылке.

— А я обоих должен прибить, — уклончиво спросил он, — и стратига, и этого прото?..

Князь рассмеялся, смех перешел в надрывный кашель.

— Нет, — сказал Добрыня. — То есть обоих, но это один человек. Георгий Цула — стратиг и протоспафарий фемы Херсонес и Климаты. Желательно его не бить, а скрасть, однако приказать не могу, тут уж как повезет.

— А Денис стратига знает? Может, он мне покажет?

— Знает. И Денис знает, и Иванище Долгополый.

Илья удивленно поднял брови.

— Если Ивашка успеет туда подойти, — напомнил князь, откашлявшись. — Что-то мне все это не нравится. Послали каких-то сопляков белобрысых, с ними толстого грека, а теперь еще такого зверюгу, которого видать за полет стрелы — да-да, это я про тебя, зубы не скаль. Добрыня, оставь мне Илью. Он хромого держать будет, когда я ему вторую ногу в кочергу согну!

— Мне больше некого отправить в Херсонес, — сказал воевода. — А насчет образины — паломничью рясу наденет и клобук пониже опустит. Если затею возглавит Илья, мы будем спокойны. Он всех одержит, и ловцов, и Дениса, и Иванища. Может, ничего путного у них в Херсонесе не выйдет, но с Ильей хотя бы глупостей не натворят.

— Лучше пусть у них выйдет, — решил князь.

— Это уж как пойдет.

— Вот я и говорю. Слышал, Илюша? Ты там постараися. Эх, с тяжелым сердцем отпускаю тебя...

«С тяжелым сердцем ухожу», — хотел ответить Илья, но промолчал, только нагнулся еще раз поцеловать князю руку. Слабую руку, однако не совсем мертвую. Немного времени еще было.

Значит, надо все успеть.

* * *

— Ты чего такой мутный? — спросил Добрыня, когда они вышли на двор. — Сердишься? А-а, думаешь...

Как обычно при глубоком раздумье, Илья стоял, взявшись руками за пояс и опустив голову.

— Убрать бы туровского подальше от Киева... — буркнул Илья.

— Ого! — Добрыня нагнулся, пытаясь заглянуть витязю в глаза.

— А на Новгород идти прямо сегодня.

— Ого! — повторил Добрыня. — Да ты, брат, похоже, решил, что князь не жилец.

— Ага.

— Вот это видел? — Добрыня сунул храбру под нос кулак.

Илья хмуро кивнул.

— Забудь! — приказал воевода. — Выздоровеет. Каждый год ему по весне худо. Возраст, ничего не поделаешь.

— Понимаю. Но все-таки...

— Отцу лучше знать, как поступать с сыновьями, — отрезал Добрыня. — Они князья, пускай сами разбираются. Нам положено исполнять приказы и не лезть.

— Я хотел бы знать... — сказал Илья с редкой для себя робостью. — Извини, если много на себя беру... Когда тuroвский с хромым перегрызется за киевский стол, где будешь ты?

Добрыня от неожиданности отступил на шаг. Присмотрелся к Илье так и эдак. Зачем-то подергал себя за бороду. Огляделся — не подслушивает ли кто. Но двор был пустынен, только стражники у ворот прятались в тень.

Илья ждал. Добрыня снял легкую раззолоченную летнюю шапку, повертел в руках, снова надел.

— Ты сам выбрал себе князя, — сказал он наконец. — Захочешь, выберешь еще. Я — не выбирал. И другому моим князем не быть.

— Так где мне искать тебя?

— Не прощайся... — сдавленно взмолился Добрыня. Илья не думал когда-нибудь увидеть воеводу испуганным, а вот — увидел.

— Я не прощаюсь, брат. Я спрашиваю — где?

Воевода опустил глаза. До него, похоже, дошло: Илья учゅял близкую смерть князя. Эта смерть должна была повлечь за собой опасную перемену для самого Добрыни и его сына. Но Константина Добрынича недаром прочили в новгородские посадники — тот годами жил в Новгороде, был то ли соглядатаем князя при хромом отпрysке, то ли

тайным послом между ними. Судьба Константина в случае передела киевского стола могла оказаться равно завидной и горькой. А вот Добрыню хромеца не простили бы ни по какому. На матери хромого великий князь женился насильно, родителя ее убил, и руку к кровавому сватовству приложил воевода. Такое уж было время.

— Ну, — Добрыня собрался с духом и гордо поднял голову. — Коли я решу, что сделал все должное, и время мне уйти...

Илья вцепился в пояс так, словно хотел порвать его. Мысли воеводы были написаны на лице. Если победит хромой, Добрыне некуда бежать — кому охота ссориться с великим князем русов, выдадут. И негде спрятаться, Добрыня слишком знаменит, его знает любой. Одна надежда, что хромец не станет мстить. Но с какой стати? Он хитер и злопамятен, это общеизвестно.

— Попробую вернуться домой, — сказал наконец Добрыня. — Там, правда, ничего не осталось, да я и не помню, но все равно это родина.

— Я приду, — серьезно пообещал Илья.

Добрыня провел ладонью по лицу, будто стягивая дурные мысли.

— Ну и нагнал ты на меня тоску! — Он несильно ткнул Илью кулаком в грудь. — Хватит, поговорили о грустном. Едем, обсудим, что от тебя нужно. Эй, там! Коней!

— Да я понял, что делать, — буркнул Илья в спину Добрыне, шагая за ним к воротам. — Поймать херсонского воеводу. А куда его потом?..

— Слушай, если б я приказал украсть василевса, ты бы так же спросил, да? Куда его потом девать?

— Василевса не украдешь, стражи много. Его только убить можно. Пристрелить на выезде.

— Да, но тебе ни разу не любопытно, сколько это стоит!

— Так я ведь не рядиться пришел, — сказал Илья просто. — Я княжий муж. Я служу.

— Мало таких осталось, — Добрыня вздохнул. — Ох, мало.

— Меду бы, — сказал Илья. — Пора обедать. У тебя? А можно я переоденусь?

Он с наслаждением помылся, расчесал волосы и бороду, надел алую шелковую рубаху и широченные синие штаны. Украсил голову золотой налобной повязкой. Повесил на пояс самый дорогой свой меч, который ни разу даже не точил. Выпил меду. И выехал на улицу счастливым. Только один день в Киеве, но этот день — его.

Да, ему будут долго рассказывать про херсонского прото... стратига, он узнает наконец, откуда взялись новгородские ловцы — ох, не пришлось бы хлебнуть еще горя с этими молодцами! — но все потом. А сейчас Илья ехал по улице и широко улыбался. Он долго не мог привыкнуть к Киеву, полюбить стольный град. Душа Урманина лежала к Новгороду, где вече так похоже на тинг, у девчонок желтые волосы, в которых по-особому сверкают шелковые ленты, и сам воздух будто пропитан волей. Но у Киева была своя стать — год от

года он креп и все настойчивее покорял своей мощью. Новгород просто жил, буйно, раздольно, а Киев решал, как жить дальше целой Руси. Все самое важное и самое любопытное происходило здесь. И однажды Урманин понял, что его больше не тянет сбежать отсюда в лес. Что будущее за городом, именно таким, как Киев, великим и могучим.

Постройками Киев походил на Константинополь, но тот умирал, а этот словно едва народился. И если у стен греческой столицы плескалось соленое море, то здесь текла река, несущая чистую воду, текла миг за мигом, год за годом, текла как сама жизнь. Будущее за городами, что стоят на реках, думал Урманин. Он не смог бы объяснить, почему так — просто чуял.

Илья ехал по городу, встречные конники поднимали руку в знак уважения, пешие снимали шапки, он улыбался и кивал в ответ. Его тут знали все, и Илья принимал это как должное — ведь заслужил. Не по праву рождения, не по наследному богатству отличал его киевский люд. Своими усилиями достиг он славы. Взял сколько надо, ни больше, ни меньше.

Скоро всю славу отдаст новым храбрам. Пускай его забудут, какая разница. Илья сам пришел, сам и уйдет.

Сколь грустен был он утром, столь же радостен теперь. Ему наконец-то было легко, и снова хотелось дышать полной грудью. Так случалось все-

гда, когда Илья принимал большое, серьезное и окончательное решение.

Как и у воеводы Добрыни Маловича, у храбра Ильи Урманина тоже не будет нового князя.

Хватит с него князей.

* * *

Обед был силен, но прост. Добрыня, хоть издавна ходил в золоте, так и не пристрастился к сложным блюдам, только полюбил греческие вина. А Илья с младых лет простодушно считал, что праздник — это если стол прогибается от еды, и нет разницы, чего там навалено, все слопаем. Вино он уважал сладкое, желательно ставленный мед из княжего погреба.

Когда отсели от стола, гулко рыгая, сыто отдуваясь и тяжело дыша, воевода заявил:

— Кто много трудится, тот много ест!

— Ага, — согласился Илья.

Добрыня мановением руки отоспал за двери челядь, прислуживавшую трапезе, и добавил:

— Поэтому мы и не раздобрали, как некоторые бояре.

— Они едят больше, чем трудятся?

Добрыня уважительно поглядел на витязя.

— Надо же, я сам не понял, чего сказал, а ты — объяснил.

Илья довольно прищурился. Он осоловел от еды и выпитого, ему было хорошо и хотелось добавить. Поэтому витязь протянул длинную руку,

сцепал ковш с медовухой и осушил его в один глоток.

— В дружине считали, я глупый, — доверительно сообщил Илья, утираясь шелковым рукавом.

— Да? Теперь они такие, что не пролезают в двери. А ты — вот. Красавец мужчина. И кто тут глупый?

Илья отмахнулся:

— Я и вправду был не сильно умен. Но я это знал, поэтому нарочно очень много думал. И научился что-то понимать. Слишком поздно.

— Ты когда-нибудь женишься? — вдруг спросил Добрыня.

— Слишком поздно, — повторил Илья.

— По здешним меркам. А по варяжским ты завидный жених.

Илья кивнул. Сказано было справедливо. Он выглядел и чувствовал себя лет на пятьдесят — самый возраст жениться варягу, от невест отбоя не будет. *Vikingr*, доживший до таких лет, обладает неоспоримыми достоинствами по сравнению с молодежью. Он все, что хотел, доказал себе и окружающим. Выжил в бесчисленных набегах, повидал дальние края, награбил полные закрома. Утряс былье межродовые склоки, кого надо зарубил, остальных купил. В сечу больше не полезет без особой надобности. Его уважают. Скальды поют о его подвигах. Он носит алую шелковую рубаху, шитую золотом. И от него еще лет двадцать можно рожать. С таким мужем не пропадешь.

— Успеешь внуков увидеть, если повезет, —
сказал Добрыня.

— Над этим я тоже очень много думаю, — признался Илья. — И почти себя уговорил. Вот когда пройдет смута...

— Видишь кувшин? Еще одно слово про смуту, надену его тебе на голову.

Илья оглядел кувшин и заявил:

— А дай-ка сюда!

Опытный Добрыня целого кувшина Илье не доверил, нацедил ему скучо в ковш, поглядел, как тот пьет.

— Я бы тебя не послал в Херсонес, — сказал воевода. — Но больше некого. Старшая дружины нынче одно слово что дружины, тяжелее ковша не поднимет. А младшим дорога в Новгород, пускай себя покажут. И так болтают уже, мол, на их долю подвигов не осталось. Посему, как верно говорит великий князь наш и благодетель, идти тебе с толстым греком и белобрысыми сопляками. Будь с ними строг. Сам видел, какое там руководство, только и может, что церкви жечь да в землю по уши закапываться.

— Да ну, славные молодцы, — вступил за новгородцев Илья. — Сглутили, бывает. Где ты их взял-то?

— У отца Феофила одолжил. Время непростое, архиепископ новгородский сам решения принимать опасается, вот и пригнал митрополиту этих... Поджигателей. А отец Феофил мне пожаловался, что новгородцы вконец расхристаны. Я поглядел,

вроде крепкие молодцы, говорю: отдай! Он ни в какую. Я ему: да в твоей родной Греции непорядок, одолжи этот отряд, авось по-тихому справятся, они ведь ловцы, готовые разбойники. Тут уж митрополит разом сменил ловцам епитимью. Честно говоря, не верю, что у них получится, но свободного войска сейчас нет. Пока князь тмутараканский до Херсонеса доберется, многое произойти может... Готов слушать? Ну, слушай да запоминай.

Илья сел поудобнее. Добрыня начал рассказ.

* * *

...Почти день в день князю пришло два письма. Одно от константинопольского василевса. Тот справлялся о здоровье и как бы невзначай просил выслать дружины усмирить Херсонес. Греки вели затяжную войну против болгар, и самим разбираться с такой мелочью им было недосуг.

Второе письмо слал Ивашка Долгополый. Пока все думали, что славный витязь потерял рассудок на почве веры, тот служил князю соглядатаем в Греции, беспрепятственно шастая по империи босиком и в ру比ше. У греков восстание, писал Иванище, и замирить его сейчас они не в силах. Стратиг Херсона возмутил всю свою фему — не один только город, а целый округ задумал отложиться от Константинополя. Это удар гордым ромеям под дых. Какие будут указания?

Когда оба письма зачитали князю, тот даром что больной, от тоски едва не полез на стену.

— Почему сейчас?! — ныл князь.

Добрыня не сразу понял, о чем он. Да, у Киева не было нынче лишнего войска. Но можно наказать князю тмутараканскому помочь грекам. Пускай отобьет для них мятежную фему обратно. Ему и ближе. Правда, тмутараканский воюет с касогами. Ну, справится как-нибудь.

— И ведь сами просят, сами! Херсонес, такой лакомый кусок! Не-на-ви-жу!

У Добрыни отвалилась челюсть.

А ведь было бы красиво: на совершенно законных основаниях привести дружины в греки, занять прекрасно расположенный торговый город с богатыми землями окрест... И как бы забыть отдать. И подержать. И посмотреть, что будет.

— Они уже прозвали василевса Болгаробойцей — вот пускай болгар и бьет!

Добрыня, придя в себя, напомнил князю, что Болгаробойца ему вообще-то союзник по договору, да вдобавок тесть. И духовный отец, давший князю при крещении собственное имя — Василий.

— У бабки тоже был духовный отец — василевс, — процедил князь. — Эка невидалъ!

Последняя его жена, порfirородная гречанка, несколько лет назад скончалась, после чего князь к ромеям совсем охладел. С греками приходилось считаться, но временами очень хотелось их как следует ограбить.

Повздыхав немного, князь задумался — чем помочь василевсу, раз уж нельзя ему навредить. Оказалось, ничем. Именно теперь, располагая вроде бы внушительной силой, Киев не мог ее тратить на чужие нужды. По договору Русь обязана была спешить на подмогу грекам, не считаясь со своими внутренними раздорами. Что ж, оставалось только слать гонца с наказом к тмутараканскому — пускай снесется с Константинополем и договорится о совместном походе на херсонитов.

— Да, подбросил нам задачку протоспафарий Георгий Цула... — буркнул князь. — Не было пе-чали! А что за прозвище — Цула?

— Он болгарского рода.

— Греки совсем обезумели? Поставили стра-тигом фемы болгарина? У них так не бывает.

Добрыня только руками развел. Греки и прав-да не доверяли управление неромеям. Особенно это касалось окраинного Херсонеса. Еще отец нынешнего василевса отдельно наказал, чтобы там не давали местным власти ни при каких условиях. Херсониты всегда держались наособицу, говори-ли, что их город основан выходцами из Ираклии Понтийской, и греки тут — пришлые. Да и сами греки не звали херсонитов ромеями. Херсонес вы-просил себе у империи особые права, крепко их держался, короче, за таким строптивым народцем требовался глаз да глаз. Иначе жди смуты.

Но после того как четверть века назад русы осадили город, от него мало осталось. И горожане надолго запомнили, что перепуганный Констан-

тинополь на помощь не пришел. Русы поморили херсонитов голодом, потом ограбили до нитки, нагрузили ладьи так, что те трещали, и убрались восвояси, радостные и пьяные. В догон им летел стрелой корабль с горько плачущей сестрой васи-левса, просватанной за великого князя Руси. А уцелевшим херсонитам предстояло заново поднимать город из ничего.

Видно, поэтому, дабы ускорить восстановление Херсонеса и задобрить горожан, был назначен управляющим местный, из влиятельного рода болгар Цулов, давно верой и правдой служившего грекам.

— Ах, так я еще и виноват! — воскликнул князь, но совсем не рассердился, напротив, принял хохотать.

Георгий Цула оказался умелым правителем, только малость чересчур. Херсонес при нем расцвел, однако начал поглядывать в сторону итальянских вольных городов, успехи которых были прекрасно известны херсонитам. Отдаленная греческая фема, в которую входил еще город Сугдея, была как нарочно создана для самостоятельного управления. Не делясь с Константинополем доходами, она разбогатела бы сказочно. И протоспрафий Георгий Цула, похоже, не выдержал искушения.

— Ну, как всегда, — заключил князь. — Ошиблись греки, а виноваты получаемся мы, и нам же расхлебывать. Тьфу. Ладно, поможем союзникам.

Хорошо бы малой кровью обойтись. Довольно в прошлый раз набедокурили.

— Малой кровью? — Добрыня покачал головой. — Там целая фема восстала. Без набега не обойтись.

— А откуда Ивашка пишет? — вспомнил князь. — Вот пришел бы он в Херсонес...

— Что можно сделать в Херсонесе без дружины? Постучать в ворота и сказать, чтобы прекратили?!

— Не перебивай! Вот пришел бы Ивашка да зашиб этого стратига-смутьяна! Хлоп — и полдела сделано. Или Долгополый теперь не храбр? Где он?

— Иванище писал из Ксилургу, с горы Афон. Теперь он идет в Херсонес осмотреться на месте.

— Ага! Сам почуял! Храбр!

— Уже не тот, что раньше, — мягко сказал Добрыня.

Князь засопел. Намеки на общую дряхлость старшей дружины злили его. Это лишний раз напоминало, что и князь не добрый молодец, а неповоротливый седобородый дед.

— Прибить зачинщиков — половина дела, — настойчиво повторил князь. — Тебе ли не знать. Хлоп, хлоп, и все остальные разбежались. А еще лучше главного зачинщика взять живьем и подарить хозяевам. Помнится мне, Урманин всегда так поступал.

— Не в Греции ведь. И Илья тоже не столь молод, чтобы справляться самому. Да он не вернулся еще из объезда.

— Ну дай ему десяток молодцов, пускай сажают этого Георгия Цулу! — сказал князь, не слушая. — В мешок засунут и отвезут василевсу. Тот будет счастлив. А дальше можно спокойно ждать, пока тмутараканский подойдет и смердов херсонских утихомирит. Ясно тебе? И всё. Надоели греки. С русью забот хватает, а теперь еще и греки!

Тут как нарочно явился грек, отец Феофил, и принял нудно жаловаться на другого грека, архиепископа Иоакима, не способного вселить в души новгородцев страх Божий. Объяснить, при чем здесь князь с воеводой и какое им дело до внутренних церковных дрязг, митрополит не смог.

Добрыня глядел на обоих — безразмерного князя и усохшего священника — и гнал подальше мысль, до какой же степени все одряхтели. Недавно он поймал себя на том, что уже не взлетает в седло, а тяжело громоздится на коня. Заметил это днями. А когда на самом деле пропала былая легкость?.. Добрыня спокойно принимал то, что Киев его молодости потихоньку уходит. Ровесники, те, с кем начинали обустраивать Русь под рукой великого князя, совершили достаточно. Теперь их следовало проводить с благодарностью. Но участвовать в этом всеобщем угасании было тоскливо. Из прежней старшей дружины один Илья Урманин радовал статью, чем вызывал у Добрыни попеременно тихое восхищение и глухое раздражение.

Митрополит нудил, князь вяло отругивался. Отец Феофил тоже сделал более чем достаточно

для Руси и заслужил покой. Рано или поздно митрополитом надо ставить русича, думал Добрыня. Нужно как можно больше священников из местных, тогда веру перестанут звать «греческой», она накрепко въестся в Русь. Это и против волхвов поможет. Волхвов бродит полным-полно, заходят даже в Киев, никак не извести их. Они побаиваются отправлять старые поганые обряды, зато во всю знахарствуют. Придумали, как обдурить народ. Волшба их всегда была недоброй: отвести глаза, заморочить голову, наслать болезнь и недород, отравить, припугнуть, обратить врага в бегство, это они могли прекрасно, нехристи. Исцеляли редко и не слишком умело. Теперь делают вид, что исцеляют, и кому-то ведь становится легче! Каждая такая удача волхвов — подкоп под веру Христову. Воистину зло рядится в белые одежды, соблазняя тех, кто слаб. А слабых много, и просто глупых много, вон, новгородцы церкви по пьянке жгут, в Ростове опять епископ с местными разругался...

Сколько всего еще нужно устроить! Успеть бы. А как успеть?!

И у греков, будто нарочно, смута, только ее не хватало.

Дабы отвлечься от грустных дум, Добрыня встярал в спор о том, насколько близко к сердцу власть должна принимать трудности отца Феофила. Изначально обязанности были строго поделены: митрополит не мешал править, его даже не пускали на княжи съезды. Зато и со своим кли-

ром он разбирался самолично. Если были вопросы, касающиеся обеих сторон, митрополит заходил к князю в гости — поговорить.

Но нынче и отец Феофил не всегда понимал, чего ему надо. Возможно, первосвященник, согнущий грузом забот, больше всего нуждался в простом человеческом участии. Коего от больного князя было не дождаться.

Кончилось тем, что князь залез под одеяло с головой и оттуда глухо попросил всех уйти, пока в нем еще осталось немного христианского смирения.

Митрополит хмуро благословил одеяло и пожелал ему скорейшего выздоровления.

На крыльце Добрыне вдруг пришла неожиданная мысль. Он мягко приобнял митрополита за плечи:

— А скажи, владыко, как бы мне взглянуть на твоих поджигателей?

— Это не мои поджигатели! — сдержанно рявкнул отец Феофил.

— Да-да, — согласился Добрыня. — Не твои, разумеется. Это выкидыши из лона церкви Христовой.

Митрополита от такого сравнения аж перекосило.

— Но мы засунем их обратно, — пообещал Добрыня.

Сопровождавшие митрополита служки на всякий случай отошли подальше. Некоторые крести-

лись, но больше зажимали рты, чтобы не хохотать в голос.

— То есть вернем в лоно, я хотел сказать, — поправился Добрыня. — Слышал, поджигателей сорок человек, они молоды и проворны...

— Господь терпел и нам велел, — сообщил митрополит, глядя мимо. — Но успокаиваться рано!

— Ага. Так как бы мне на них взглянуть?

— Зачем тебе мои... Эти поджигатели?

— Покажешь — объясню, — твердо сказал воевода. — Между прочим, а где сейчас твой соглядчик, монах Денис?

* * *

Когда Добрыня закончил рассказ, кувшин опустел — Илья все тянулся и тянулся к нему с ковшом, приходилось хоть по чуточке, но наливать.

Касьян оказался правдивым и честным молодцем, недаром Илья сразу поверил, что к краже тот непричастен. Новгородские ловцы действительно учинили пьяную глупость и были посланы на суд к митрополиту. Здесь их перехватил Добрыня. Он не много поставил бы на ловцов в полевой сече, но для скрытного действия они годились лучше некуда. Умелые охотники на крупного зверя, обученные вдобавок бою на воде и суще, ловцы оказались в Киеве как нельзя кстати.

Замысел Добрыни был очень прост и, при условии некоторой удачи, выполним. Если не счи-таться с потерями. Мятежный стратиг не мог просто сидеть в городе. Георгий Цула должен был

постоянно обхаживать фему, воодушевляя граждан и показывая самим своим видом, что все идет как надо. Конное сопровождение Цулы в выездах навряд ли превышало два десятка воинов. Грекам там больше доверия нет, значит, конники из херсонитов. Это противник серьезнее, чем греки, но куда слабее, чем варяги. Сорок пеших ловцов, на-прыгнув из засады, уполовинят такой отряд в считанные мгновения, а дальше как повезет.

Ловцов можно было за неполный месяц довести до Херсона и там придержать якобы на перешейк. То, что паломники оказались в Греции так рано, объяснялось легко: они киевляне, вышли по весне, степь чиста, знай шагай. Даже с учетом обычной имперской подозрительности к чужакам, ловцы не должны были привлечь особого внимания. Сложнее всего в затее спрятать на берегу под Херсонесом великую ладью, ждущую отряд назад с добычей. Это тоже разрешимо: окрестности города русы знали хорошо. Конечно, ладью нетрудно обезопасить, посадив на нее купца с настоящей греческой печатью и грамотой. Но затея могла растянуться на неделю-другую, а купцы-русы в начале лета не задерживаются у Херсонеса, они спешат на константинопольский рынок.

Дальше Добрыня предполагал так: силами Дениса и Иваница разведать обычные пути стратига. Найти место для засады на достаточном удалении от города, выждать удобный миг — и напасть. Либо уничтожить Цулу, либо пленить. Пленного

грузить на отбитых коней и уходить к ладье. Отставших не ждать, пусть выбираются сами. А ладье, смотря по направлению ветра, то ли дуть напрямки в Константинополь, то ли скрыться в устье Днепра и оттуда проскочить на Переяславец.

— Ну? — спросил Добрыня.

— Сомневаюсь, — коротко ответил Илья.

— Как будто я не сомневаюсь. Но все-таки? Конница со стратигом пойдет слабая, не войско, а телохранители.

— ...А войско нас потом догонит.

— Вы нападете из засады на мечников в легкой броне, — терпеливо продолжил Добрыня. — Вокруг Херсонеса дороги узкие, идут то перелесками, то между холмов. Не чистое ведь поле, где любой конный стоит троих пеших, а то четверых. Выскочили, напрыгнули... Ага?

— Мало оружия. Что у ловцов под рясами припрятано? Кистени да топоры? Защиты никакой, луков нет, копий нет, одни посохи.

— Эти посохи — считай колья в броне, древки для рогатин. Наконечники на ладье хранятся. Кистень у каждого, есть несколько арканов, праши. А луки и длинные копья тоже на ладье. Только как вы это хозяйство в засаду скрытно доставите, не ведаю.

— Рогатина оружие хорошее. — Илья почесал в затылке. — Все зависит от места. Узкое место надо отыскать. И молиться, чтобы повезло. К слову, отбить много коней не выйдет, мы же попортили их.

Теперь в затылке принял чесать Добрыня.

— Не самая умная затея, — признался он. — Князь вбил себе в голову — достать зчинщика, и делу конец. Убедил меня. Ну, я наспех прикинул, как и чего... Вспомнил твои засады. Ты же сколько раз пленных скрадывал, чуть не в одиночку.

Илья глядел на воеводу, щурился и что-то соображал, приоткрыв рот. Потом медленно поднял руку и постучал себя костяшками пальцев по голове. Раздался гулкий пустой звук.

— Я забыл, — сказал он. — Я просто забыл. Все получится. Главное, найти место. Холмы, ущелье, а может, лучше рощу. Возьмем мы этого пространтига как миленького. Только шуму будет много. И сколько ловцов поляжет, сказать не бе-русь. Как бы не половина.

— Да кто их нынче считает, новгородцев-то? — воевода фыркнул.

Илья неприязненно скривился. Ему понравились ловцы.

— А уж этим поджигателям, — добавил воевода, — без подвига, без воинской славы назад дороги нет.

— Была дорога, — поправил Илья. — Пока ты их не соблазнил.

— Ну-ну, — сказал Добрыня строго.

— Ты же нарочно их в княжий терем зазвал да из серебра угостили. Мог обойтись разговором на подворье у митрополита — и проще, и тайну сохранить надежнее. Но ты принял ловцов как храбров, чтобы поверили в себя. А они, глупые, толь-

ко обрадовались. Еще бы — сорок пеших на двадцать конных, да прото... стратига пленить. Слава! Подвиг! И сбегать заодно в Константинополь морем. Это тебе не до Иерусалима пыль глотать пёхом.

— Именно так. — Добрыня кивнул. — Окались на их месте ты, отказался бы. Верю, ха-ха-ха!

— Ну, я никогда не собирался в Иерусалим. А они, может, хотели.

— Они не хотели, — заверил Добрыня. — Ну-жен им больно тот Иерусалим. Не-ет, они думали подраться с нами за своего хромца. А пока от чего делать перепились и сожгли церковь. Прав отец Феофил, самое время нагнать страху Божьего на Новгород.

— Кто там из варягов-то пришел? — повернул разговор Илья, не желая препираться дальше.

— Мелюзга всякая. Хромой вроде звал ярла Эймунда, а тот выжидает, набивает цену.

— Эймунд просто ленив. Он любит золото, но не хочет за него рубиться.

Добрыня хлопнул ладонью по столу, завершая беседу. Глухо звякнули тяжелые перстни.

— А мы плюем на золото! — сказал воевода. — Мы добываем его для Руси, не для себя. Потому что нам нравится рубиться! Я прав? То-то. Значит, пойди добудь для князя нашего и благодетеля голову херсонского стратига. Доставь ее васи-левсу. И да будет так!

— Голову? — переспросил Илья. — Князь вроде живьем сказал.

— А если завтра князь звезду с неба захочет?

— Не долезть. Я по молодости стрелой достать
пытался — высоко.

Добрыня закряхтел:

— Нет, я все-таки надену кому-то кувшин на
голову... Слушай меня. Не бери стратига живьем.
Сруби голову — василевсу этого хватит.

— Ловцам ты живого или мертвого наказывал
брать. Чем я хуже? Вдруг получится его пленить?

— Ты лучше, брат, — сказал Добрыня твер-
до. — Ты гораздо лучше. Твоя жизнь стоит доро-
же всех ловцов вместе, и еще сто раз столько. Но
если будешь таскать за собой по Греции пленного,
жизнь эта может окончиться раньше, чем надо.
Прошу, не делай глупостей. Голову в мешок — и
бежать.

Илья глядел в опустевший ковш так, будто там
было нарисовано что-то очень любопытное. Он
явно хотел возразить, но чуял: ответом станет ру-
гань.

— А что я страже греческой скажу — вот, по-
дарок вам привез?.. Они меня для начала в поруб
засадят и два месяца разбираться будут, знаю их.

— С греками все устроено. Гонец в Констан-
тинополь ушел третьего дня, пока доберешься,
там уже зайдутся вас. Встретят сообразно чину,
не беспокойся. Грамота будет у константинополь-
ского легатария, он сам передаст ее тебе. Грамота
не именная, в ней только указано — сорок один
муж. Сам понимаешь, это число ничего не зна-
чит. Просто я обещал ловцам, что их пустят в го-

род. Не говорить же — молодцы, радуйтесь, если вас уцелеет хотя бы десяток... Чай не дети, догадались.

— Сорок паломников со паломником... — буркнул Илья. — Нас теперь сорок четыре вместе с Денисом. Будет тесно на ладье.

— Ну, выкинь лишних в реку, — небрежно посоветовал Добрыня. — К слову, на порогах берегись. Вообще, брат, давай начинай беречься. Пора уже. Хватит бегать-прыгать, драться и все такое.

— Да я почитай целый год без драки! — заявил Илья. — Мне Подсокольник мешает, вперед лежет, я моргнуть не успею, хрясь — и уже поговорить не с кем.

— Славный парубок Микола, — похвалил воевода. — Надо будет его наградить, что ли...

В дверной косяк постучали.

— Ну? — буркнул Добрыня.

Вошел, кланяясь, гонец из княжих.

— Воеводе от ключника весть.

— Что? — Добрыня весь подобрался.

— Сыскали вора. Ждут тебя.

— Та-ак...

Добрыня взял со стола нож и попробовал лезвие.

* * *

В порубе было душно, тускло, пахло дымом и кровью. Добрыня с Ильей прошли в дальний угол, то и дело цепляя шапками высокий подволок. Когда строили терем, на таких не рассчитывали.

Вор, голый и окровавленный, висел на столбе вверх ногами.

— Посвети, — сказал воевода, садясь на корточки.

Вору сунули под нос факел. Добрыня присмотрелся, встал в рост, опять стукнулся шапкой, снял ее.

— Ничего не разберешь, — пожаловался он Илье, — синяки одни на морде. Тебе, слушаем, не памятен этот красавец?

— Впервые его вижу, — сказал Илья не глядя. — Поляк вроде.

Добрыня вопросительно покосился на старшего гридня.

— Звать Болеслав, — сказал тот. — Представлялся в Киеве витязем-рядовичем, якобы ходит вольно, службы ищет.

— Ах, да ты Болеслав! — притворно обрадовался Добрыня. — Неужто сам польский круль?

Он презрительно пнул вора сапогом.

— Не-ет... — простонал тот.

— А что так? Ты представился тиуном великого князя, пес!

Добрыня пнул вора еще раз.

— Было бы лучше для тебя называться польским крулем, — заключил воевода. — Не так му-чительно. Хм... А отрежьте-ка ему ятра для начала!

Гридни шагнули к вору. Тот заорал, жутко, протяжно.

— Только пасть сперва заткните, не то князя разбудит.

Вора обступили и деловито им занялись. Добрыня жадно наблюдал. Илья отвернулся. Он знал эту жестокую шутку. Никакие ятра вору не отрежут — пока что — но тому же не видно, а боль страшная.

Вор извивался на столбе. Его станут резать долго. Он уже сам захочет рассказать все-все-все. А его будут мучить и не зададут ни одного вопроса.

Илья прошел к столу на козлах, где были разложены вещи, изъятые у вора. Переменил лучину, склонился над столом. Чего тут только не было. Польская грамота, какие-то фибулы, греческая печать, с виду настоящая, еще грамоты... Истинных хозяев их вор наверняка убил. А вот бляха со знаком великого князя — падающим на добычу соколом — точно подделка, даже на зуб пробовать лениво. Настоящую попробуй возьми. Можно убить гонца. Но все знают на Руси и окрест: если из княжей челяди кто пропадет, розыск будет стремителен и страшен. Пока не вызнают, куда делься человек, не успокоятся. Только степь хранит тайны, остальное разрешимо.

Вора терзали. Илья потрогал Добрыню за плечо.

— Пойду я на двор подышу.

Добрыня кивнул, не оборачиваясь. Он был занят — следил, чтобы гридни лишнего не отрезали, увлекшись.

Свежим воздухом Илья наслаждался на ходу. Выйдя из поруба, он направился прямиком в тетрем. Деловой с виду, но совершенно бесшумной

походкой — князя не разбудить бы — проник в закрома, где разжился по знакомству кувшином меду. Отхлебнул и подумал, что самое время прогуляться до детинца, посмотреть, как младшие поживают.

В детинце его и нашел Добрыня. Илья сидел в окружении младших храбров и слушал дружинные песни. Вид у него был счастливый донельзя.

Дружины вскочила, роняя лавки.

Добрыня поманил Илью окровавленным пальцем.

— Умыться бы тебе, брат, — ласково посоветовал Илья.

Воевода поглядел на свою руку и буркнул:

— А дайте.

Ему бегом поднесли умыться, он оттер руки, сполоснул лицо. Отобрал у Ильи кувшин, заглянул внутрь.

— Увы, — сказал Илья кротко, — совсем ничего не осталось.

— И ему умыться дайте, — приказал воевода. — Чем холоднее, тем лучше.

Илья возражать не стал и, страдальчески морщась, побрызгал на себя из лохани.

— Ладно, — сказал Добрыня. — Пойдем-ка мы с тобой, храбр, на крылечке посидим.

Илья очень уверенно поднялся и еще более уверенно пошел. По тому, как мягко онставил ногу, было ясно: Урманин пьян. А в пьяном Урманине просыпался зверь, бесшумно крадущийся и далеко прыгающий. И в шутку напрыгивающий

на старых знакомых, когда из-за угла, а когда через забор. Ему это казалось смешно, всем остальным не очень.

Медовуха не заплела Илье руки-ноги, скорее, наоборот. На крыльце под огромным телом витязя не скрипнуло ни дощечки. Илья повел носом и хищно огляделся, высматривая себе развлечение. Оставалось надеяться, что Урманин не вздумает этой ночью залезть на Десятинную церковь и уснуть с крестом в обнимку. А то в прошлый раз, очнувшись поутру, он боялся спуститься. Закинули веревку, подняли храбру вина на опохмел... Отец Феофил пришел в такое изумление, что даже не ругался. Сказал — дитя, оно и есть дитя, чего с него возьмешь, спасибо крест не своротило.

— Ночевать у меня будешь. — Добрыня уселся и точь-в-точь как утром похлопал ладонью. Илья покорно умостился по соседству. Крыльцо все равно не заскрипело.

— Ну что сказать, брат, — воевода расчесал пятерней бороду. — Новости есть добрые, а есть и худые. Как я и полагал, на княжем дворе измены нет. Воду мутит кто-то из новгородцев. Придется тебе его найти...

— ...И выкинуть в реку. А чего? Ты же разрешил. Лишних — в воду.

— Помолчи. Этот молодец-ловец, сам того не зная, оказал нам услугу. Болеслав мог бы тут натворить дел. Он не вор, он в службе императора франков. Вместо разбойника мы поймали соглядчика.

— Хорош соглядчик — продал чарку в Киеве! — Илья покачал головой.

— Он не настолько глуп. Чарку у него стянули местные на постоялом дворе, поляк даже не успел ее хватиться. Такое может быть с кем угодно. Да, да, кроме тебя, разумеется.

— Так кого мне кидать в реку? И за что?

— За ноги! — рыкнул Добрыня. — Позволь досказать, а?!

...Болеслав был хитер, говорил на пяти языках, как на родных. Обычно выдавал себя за вольного наемника, ищущего службы. Чужие знаки без особой нужды не использовал. Грамоты и печати возил на крайний случай — гонцом сказать-ся, пройти мытищи без досмотра, отмахнуться от стражи, если что заподозрит, проникнуть в запер-тый город. Держал пару молчаливых телохраните-лей-рабов невнятной внешности. В пути иногда разбойничал, но с большой оглядкой, потому до сих пор не попался. Службой его было возить чу-жие тайны на словах. Те тайны, что не записывают.

Влип он, как водится, по мелочи. В киевской харчевне к Болеславу подошел новгородец и ска-зал — эй, утопленник, помнишь, за тобой дол-жок? Болеслав помнил. Этот молоденький куп-чик вытащил его из ледяного Волхова. Все было честь по чести: попутная ладья спасла тонущую. Болеслав окоченел чисто насмерть, отогревали его лишь для порядка, ибо положено — нельзя иначе на воде, сегодня ты, завтра тебя. Раздели, завернули в шкуру, и спрятанный на груди полу-

утопленника кисет с грамотами да знаками угодил новгородцу в руки. Тот всего лишь полюбопытствовал, кого вынул из реки, и узнал слишком много. Но не прибил спасенного, не выдал новгородской страже, лишнего слова не сказал. Только раз-другой подмигнул загадочно.

Звали купчика Михаил, ни отчества, ни прозвища его Болеслав не узнал, имя-то едва подслушал у гребцов. Впрочем, поляк был тогда совсем плох. Виру за подмогу Михаил взял с хозяина ладьи, а тяжко простывшего Болеслава назавтра же сгрузил кулем на новгородскую пристань и исчез. Отлежавшись, поляк долго пытался вызнать, кто его благодетель — чтобы найти и убить, — но это оказалось неожиданно трудно. Купцов Михаилов в Новгороде было как грязи, ладьи тонули с удручающей частотой, и не всегда сами по себе. Тому, кто кого выручил, счету не было. Спасенная ладья ушла перед самым ледоставом в варяги и там зимовала. Болеслав плюнул и забыл. При его отчаянной службе надо было жить весело, радоваться каждому дню. Сам поляк воспользовался бы чужой слабостью не думая, тихо задушить полумертвого — делов-то, все равно синий.

И вот его попросили отдать должок. Не просто так: выгодой Болеславу была дорогая, тонкой резьбы, серебряная чарка.

Поляк думал подослать своих рабов втихую зарезать новгородца, да тот гулял по Киеву не один, с целым отрядом, сильно пьяным, от того еще более задиристым. И при отряде крутился толстый

бродячий монах, про которого говорили, что ему не кажись на глаза — запомнит и продаст. Таких загадочных паломников Болеслав раньше не видел, но слухом об их прегрешении и наказании уже полнился Киев. Зная русичей, можно было поверить, что это все чистая правда — тут чем дурнее, тем вернее, недаром в любимых рыцарях местной голытьбы ходили киевский дрошило Дрошило и дикий варяжский зверь Ульф Урманин. Болеслав опять плюнул.

Он догнал паломников, оставил своих рабов за пригорком, выскочил сам к отряду и сделал, что просили. Забрал чарку, вернулся в Киев, дал обет, что третьей встречи новгородцу не пережить, выпил за это. Чарку стоило бы выбросить, да уж больно оказалась хороша. Болеслав не доверил ее рабам, припрятал в дорожную суму. Хотелось убраться из Киева, он и так задержался тут лишний день. Но выезжать было поздно, Болеслав отложил путь на завтра, а пока сел в тихом уголке трапезной, заслонился рабами от чужих взглядов и спросил побольше вина — напиться, изгнать проклятого новгородца из памяти. Под вечер на постоянный двор вломились какие-то живодеры и дали сапогом в лицо — одному рабу, другому, потом самому Болеславу. Очнулся поляк уже на пыточном столбе...

— Так что, брат, ищи Михаила, — закончил рассказ Добрыня. — Под этим именем крещено четверо ловцов. Больше ничем не могу помочь.

— Всех в реку выкину, — заявил Илья.

— Думаешь?

— А чего? Один уж точно виноват.

— Широко живешь, брат. Нельзя так Михаилами кидаться.

— А Ильями по всей Руси разбрасываться? Ходи туда, ходи сюда...

— Несчастье ты мое, — сказал воевода. — Ох, как мне все это не нравится! Совпадения дурные. У нас Новгород задумал отложитьться, у греков Херсонес. Мы послали в Херсонес отряд прибить главного смутьяна. Тут же у отряда едва не прибили его главного. Сам отряд из Новгорода. Полагаешь, это случайность?

— Нет. Это многое случайностей!

— Несчастье ты мое, — повторил Добрыня. — Вставай, поскакали спать тебя укладывать.

Они спустились с крыльца.

— На коня-то сядешь? — спросил воевода.

— Нет, — отрезал Илья. — На коня ни за что.

Только на кобылу. Эй, Бурка!

Он сунул в бороду два пальца — Добрыня рванулся перехватить руку, да опоздал: Илья свистнул. Вполсилы. Но в замкнутом пространстве двора и этого хватило. Содрогнулся даже забор.

Добрыня протер глаза: показалось, что с терема поехала крыша.

Началась суматоха. Побежала неведомо куда стража, из детинца попрыгали вооруженные дружины, заходила ходуном конюшня, и в общем шуме потонуло ответное ржание Бурки Малой.

— Не-на-вижу!!! — раздался из княжего терема истошный вопль.

Илья оглядывался, не понимая, чего все так носятся и почему ему не ведут кобылу.

Воевода поковырял в ухе пальцем и задумчиво произнес:

— Выпить, что ли, с горя?

* * *

Отец Феофил сам благословил Илью в дальний путь.

— На твоем месте, — сказал митрополит, — я бы следил за дорогой в Сугдею. Туда Цула поедет наверное. Там и возьмешь его.

— Я буду стараться, — пообещал Илья, привычно робея перед митрополитом, дыша в сторону и глядя вниз.

— Да уж... — буркнул отец Феофил. — Знаю, как ты стараешься. За что ни возьмешься, делаешь все основательно. Слышал, воевода бедный лежит и охает после вашей ночной посиделки. И чего вы столько вина пьете, храбры?

— Служба такая, — объяснил Илья.

— Ступай с Богом. Чудо лесное, поймано весною... Ступай и возвращайся, ждать тебя буду.

Они покинули Киев рано утром — хмурый похмельный Илья, грустный похмельный Микола и смирный с похмелья Касьян. Сопровождали их двое трезвых коноводов и непьющий парубок Борька Долгополый, последний из бесчисленных

отпрысков Иванища. Борьке надо было всего-то пригнать назад безопасно коней, но глядел он так, словно возглавлял нешуточный поход.

Припекало солнце, Илья скакал в одной рубахе, обливался потом, часто отхлебывал из меха и вполголоса заранее ругал Грецию, где будет еще хуже. Телесно Илья переносил жару легко, но ему давило на голову, он уверял, что от избытка тепла глупеет. Зимой Урманин был деятелен, проворен, готов служить. Летом ему хотелось меду, баб, переплыть туда-сюда Днепр, и все по новой.

Удивительно, но к полудню, когда совсем разогрело, стало веселей — испарилась, видно, с потом лишка выпитого. Илья уже не ругался, ехал молча. Думал, а не выкинуть ли и правда в реку всех четверых Михаилов да Касьяна заодно. Не взаправду, просто оставить на берегу, пускай сами разбираются. Решение Добрыни вернуть Касьяна в отряд сейчас представлялось Илье поспешным и необдуманным. Понятно, Касьяну, знавшему ловцов сызмальства, проще выяснить, кто желал его смерти. Но порядку в отряде возвращение казненного вожака не прибавит.

А как заманчиво: пятерых в воду — и на ладье остается тридцать девять человек. Уже не тесно.

Великих ладей на самом деле шло две, пока что каждая с половинным грузом, вел их опытный кормщик. На месте встречи ловцы занимали одну ладью, вторая, тоже теперь о сорока человеках, помогала отряду миновать днепровские пороги, а затем уходила прямиком в Константинополь. Владел ею смутно знакомый Илье киевлянин Глеб

рода Колыбановичей, внучатый племянник храбра Самсона. Глеб был из тех купцов, что бесстрашно ходят в одиночку морем и сушей, — а значит, такие же они купцы, как поляк Болеслав витязь-рязович. Этот, например, тесно знался с европейскими работорговцами, и кого у них выкупал, да кого им сдавал, поди разбери. Говаривали, из-под земли достать способен полезного человечка, владеющего редким на Руси ремеслом или знанием. Мог за иноземную девку взять заклад — порченая дешевле — и привезти именно ту, какую ему описал.

Таких непростых купцов раньше много было варягов, теперь все больше становилось киевских. Русь быстро перенимала опыт. Целые роды, только и умевшие, что ломать о голову бревна, вдруг прятали топоры, становились крайне набожны и отдавали детей в книжное учение. Выяснялось, что они знают умные слова и очень ловко пересчитывают гривны в номисмы. Да, к новообразованным страшновато было поворачиваться затылком — могли не совладать с руками и по старой привычке тяпнуть гирькой, но перемена все равно изумляла.

Конечно, огромную роль в переменах играл торговый договор с греками, выгодно обновленный великим князем. Константинополь всячески поощрял ввоз товара и строго ограничивал вывоз. Особенно трудно было с оружием, украшениями, шелком — редкие «царские» расцветки вообще не выставлялись на продажу. Но сколько позволялось увозить русам, мало кому было позволено.

По договору русич имел право купить шелка на пятьдесят номисм, когда сами ромеи не могли взять больше, чем на десять.

Русь торговала вовсю, товар через нее тек рекой. В Грецию везли рабов, меха, льняную пряжу и полотно, воск, икру, красную рыбу. Шкурка черной лисицы стоила в Константинополе до ста номисм. Раб до двадцати. Черных лисиц было, к сожалению, мало, зато рабов полно.

Обратно везли шелк, пурпурную краску, дорогие кожи, пергамент, золото и серебро, жемчуга. Сколько разрешено, столько грузили, не меньше. И чем дальше уходила ладья от Константинополя, тем дороже с каждым днем становился ее груз.

Это было не так просто, как кажется. Со времен конунга Хельге договоры с греками составлялись обширны и сложны. В них предусматривалось все, вплоть до того, сколько должен Константинополь, если стража упустит холопа, сбежавшего от купца-руса. Но главное, помимо льгот, договоры содержали множество ограничений. Русам не дышалось привольно в Константинополе. Последний местный попрошайка был тут свободнее, чем они. А купец-русиц отправлялся на рынок с грамотой-разрешением, и вел купца посол его княжества. Рядом непременно болтался греческий со-глядник. Торговали по твердым ценам, вывозили опечатанный товар. Жить имели право только «у Мамы» — в пригородном квартале святого Маманды. Входили в город числом не более полусотни, без оружия. Следил за этим легатарий, чиновник, верно знавший, сколько у него где бродит

чужих. К слову, вообще любой чужак, задержавшийся в империи дольше трех месяцев без особого дозволения, подлежал немедленной высылке пинком под зад.

Не торговля, а сплошное унижение.

Особенно неприятно было ходить без оружия, пусть со своей охраной, но тоже голорукой. Русы к такому просто не привыкли. Да, «у Мамы» ждала еда и постель, натопленная баня, сообщество земляков. Но даже здесь русский гость чувствовал неотступное внимание соглядников легатария. Сидел на постоялом дворе аки зверь в яме. И задерживаться попусту в стольном граде империи не стремился. Греки умели показывать чужакам, какое их место.

Они боялись русов и так защищались от них. Больше всего опасались, что в купеческий водный обоз затешется как бы невзначай «дикая», разбойная ладья, за которую не с кого будет спросить. Сколько греки ни гордились своими немногочисленными военными победами над русами, перевес был понятно в чью пользу. Щит конунга Хельге недолго провисел на воротах Константинополя, дырку от гвоздя замазали, потом сменили воротину... Но все догадывались, чья возьмет, если Киеву захочется подправить торговый договор или великому князю опять вступит в голову жениться.

Так повелось издревле. Греки заключали договор на тридцать лет. К истечению этого срока с Руси вместо купеческого обоза приходило немеряное число боевых ладей и привычно выстраи-

валось на воде напротив «Мамы». Если греки делали вид, что не поняли намека, дружина бралась за предместья Константинополя и разносила их в пыль, не щадя ни мала, ни велика. Когда греки могли, они спихивали русов в море и топили к чертям. Когда не могли — предлагали заключить договор по новой, с лучшими условиями.

При нынешнем великом князе стало проще, обходились без набегов, договаривались тихо. Константинополю больше нечём было надавить на Киев, распался союз греков с печенегами, а основная военная сила отвлеклась на болгар. Тмутараканское княжество русов, маленькое да удаленькое, совсем под боком, тоже действовало на ромеев умиротворяюще. Среди купцов, приходивших с Руси, становилось год от года все больше христиан, вели они себя вроде поприличнее. Греки вздохнули свободнее, начали задирать носы — и тут князь осадил Херсонес! Перепуганный васильев думал, что это начало конца всему. А князь лишь выразил обиду из-за несостоявшегося сватовства. По-нашему, по-русски.

Говорили, князь взбесился не просто, он знал, что вслед за его женитьбой и крещением греки уймутся навсегда. А в Киев хлынет поток священников — полезных, грамотных людей, которые со временем переменят звероватый языческий облик русского народа на более пристойный. С язычеством князь уже промахнулся. Ради единения русов он был готов мазать идолов человеческой кровью, но вот беда, не все роды одинаково чтили назначенных из Киева богов. Значит, следовало отсечь

от веры лишнее, разоблачающее, сплотив Русь вокруг одного-единственного божества. Князь с детства знал христианские обряды, к которым его приобщила бабка. Величие церквей отвечало величию его замыслов. А строгая красота греческих икон просто нравилась князю, по-человечески. Но он не стал бы великим князем Руси, если бы во всем не искал выгоды. Поэтому даже за веру устроил с василевсом торг. А когда тот уперся, князь применил старое испытанное средство — дал грекам в морду.

Все получилось как нельзя лучше.

И воцарился прочный мир.

И вот именно теперь в греческих водах собиралась объявиться «дикая ладья». Но шла она не грабить ромеев, а выручать.

Кто бы мог подумать.

* * *

Утром навстречу попался гонец, высланный ловцам вдогонку. Сказал, приказ воеводы передан в точности, отряд будет дожидаться Илью.

— Монах Денис обрадовался, — прибавил гонец от себя. — А то он смурной был. Да и все они будто вареные. Северяне, что ли? Не такая уж жара...

Илья подумал: Денис обрадуется еще сильнее, увидев вновь Касьяна. А потом сразу загрустит, узнав, что ведет за собой аж четверых подозреваемых в воровстве и подлости.

Касьяну Илья не рассказал ничего. Ни про

Болеслава, ни про загадочного новгородца. Памятуя, что младшего брата ловца тоже зовут Михаилом, витязь решил с откровениями повременить. Вернувшись в отряд, ловец непременно будет искать предателя. А Илья — посмотрит. Все развлечение.

Сам Илья решил положиться на свое чутье, а там видно будет. Ему раньше не случалось выискивать изменников, зато он прекрасно мог унюхать кислый запах страха.

То, что отряд показался гонцу «вареным», настроило Илью на благодушный лад. Похоже, новгородцев заела совесть. Недаром они с первого взгляда понравились храбру. Добрые молодцы. Ну сглупили, с кем не бывает. Мало, что ли, сам наворотил лишку за долгую свою жизнь. И еще крепко повезло тем, кому ошибки Урманина встали, допустим, в сломанную челюсть. Вот без ноги уже худо — драться неудобно.

А кто не ошибался? Князья даже, которым по крови положено быть дальновидными и мудрыми, такого маxу порой дают — знай успевай прятаться. Да чего князья, уж на что Добрыня умница, и того заносило.

Илья полуобернулся в седле, глянул на Касьяна, хмыкнул, вспоминая. Дед ловца Хакон Маленький, будучи уже весьма пожилым, увел из-под Добрыни бабу, чью-то там жену. И воевода, тогда новгородский посадник, вдруг потерял самообладание, из-за чего обломался об Хакона, как топор о камень.

Добрыня, горячий, полный сил, гордился тем,

что прижал буйный город к ногтю, и полагал, будто равных ему нет. Пока Добрыня перед той бабой красовался, думая, что сама, как разумная женщина, падет к его ногам, Хакон преспокойно ее огулял, посулив знатный отрез шелка. Все обошлось бы миром, не будь Хакон со своим волшебным женоприманивающим отрезом уже притчей во языцах. Про отрез Хакона бились в харчевнях об заклад — сколько еще дур на него позарится. Драгоценной ткани там было на два пальца, ровно высунуть из-под полы. Ну и когда варяг-собота-блазнитель честно вручил бабе шелковый огрызок, та не придумала лучшего, чем нажаловаться Добрыне. Посадник вызверился, бабу прогнал, а сам пошел и наткнулся на Хакона Злого, который вправду был маленький. Общего у двух Хаконов тоже хватало — оба из Ладоги, носили православные кресты во всю грудь, плохо говорили по-нашему, плевать хотели на любого, кто не конунг, и отличались наглым выражением морды. В эту самую варяжскую морду Добрыня и стукнул, недолго думая. Варяг кое-как поднялся, спросил, держась за скулу: «Ты ведь не конунг, верно?» Дальше вышло неудобно. Хакон Злой оказался хоть маленький, но прыгучий, и в припадке бешенства едва не отгрыз посаднику ухо. Отдирала Злого от Добрыни стража посадника, ходить без которой тому не полагалось. Хохот на весь Новгород был уже, считай, обеспечен. Но и отступать казалось некуда. Разобравшись и взаимно извинившись, Добрыня и Злой отправились вместе к Хакону Маленькому. Тот долго не мог понять, чего от не-

го хотят. Потом задумчиво оглядел покусанного Добрыню и спросил: «Ты ведь не конунг, ага?» И ласково потер огромный кулак. Добрыня зарычал. Он мог растереть варяга в пыль. Только за что?! За собственную дурость? Илья Урманин на его месте предложил бы обоим Хаконам пойти хлопнуть меду. Но Илья никогда не терялся, оказавшись в глупом положении. Напротив, громче всех хохотал. У природных варягов было свое, особое чувство смешного. Они звали Прекрасноволосым конунга, десять лет не мывшего голову. *Vikingr* мог носить прозвище Вшивая Борода, Трусоватый, Навозный Жук, а то и вовсе Дерьмо... Или вот Маленький — громила немногим меньше самого Добрыни. Посадник выругался и ушел. А завтра весь Новгород покатывался со смеху.

Позже Добрыня столкнулся с Хаконами по торговому делу — и пожалел. Это оказались купцы-разбойники, отставшие от жизни на верный век. Таких бессовестных варягов Добрыня не видел даже на их родине, они там повымерли, оставшись только в песнях скальдов. Хаконы не умели и не хотели торговаться, в них не было ни капли уважения. Называли цену — и сразу посыпали тебя очень далеко, едва ты рот откроешь вместо копыта. Стоило еще разузнать, сколько народу они зарезали за целый воз черной лисицы, торгуя который Добрыня выслушал много любопытного о своих предках.

Знал бы он, как потом смеялся и передразнивал его весельчак Хакон Маленький, подсчитывая выгоду.

Тот еще дед был у Касьяна.

Стоило держать в уме, что у прочих ловцов деды не хуже. Или не лучше, смотря с какой стороны подойти. И пускай ловцы с детства наслышаны о подвигах Ильи Урманина, этого мало, чтобы взять отряд в кулак. Молодые купцы приучены щупать товар руками и лишь тогда решать, хороши ли он.

Покидать их, что ли, в реку для начала?..

Тут раздумья Ильи прервал Борька Долгополый. Парубок нагнал витязя и позвал:

— Дядя Илья.

— Чего тебе?

— Позволь обратиться. Ты же в греки идешь, верно?

— Ну... Примерно в том направлении.

— Вдруг отца моего встретишь. Я слыхал, он где-то там бродит. Скажи ему, что все у нас здоровы и наживают добра потихоньку.

«Да он знает», — едва не ляпнул Илья.

Борька отстал. Дорога тянулась пыльной узкой тропой. Вовремя ушел Иванище, думал Илья. И ловко устроился. Шастает по своей любимой Греции, набирается духовных знаний в беседах с монахами, да еще и важным делом занят на благо Руси. В роду Долгополых место отца занял старший из сыновей, и все у них хорошо. Только Борька тоскует. Ничего, привыкнет. Добрый и забавный парубок — чернявый, смуглый, весь в Иванища. Что бы Долгополые ни говорили о своих прародителях-болгарах, а подсуетился там природный грек, болгары-то светлее.

При воспоминании о греках Илья поежился. Под Херсонесом он окажется до смешного беспомощен. Вся судьба затеи будет в руках Дениса и Иванища — успел бы тот подойти. Что там могут эти двое? Кого знают из местных? Не продадут ли их стратигу херсонские монахи? Одни вопросы. Беспокоил Денис — Илья раньше не был с ним в деле. Теребили душу четыре Михаила. А в Киеве при смерти князь. А в Новгороде хромец. А в кольчуге летом упаришься! И меду теперь не скоро выпьешь! И еще семь больших днепровских порогов надо перескочить!

Тут Илья сообразил, что всю затею придется ходить пешим, — и тихонько взывал.

Поблизости возник Подсокольник.

— Худо, дядя?

— Да не то чтобы совсем...

Микола отцепил от седла мех.

— Греки по жаре пьют вино, разбавленное водой, — сказал он. — Я решил, раз мы туда идем, надо подготовиться!

* * *

Денис ждал у дороги, залегши в кустах. Выдал его храп.

— Вот послал Господь помощничка... — недовольно буркнул Илья. — Эй, монах, дыра в штанах! Ксипна! Памэ!

— И незачем так кричать! — донеслось из кустов. — Я все прекрасно слышал...

¹ Проснись! Пойдем! (греческ.)

Денис, отряхиваясь, выбрался на дорогу. Протер глаза.

— Счастлив тебя видеть в добром здравии, храбр Илья. О-о, да с тобой Борис! Достойный сын великого отца!

— Где мои люди? — нарочно сухим голосом полюбопытствовал Илья. Он прибыл сюда руководить.

— Какая радость, что люди теперь — твои! — воскликнул Денис. — На берегу, у ладей. О-ох... Это же Кассиан!!!

Монах бросился к Касьяну и вцепился в него так, что едва не сдернул с коня.

— Я верил, я верил... — бормотал Денис. — Я молился за тебя...

— Мог бы сразу мне сказать, — буркнул Илья. — Отвел бы в сторонку да шепнул на ухо. Молодцу крепко повезло, что мы с Миколой его отыскали.

— Так Господь подал мне знак, — ввернул Касьян и перекрестился.

— Илья! — Денис молитвенно сложил руки. — Много раз я пожалел, что не призвал тебя на помощь! Но приказано было хранить поход в тайне.

— А-а... — Илья отмахнулся. — Ну-ка, все за мной.

— Постойте. Погодите. Я должен поведать вам.

— Что еще? — Илья покосился на монаха. — Вы опять кого-то зарыли?

— Мы потеряли. Кассиан, твой брат ушел.

Касьян ссгутился, вцепился в повод так, что побелели кулаки.

— Он очень страдал, все время молился, а по-

том ушел ночью. Мне кажется, — сказал монах, — брат отправился выручать тебя.

— Одним Михаилом меньше, — Илья криво усмехнулся.

— Что?

— Ничего. Касьян, стой!

Касьян уже разворачивал коня, но на его пути вдруг оказался белый жеребец Подсокольника.

— Не шали, — хмуро посоветовал Микола.

— Дорогу! — крикнул новгородец.

Микола и Илья обменялись короткими взглядами. Подсокольник принял в сторону. Касьян рванул было мимо, и тут же получил сильнейший удар в ухо.

Конь проскакал несколько шагов и остановился. Всадник лежал на земле, сжав руками виски.

Из кулака Миколы свисал тонкий кожаный ремешок.

— Учись, — сказал Микола подъехавшему Борьке и разжал кулак, показав гладкую овальную гирьку с проушиной. — Я видел, у тебя шипастая, с ней так нельзя, руку изуродуешь. Хочешь, эту подарю?

Касьян поднялся, тряся головой.

— Слышишь меня? — позвал Илья.

Новгородец повернулся другим ухом. Стоял он нетвердо, пошатываясь.

— Забудь пока о брате. Времени нет искать его. Сам придет в Киев, повинится воеводе, коли есть в чем. А там уж Добрыня решит.

— Не мог он... — простонал Касьян. — Не мог!

— Что ж ты сорвался тогда, красавец? Значит, подозревал.

— Да я всех подозреваю... Но Мишка-то брат мне!

— Отрекся от тебя братец, — напомнил Илья. — Припомни, вы всегда были вместе или он уже ходил на ладьях с товаром без тебя?

— Уже ходил той осенью.

— Ну вот и подозревай. Денис! Давай-ка в сторонку, разговор есть.

Илья спешился и быстро пересказал монаху киевские новости. При упоминании Болеслава Денис скрипнул зубами.

— Слыхал о таком. Недоглядел. Моя вина.

— Пить надо меньше.

— Ох, грехи мои тяжкие...

— Иди поднимай ловцов. Говорить с ними буду.

Купец Глеб Алексеевич, сын Колыбанович, к затею отнесся серьезно. Обе ладьи он выкатил на берег, за высокие камыши, мачты снял и все следы затер.

— С тобой, наверное, в засаде хорошо, — уважительно сказал Илья, здороваясь с Глебом за руку.

— Прятаться — хорошо, драться не очень. Вижу худо. — Глеб подслеповато сощурился. — Сейчас отплываем или до завтра обождем? Нынче еще можно.

Илья оглядел челядь Глеба, сидящую у ладей смирно. Десяток крепких вооруженных гребцов и почти три десятка рабов на продажу. Все совсем

молодые, юноши. Любопытно — купец вез их без цепей.

— Боярин Василий Петрович своих распра-
дает, — сказал Глеб, и Илья подумал, что не так
уж слеп купец. — Взял с вотчины, говорит, бабы
столько нарожали, что кормить нечем. Я хотел
сторговать их жидам в Херсонесе, теперь придется
в Константинополь идти.

— Ты их на весла, что ли, посадил? Утомятся.

— До моря пускай гребут, там отдохнут. Хуже
не будут, и так жилы одни, видать, и вправду ели
плохо, теперь уж не откормишь. Скупой хозяин
Василий свет Петрович, обдирает вотчину до нит-
ки, кусок изо рта тащит. Как проповедовал гре-
кам о русах патриарх Фотий — «этнос низкий и
бедствующий»: вот, полюбуйся на бедствующий
этнос... Тыфу. Ну, когда отплываем?

— Нынче же. Лады на воду, Глеб. А я пока со
своими людьми переговорю.

— Добрые люди, — заметил Глеб. — Только
смурные, будто на заклание идут. Натворили че-
го? Нет, мне лучше не знать... Эй! Хоп! Лады на
воду потихоньку!

Подсокольник уже разгрузил коней. Илья, не
замечая толпящихся в отдалении ловцов, подо-
шел к Бурке Малой, обнял за шею, принял шеп-
тать на ухо. Кобыла слушала внимательно, словно
все понимала.

— Держи. — Илья бросил повод коноводу. —
Смирная будет. Борис! Ну, прощай. Благодарю.
Просьбу твою помню, если смогу, выполню.

Борька Долгополый, распираемый сознанием

важности порученного дела, излишне громко прикрикнул на коноводов и ускакал. Подсокольник проводил тоскливым взглядом своего жеребца. Зачем-то помахал рукой.

— Ну вот, дядя, были мы конные, стали пешие, — сказал Микола. — Чую, добром это не кончится.

Илья неопределенно хмыкнул и повернулся к ловцам.

Новгородцы стояли плотной толпой, перед ними вышагивал туда-сюда, еще слегка покачиваясь, Касьян. И что-то, шипя, выговаривал отряду. Денис, опираясь на посох, держался поодаль, всем своим видом показывая: меня это больше не касается, я до Греции вовсе никто, а там проводник.

Лица у новгородцев были несмело-радостные.

— Становись, — приказал Илья негромко, но его улыбали.

Ловцы послушно растянулись чуть вогнутым строем, Касьян, подумав, стал с краю, Денис еще на пару шагов отодвинулся.

— Кто меня не знает? — спросил Илья, подходя ближе. — Вижу, знают все. Кто Миколу Подсокольника не знает? Нет таких. Слушайте, молодцы.

Он упер руки в бока, опустил плечи, широко расставил ноги, качнулся с носка на пятку, раздувая, подбирая слова.

— Значит, такое дело, молодцы. С благословения митрополита нашего воевода передал вас мне под начало. Пока не окончим затею, слушать меня, и только меня. Если со мной что случится, то-

гда старший — Микола Подсокольник. Следующий по старшинству в затее Иван Долгополый, коего встретим у стен Херсонеса. Затем Касьян Михайлович. Ясно? Касьян управляет вами на ладье, говорит, кому грести, кому парус ставить, кому отдыхать и прочее. На суще у него власти нет, пока целы другие старшие и не кончена затея. Что еще...

Илья приблизился к строю, вгляделся исподлобья в лица. Сорок настороженных взглядов, сорок вверенных ему судьбой душ. Эх, молодцы, и угораздило же вас... Нюх ничего не говорил храбру. Ловцы все, как один, были растеряны, все боялись наказания, одни больше, другие меньше.

— Кто предал Касьяна, дознаваться не буду, — сказал Илья. — Скоро предатель сам укажет на себя. И я выкину его в реку. Со свернутой шеей.

Ловцы начали едва заметно переглядываться, коситься друг на друга. Искали, кто сильнее затрепещет. Илья по-прежнему ничего особого не чуял.

— Так, — сказал он, подражая Добрыне. — Я все забыл, что хотел? Ну конечно, важное. Надо, молодцы, вас испытать.

Илья попятился, оглянулся на Глеба, который, щурясь, подсматривал издали.

— Глеб! Пускай твои заткнут уши! И ты тоже.

Купец, решив, видно, что сейчас прозвучит страшная тайна, усмехнулся, но крикнул своим и сам выполнил приказание.

— Нам предстоит засада пешими на конных, —

сказал Илья ловцам. — И она удастся, если вы не навалите в штаны. Вот сейчас и увидим...

Он облизнул губы, набрал полную грудь воздуха, сунул два пальца в рот. Увидел, как поспешно затыкает уши Денис — опытный. И дунул во всю мочь.

Будто два огромных ножа резанули лезвием по лезвию и ударились, высекая искры, и еще, и еще — а перепуганное эхо разнесло оглушительный скрежет над Днепром.

Бултых! Кто-то упал в воду. И мертвая тишина.

Ловцы устояли. Как один, чуть присев, выставив посохи вперед, они таращились на Урманина круглыми глазами, но не удрали никто.

На берегу суетились, бегали, и ругался Глеб.

— Ты стал делать это громче, — заметил Денис и с чмоканьем выдернул пальцы из ушей.

— Учусь, — объяснил Илья. — Ну, молодцы, я доволен. Все у нас получится, коли пошлет Господь немного удачи.

— Мы будем молиться, — пообещал Касьян.

Подошел Глеб, моргающий вдвое чаще прежнего.

— Предупреждать надо, — буркнул он. — Мои с перепугу воды черпали, едва не опрокинули ладью. Один холоп даже утонуть пытался.

— Да я вроде и предупредил...

— Ага. — Глеб невесело кивнул. — То-то дед Самсон говорил, что ты волота голыми руками взял. Я думал, враки.

— Враки, — подтвердил Илья. — Я волота бревном побил.

Глеб подумал и изрек:

— Не вижу разницы.

* * *

С сухого пути Херсонес защищала высокая толстая стена. Такие же стены отделяли его от двух небольших заливов, лежащих на восход и закат. Князь в свое время бился о Херсонес как рыба об лед. Излюбленный прием русов — запалить город огненными стрелами и посмотреть, как это понравится жителям, — против глинобитных домов не действовал. Раздолбать стены было нечем, осаду город держал стойко. Помог, как обычно, изменник: некий херсонит пустил стрелу с запиской в русский стан. Советовал перебить трубы, по которым город получал воду из подземных ключей. Оказывается, русы на этих трубах, неглубоко закопанных, стояли.

Херсонит думал, наверное, что русы заберут город себе и избавят его от греков, которые всем тут надоели.

Ошибался.

Маленький человек всегда ошибается, ввязываясь в дела князей, думал Илья, глядя в сторону города. Пока маленький человек держит язык за зубами, а руки на поясе, он ничего не сможет испортить. Как только он принимается болтать языком и махать руками — тут-то все и рушится. Ма-

ленький человек, может, по-своему не глупее князя. Но он живет сегодняшним днем, а князь — послезавтрашним...

Илья потянулся, на плечах затрещала ветхая ряса, одолженная у Долгополого. Урманину дали рясу на дворе митрополита, но та треснула пополам, едва он попытался ее надеть. Эта тоже оказалась впритык. Напяленная поверх рубахи и штанов, она еще и заставляла потеть, лишний раз напоминая, что драться тут в кольчуге Илья просто не сможет. Недаром варяги, служившие василевсу, частенько бились без доспехов, с одними щитами да наручами, лишь бы не перегреться. А то бегаешь-прыгаешь, топором машешь, вдруг хлоп — и глаза на лоб.

— Эх, Иванище! — сказал Илья. — Здоровья в тебе на двоих меня, а вот удаль былая куда-то дилась. Пошел бы сам да пришиб стратига. Тебе же это раз плюнуть. Ан нет, приходится Урманину, пожилому да израненному, мотаться туда-сюда.

— Я вверил себя Господу, — степенно пробасил Долгополый. — Мне нынче драться не положено.

— Да я пошутил, брат.

— Да я догадался.

Они сидели на заросшем пригорке. Занимался жгучий греческий рассвет. Внизу в роще дремали, ожидая приказа, ловцы.

...Им не пришлось выслеживать добычу, опасаясь стражи и горожан, неделями прятаться в монастыре, сновать вокруг города, отыскивая место

для засады. Добыча сама шла в руки. Они еще едва успели.

Когда запыленный отряд, волоча ноги и всячески изображая утомление от пути дальнего, появился в виду Херсонеса, первым же встречным оказался паломник. У него была черная с проседью кудрявая бородища, а ростом и шириной он поспорил бы с Урманином.

В прежние времена Ивашка Долгополый считался единственным из старшей киевской дружины, кто мог на равных бороться с Добрыней и Ильей. Илья оказался сильнее, а Добрыня ловчее, но уважения Иванишу это только прибавило — он хотя бы попытался.

— А вот и ты, — сказал Илья вместо приветствия, делая вид, что нисколько не удивлен.

— Действительно — он, — подтвердил Денис, волнуясь. — Плохо дело?

— Вознесем хвалу Господу! — воскликнул Иванище. — Ниспоспал он нам редкую удачу. На колени, братья!

Ловцы и Денис покорно бухнулись в пыль. Илья, кутаясь в обрывки рясы, огляделся.

— С дороги-то отползите, православные, — сказал он. — Не ровен час проедет кто, всякое может подумать.

— И то верно, — согласился Иванище. — Это я поспешил. Но такая удача, брат Илюша, такая удача!.. Дай-ка я тебя поцелую, сколько лет не виделись!

Он сжал Илью до хруста, осмотрел со всех сторон и нашел, что храбр ничуть не переменился.

— Ты прибыл вовремя, брат. Задержитесь вы самую малость, и затею пришлось бы надолго отложить. Завтра утром стратиг выезжает в Сугдею. Когда вернется, неизвестно. Дорога — вон там. До удобного места два шага. Где ладья?

— Мы подошли как можно ближе. — Илья ткнул пальцем. — Я оставил пятерых сторожить, тут тридцать пять воинов. Что за удобное место? И сколько конных у Цулы?

Место, выбранное Иванищем, оказалось роющей в прогалине между холмов. На холмах даже коз не пасли — население полуострова тянулось к морю. По меркам бескрайней Руси до города было рукой подать, какая засада, но по здешней тесноте можно и отважиться. Тут куда ни плюнь, в чей-то глаз попадешь. Иванище уверял: дальше от Херсонеса места более открытые, а буде случится погоня, малое преимущество в расстоянии не спасет, только утомит.

Конная охрана стратига насчитывала, как и ожидали, два десятка мечников. Легкие длинные копья, легкие доспехи, кони без брони.

— Если всех тихонько передавите, вам потом и спешить нечего, — сказал Иванище.

— Тихонько не выйдет, будем давить громко.

— Ну... Так и так местные подумают на греков. Поскачут вдогон на восход. А вы в другую сторону — и поминай как звали. Но коли хоть одного конного упустите, тогда держитесь. Уж больно

морды русские у твоих молодцов. Сразу ясно, откуда пришли. Вся херсонская рать на закатный берег кинется искать ладью русов.

Можем и упустить, подумал Илья, еще как можем, но вслух своих опасений не выразил. Чем ближе подходило к засаде, тем больше он злился. Про себя витязь уже не раз помянул добрым словом воеводу, греков, новгородцев, херсонского стратига, ни в чем не повинного Иваниша и даже самого великого князя. Илья знал твердо, что Цулу он возьмет и утащит, пробьется к ладье, выйдет в море. Но сколько ловцов останется за его спиной, поляжет на херсонской земле?

— Морды русские, это да, — согласился Илья. — Не поверишь, церковь сожгли по пьянке.

— Матерь Божья, — сказал Иванище, — тогда они все могут. Тогда я спокоен за тебя. Где ты нашел таких уродов?

— У митрополита одолжил! — гордо сообщил Илья.

Сейчас ловцы залегли вдоль дороги, по обе стороны. Микола, очень недовольный возложенной на него скучной обязанностью, сторожил ладью. Денису Илья строго-настрого приказал укрыться в монастыре и носу не казать наружу, пока шум не утихнет. Монах ахал и охал, сокрушался, что не принес никакой пользы, но был, похоже, втайне рад. Долгополого Илья тоже хотел услать, однако не на того напал. «Я буду рядом, — сказал бывший храбр. — Сяду на холме, посмотрю. И хватит ругаться, ты мне не указ. Может, я хочу напи-

сать князю большое письмо о новом подвиге Урманина. Не выдумывать же! Это только летописцы корябают при свечке, что им начальники укажут. А я передаю истинную правду, своими глазами виденную при ясном свете дня».

Взяли с ладьи два десятка луков, длинные копья оставили, все равно с ними было не развернуться в узком месте. Приготовили топоры и кистени. Насадили лезвия рогатин на посохи, закрепили втулки железными шипами. Перехваты «рога» ладить к древкам не стали, перехваты от медведя, а человек в тесной сшибке за них уцепиться может.

Илья примерил рогатину к руке и решил, что двое-трое мечников за раз ему не страшны.

Оставалось ссадить мечников с коней на землю...

— Едут, — просто сказал Иванище. — С Богом, брат.

Вдалеке засверкали начищенные доспехи и поднялась пыль.

— С Богом, — ответил Илья. Попытался одним движением скинуть рясу и с треском разорвал ее надвое.

— Я знал, — хмыкнул Иванище. — Ладно, теперь иди и так же порви этих. Да пребудет с тобой благословение Господне!

Илья перекрестился, кивнул и побежал по холму вниз, приседая, широко раскинув руки, чтобы вдруг не вспахать землю носом.

Он бесшумно прошмыгнулся между деревьев,

толкнул Касьяна, высунулся к дороге, махнул рукой своим по ту сторону. Принял рогатину, встал на выбранное место. Засада сильно растянулась, это беспокоило Илью, но иначе было нельзя — как еще запереть конницу в роще? Перекрыть оба выхода по дороге, вынудить к отступлению вбок, между деревьев, где ловцы заведомо сильнее. Эх, сюда бы русскую чащу вместо этой жидкой за-росли.

Эх, сюда бы проверенных сечью дружиинников вместо ловцов, которых Илья не знает в деле.

Эх, меду бы!

Послышался топот копыт.

Конница шла рысцой, ни быстро, ни медленно, втягивалась в рощу, вот уже промелькнули головные, идут бок о бок, в два ряда, как и предполагал Илья... Где Цула? Есть! Ишь, красавец раззолоченный. Ну!

Урманин дунул.

В этот свист Илья вложил не всю силу — всю душу. Останься жив Соловый, признал бы нынче храбра за своего. Яростный скрежет разорвал небо, стряхнул пыль с листвы. А потом Илья дико и тоскливо взывал. Само получилось.

И вторя ему, с бешеным ревом выметнулись на дорогу ловцы.

Илья выскочил из-за дерева и тут же шагнул обратно — мимо проломился, едва не затоптав его, обезумевший конь. На дороге всадников больше не было, одни пешие. Некоторые лежали, кто со стрелой в горле, кто просто расшибленный. Ку-

выркались в пыли кони, судорожно бьющие копытами. Повсюду валялись длинные копья, брошенные стражей. И со всех сторон орудовали рогатинами ловцы.

Херсониты споро отмахивались мечами, однако тяжелые, окованные железом двуручные копья новгородцев были явно сильнее. Броня мечников неплохо защищала от пробоя рогатиной, но не могла сдержать мощь удара. Тут и там мечники валились наземь и уже не успевали подняться. Несколько самых опытных сгрудились посреди дороги, заслоняя стратига. Георгий Цула сидел, обхватив руками кудлатую голову. Похоже, ему разрубили шлем метко брошенным топором.

Ловцы теснили херсонитов, окружая. Ловцов набежало много, очень много. Илье просто некуда было сунуть рогатину. Он быстро огляделся и заметил, что по двое-трое новгородцев стоят на выходах из рощи. Кто-то уже бегал, собирая уцелевших коней.

Из-за спин наступающих в мечников полетели топоры, и это решило дело. Ошеломленного стратига подняли на ноги, связали, заткнули ему рот собственным рукавом. Между делом оборвали все золотые украшения.

— Лежачих проверить! Каждому глотку перерезать, живому и мертвому! — распоряжался Касьян, запыхавшийся и окровавленный. — Не жалей их, братцы! Ни один уползти не должен, а то нам худо будет!

Илья озирался в легкой растерянности. Надо же, опять ему не дали подраться.

— Держи! — закричали в том конце рощи, что смотрел на город.

Илья не видел, что творится, но угадал направление. Бросился под деревья и побежал к подножию холма. Выскочил на открытое место. Далеко впереди наискось по склону рысил конь. А за ним во все лопатки несся херсонит без меча и шлема.

— Лучники! — рявкнул Илья.

Поздно. Не достать. Уйдет хитрец, даже если не поймает коня. Сейчас исчезнет за гребнем холма и...

Перед улепетывающим херсонитом вдруг поднялся некто громадный, в длинном паломническом одеянии. Будто из-под земли вырос. Одной рукой перехватил коня под уздцы. А другой коротко взмахнул.

Беглец ткнулся носом, кувыркнулся через голову и замер.

Илья шумно выдохнул. И поспешил обратно к дороге.

— Коней уцелело десять, — доложил Касьян. Провел рукой по лбу, утирая пот, размазал кровь. — У нас все.

— Все?!

— Раненых много, я не считал еще, но совсем тяжких нет, больше руки посечены. Идти смогут.

Илья понял, что стоит с широко открытым ртом. Усилием воли подобрал челюсть.

— Сажай раненых на коней по двое, — сказал

он наконец. — Прочих сейчас же отправляй к ладье бегом. Как-нибудь выберемся.

Подошел радостный Иванище, ведя в поводу упирающегося жеребца.

— Держи зверя! Крепкий, в самый раз по тебе.

— Славно ты ворога на бегу свалил.

— Воистину Господь свет мой и спасение мое!

Думал, разучился ножики кидать, а вознес молитву — и оказалось, могу еще, могу! Хлоп — и в глаз по самую рукоятку!.. Давайте, братцы, убегайте быстренько. И я побегу. Делать мне тут более нечего. Много наших полегло?

— Ни единого, — Илья помотал головой, сам не веря.

Иванище расплылся в улыбке.

— Твоя заслуга, брат. Мне сверху было видно. Ты своим посвистом всех всадников наземь сдул. Да еще не каждый встал, кони их потоптали, обезумев со страху. Чудо ты сотворил с Божьей помощью!

Илья забрался в седло.

— А хотя бы и так, — бросил он небрежно. — Теперь надо отсюда уйти целыми. Вот это будет чудо. Удастся — всю Десятинную свечками утыкаю. Касьян! Ну чего ты возишься?

Илья принял Цулу, уложил его перед собой поперек носом вниз. Осмотрел свое воинство. Сильно раненные, наспех перевязанные, сидели по двое на конях. Прочие, с Касьяном во главе, собрали оружие и были готовы к пешему отступлению.

— Как доберемся до ладьи, отправлю двоих с

конями тебе навстречу, — пообещал Илья Касьяну. — Ходу, молодцы! Ну, Иванище, благодарю за все и прощай.

— Ступай с Богом, брат, — сказал Долгополый. — Передай Борьке... Если буду жив, когда-нибудь я вернусь.

И исчез за деревьями.

* * *

Кони, отягощенные двойным грузом, скакали трудно, но все-таки быстрее, чем бежали пешие ловцы. Вскоре отряд Касьяна отстал и затерялся среди холмов. Илья оглядывался, высматривая погоню, но ее не было. Кажется, сбылось предсказание Иванища — херсониты подумали на греков и, вместо того чтобы внимательно обыскать место боя, пойти по следам, неслись сейчас во весь опор на восход.

Микола, завидев Илью, тут же приказал «весла на воду» и был озадачен, когда Илья потребовал у него коноводов.

— Я никого тут не оставлю, — твердо сказал Илья. — Ловцы бились как настоящие храбры и все уцелели. А Добрыня обещал, что их пустят в Константинополь. Они заслужили.

— Добрыня обещал, что отставших не будут ждать, — напомнил Микола, глядя вслед удаляющимся коням.

— Они заслужили, — повторил Илья.

— А если местные найдут ладью раньше?

— Поглядим, — туманно ответил Илья.

Жалобно постанывающего херсонита бросили на дно ладьи и запинали под мешки с хлебом. Русы могли бы уважить его воинскую доблесть, но Цула таковой не проявил. А на высокий греческий сан пленника русы плевали. Вдобавок пртоспафарий и стратиг утратил свои чины, когда смутил вверенный ему округ. Нынешняя должность Цулы была — подарок василевсу. Ну и пусть себе лежит, не вякает.

Илья жадно напился воды, поднялся выше по берегу, прогнал в ладью дозорного, остался сам высматривать, кто появится раньше — наши или погоня. Ждал, беспокойно поигрывая семихвосткой. Верная плетка не побывала нынче в драке — но зато как я свистнул, оглушительно ведь свистнул, два десятка конных спешил, не станет же вратить Иванище, думал храбр. Способен еще на подвиги Илья Урманин! Биться не дают, так я вас всех засвищу! А Иванище тоже силен: вверил себя Господу, но когда пришлось нож бросить, не сплюховал! Не-ет, братцы, муж из киевской дружины — это навсегда...

Илья повел носом. Показалось, в кустах не-подалеку кто-то прячется. Сидит, подглядывает. Храбр прислушался.

— Денис! А ну вылезай! Ах, ты... Старый пень! Я тебе чего сказал — в монастырь ступай!

— Не могу! — отзвались из кустов.

— Ранен, что ли?

— Почему?!

Подбежал Микола.

— Хорошо ладью охраняешь! — прошипел Илья.

— Это же Денис, — объяснил Микола.

— Я догадался, что не василевс Василий Второй!

Показались тяжко скачущие всадники, Илья пригляделся и чуть не подпрыгнул — наши! Но отчего так мало?

— Где остальные?

— Кони заморились, встали на полдороге. Ко-
му места не хватило, позади бегут с Касьяном. Не-
далеко. Погони не видать.

Уцелевшие кони были совсем плохи, Илья ре-
шил, что нет смысла отправлять их в третью ходку.

— Вот теперь весла на воду, — сказал он Ми-
коле. — Как только — сразу отплываем.

Ловцы, полуживые, но довольные, сидели в ладье. Все раны были промыты и перевязаны чистой тканью. На опытный взгляд Ильи, мертвцов тут не предвиделось. Разве Георгий Цула помрет от расстройства.

Храбр попробовал взобраться на коня, чтобы видеть дальше. Выбрал зверя покрепче, но конь под всадником сразу лег. Увы, отставших могли теперь спасти только собственные ноги.

— Денис!

— Я!

— Если ты с нами, прыгай в ладью!

— Рано! — крикнули из кустов.

— Ничего не понимаю, — признался Илья.

— А вдруг погоня за вами?

— Тыфу!

Илья снова ходил по берегу, мучаясь ожиданием. А еще не укладывалось в голове, что отряд справился без потерь. Да, Илья свистнул, ошеломительно свистнул, попробуйте сами. Но до чего ловко и проворно дрались новгородцы! Первый их большой нешутийный бой — и такая удача. Ай да Новгород! В Киеве тоже довольно молодых дружинников, которые не сплоховали бы тут. Получается, есть на кого оставить родную землю? Мож-но будет со спокойной душой улечься в общитую деревом яму, когда придет срок? Ах, только бы не передрались между собой новые храбры — не порвали бы Русь в клочки, как говорит Добрыня.

Не для того конунг Хельге эту землю собирал, не для того великий князь обратил ее взор ко Христу. Не для того храбр Илья Урманин отправился в греки скрадывать каких-то протостратигов.

Запомните, молодые, не для того!..

Набежали еще ловцы, рухнули без сил на берегу, пришлось их в ладью затащивать. Илья подсчитал: отстали двое.

Пропал Касьян и с ним будто нарочно один из новгородских Михаилов, Онфимов сын. Только не это, подумал Илья, только не сейчас — пронеси, Господи!

Он представил, как двое ловцов катаются по земле, вцепившись друг другу в горло, и застонал от бессильной злобы.

— Время, дядя, — напомнил Микола. — Как раз ветерок поднялся.

— Ждать! — рыкнул Илья. — Погоди... Да вот они!

К ладье бежали, спотыкаясь, отставшие. Михаил почти волок Касьяна на себе — тот, видно, подвернул ногу.

Илья дал знак Миколе и полез в ладью. Гребцы начали потихоньку отпихиваться веслами. Двое забрели в воду — и всё, иссякли силы. Но тут появился Дионисий, схватил Касьяна, как младенца, на руки, легко донес до ладьи и подбросил вверх. Илья поймал Михаила за шиворот, дернул, помог забраться. Дионисия тоже ухватили и затащили.

Ладья уходила от берега.

* * *

Касьян, тяжело дыша, лежал на спине и улыбался.

— Решай, куда править, — сказал Илья. — Здесь ты главный. Ветерок слабый на закат дует. Может, туда и пойдем? Ближе к устью Днепра надежнее. А там вдоль закатного берега тишком до самого Константинополя.

— Да, — выдохнул Касьян. — Так. Эй, ставьте парус! Править по ветру!.. А ты много бывал в Константинополе... дядя Илья?

— Дважды. Я тебе все любопытное там покажу.

Парус надулся, ветер толкнул ладью, гребцы, ощущив подмогу, веселее налегли на весла. Потом можно будет отдохнуть, но пока надо грести. Ухо-

дить от Херсонеса быстрее. Пока не исчерпан запас удачи.

Илья оглядел ловцов, их изодранные окровавленные рясы, и усмехнулся.

— Поистрепались дорогой мои паломнички... Как и положено, в рушище доберетесь до святых мест! Верно, Денис? Живы будем — всем святыням поклонимся. Хоть митрополит и сменил кое-кому епитимью, нельзя православному упускать такой случай. Эй, ловцы! А то двинем из Константинополя в Иерусалим? Когда еще возможность представится.

— В самый Иерусалим?

— В самый-самый.

— Я в такую даль не ходок, — заявил Микола. — Вы раньше будущего лета не обернетесь, а у меня жена.

— Чего жена?

— Вроде родит к осени, вот чего. Не серчай, дядя.

— И я не пойду в Иерусалим, — сказал Денис. — Прости, друг Илья. Когда все закончим, мне надо вернуться к митрополиту и рассказать. Потому я не мог прятаться в монастыре. Еще раз прости.

— Понимаю. Значит, будет нас ровно сорок паломников со паломником, — высчитал Илья. — Скольким назначил отец Феофил идти в Иерусалим, столько опять и есть... Похоже, судьба.

Он пробрался на корму, ладонь приставил ко

лбу, вгляделся, напрягая глаза до боли. Позади было чисто. Неужто ушли. Неужто.

— Ушли? — это пролез мимо гребцов Касьян.

— Не спеши радоваться. Скоро будет ясно.

— Ты не шутил про Иерусалим?

Илья посмотрел на ловца в упор.

— Братик мой уже в Киеве верно. Не пропадет, до дому вернется. А мне теперь в Святую землю очень надо, — сказал Касьян твердо. — Мне и Мишке. Грехи тяжкие на нас обоих. Помолиться бы Гробу Господню, вдруг знак будет, как жить дальше.

— Что за Мишка? Трое их тут.

— Гляди, Миша сын Онфимов, темноглазый, под мачтой сидит. Который меня на плече тащил. Мы в засаде бок о бок стояли. Ну, он и говорит — не ровен час убьют нынче, дай повинюсь, чтобы грех в могилу не тащить. И повинился. Это Мишка мой предатель.

Илья обернулся к мачте. Темноглазый Михаил сидел и улыбался. Да тут все лыбились, но у этого лица было вовсе просветленное.

— Не ты ему теперь судья, — сказал Илья мягко. — Он такого натворил... Михаила твоего Добрыня судить будет.

— Просить за него стану. Виру соберу. Друг он мне с малолетства. Я сам Мишку на преступление толкнул. Он второй год замышлял, как бы меня извести.

— Хорош друг! — Илья покачал головой. —

Давай я его в воду кину — вот и будет Михаилу полное отпущение грехов.

— Не шути так, дядя Илья, выслушай.

...Была у Касьяна слабость. В молодце рано проявилась чертовщина, пришедшая небось от деда, любвеобильного Хакона Маленького. Очень нравился Касьян бабам, и сам не мог перед ними устоять. Нарочно не спешил жениться, справедливо полагая, что будет по молодости беспрестанно гулять от супруги и тем сделает ее несчастной.

— И ты, красавец, лучшему другу невесту испортил, — догадался Илья. — Хочешь, могу вас обоих в воду покидать. Не дали храбру подраться, руки зудят.

— Ну дядя Илья! Я не нарочно. Сам на ней жениться думал.

— А после вдруг передумал, верно?

...Случайно тайное стало явным. Михаил с Касьяном подрались крепко, насили у их растащили. Посоветовали друг другу ходить опасно, следить за спиной. Но тут Касьяна едва не прибил отец порченой девки, а после и собственный родитель, заплативший большущую виру за сыновние проказы. Хотели силой женить — и тут на выручку пришел Михаил. «Ладно, — сказал, — бес похотливый, я тебя прощаю, и ее прощаю. Девство порушенное того не стоит, чтобы купцы перегрызлись. Да и люба мне она. Но знай, еще к ней сунешься, пришибу обоих». И женился на порченой ко всеобщему удовольствию. И жил с ней в согласии. Но видать, девство порушенное стоило

для Михаила больше, чем он предполагал, и вскоре его загрызла черная ревность. Лучшего пути облегчить душу, чем расправа над обидчиком, Михаил не придумал. И начал потихоньку, упиваясь будущей местью, выискивать способы. Все, что ни случалось с молодым купцом, он теперь рассматривал с одной стороны — можно ли это применить Касьяну во вред.

Серебряную чарку он украл, чтобы тайком подложить вожаку, а после как бы случайно найти. Представил себе это и разочаровался: выходило неубедительно. И тут будто нарочно Михаилу попался на глаза его должник, разбойный человек. Теперь дело было верное, Михаил возликовал. Ему мало казалось извести Касьяна, надо было уничтожить, втоптать в грязь, в землю живьем зарыть.

И зарыл.

А после жестоко раскаялся. Вышло, что Михаил ударил не по Касьяну, а по всем ловцам, и особенно больно сделал невинному своему тезке, обожавшему старшего брата. Касьяна-то закопали, а черная тень навечно упала на сорок душ. Пускай непутевые, поджигатели и выпивохи, не самые лучшие христиане, ловцы были Михаилу как кровные родичи. И они страдали. В засаде, перед лицом возможной гибели, Михаил не выдержал.

— Весело живете, ловцы, — заключил Илья.

Он снова из-под ладони глядывался в даль моря. Ни одного суденышка. Очень хотелось воскликнуть — ликуйте, молодцы, нас не догонят! —

но Илья боялся спугнуть удачу. Следует торопиться, грести, подгонять ладью, пока слаб ветер.

— Гребцам — перемена! — приказал Касьян. — Уходим, братцы, уходим, поднажми еще! К вечеру задует, я чую, вот вам крест, тогда сложим весла!.. Ну так чего посоветуешь, дядя Илья?

— Чего посоветую? Эй, кто там у мачты! Достаньте протостратига, свободнее перевяжите, не то у него руки-ноги отвалятся. Водицы ему дайте, что ли... А будет золота сулить — еще и в морду дайте. Пусть знает, мы не разбойники, мы дружина русская!

Георгий Цула, повалявшись на дне ладьи, набрался самообладания и теперь глядел высокоомерно. Хотел казаться важным греческим чином, за которого дадут хороший выкуп. Освобожденный от рукава в зубах, тут же что-то залопотал.

Дионисий обернулся на голос Цулы, посмотрел на стратига внимательно, прислушался. Выпятил бороду, поманил к себе Подсокольника, и они оба полезли мимо гребцов к мачте, где разглагольствовал херсонит.

Илья опустил тяжелую руку Касьяну на плечо.

— Вот чего я посоветую. На друге твоем целых три вины. Укрывательство заведомого преступника законов, воровство из княжего терема и оговор невинного. Как доверенный витязь в службе великого князя, я обязан Михаила казнить смертью, коли он сознался. Но тот поддельный тиун не простой вор, а соглядчик от франков...

Касьян заметно сник.

— …Посему следует доставить Михаила воеводе киевскому для окончательного разбирательства и суда.

— Но все же раскрылось, правда? — спросил Касьян слабым голосом. — Мишка не изменник Руси, он просто отомстить мне хотел.

У мачты вдруг завозились, тонко взвизгнул Цула.

— Эй! — прикрикнул Илья.

— Разговариваем, — объяснил Подсокольник.

— А-а…

Витязь снова обернулся к Касьяну.

— Да, все раскрылось. Думаю, вызнавать дальше нечего. Соглядчик тот сам по себе, Михаил за него не в ответе. И теперь, как простой христианин, — продолжил Илья, — я скажу. У воеводы нынче забот хватает без Михаила. А сколько забот прибавится завтра? Сам догадайся. И как судьба ни обернись, худа не будет, если вы с другом сходите в Иерусалим. Вам пригодится. А к будущему лету многое на Руси станет по-новому. Так что с Богом, ловцы-молодцы.

Касьян схватил руку Ильи, припал к ней губами.

— Да ну, — буркнул Илья смущенно. — Это не стоит благодарности.

— С нами пойдешь? Я остальных уговорю, вот те крест, дядя Илья, так и отправимся — сорок паломников со паломником. Коня добудем, чтобы ты ноги не бил.

— Нам бы сперва до Константинополя добаться. А там я подумаю.

Бесцеремонно расталкивая ловцов, на корму прошел Микола.

— Ох, дядя! — сказал он. — Ну, дядя!

— Э-э... — неуверенно протянул Илья. Давно он не видел Подсокольника таким взъерошенным.

У мачты Дионисий сосредоточенно рвал на себе бороду и причитал: «Ой-ой-ой». Цула, бледный сквозь природную смуглоту, сидел ни жив ни мертв.

— Я просил — возьми меня в засаду? — шипел Микола. — Просил, нет?

— Да что такое?!

— Это, — Микола ткнул пальцем за спину, — не Георгий Цула!

У Ильи сперло дыхание.

Он думал крикнуть «Поворачивай назад!», но рявкнул совсем другое, пришедшее на ум сразу:

— В воду!!!

Ловцы, не раздумывая, бултыхнули добычу в море. Плеснуло.

Илья бешено вращал глазами и злобно рычал. Одной рукой он держался за грудь, там в глубине ныло и тянуло.

Гребцы на всякий случай бросили весла.

Дионисий оставил в покое свою бороду и теперь читал вслед утопающему какую-то молитву.

— Ты Иванишу его показывал? — допрашивал

витязя Микола. — Это Атанас Цула, родич стратига! А сам Георгий прикинулся стражником!

— Да Иванище не видел Цулу вблизи никогда! — взревел Илья. — Издали только! Еще ругался, мол, все эти болгары греческие на одно лицо, морды черные! Будто у самого морда белая! А стражников мы перебили до единого! Касьян!

— Ага. Перебили и добили. Глотку пополам каждому, кого завалили на дороге, — заверил Касьян.

— Почему тогда ваш Георгий драгоценный не на дороге, а на холме валялся? И не с глоткой пополам, а с ножом в глазу?!

— Че-е-го?

— Атанас заметил, когда ты вез его мимо.

Илья встал, по-прежнему держась за грудь.

Далеко позади из воды черным пятнышком торчала голова. Атанас Цула не хотел тонуть.

— Парус долой! Гребцы! Поворачивай! Тащи этого Атаса, или как его там, из воды обратно! Уффф...

— Говорил мне Добрыня — присматривай за ним... — ляпнул Микола и осекся.

— За мной? Эй, живее поворачивай! Мне нужен этот Атас! Очень нужен! Уйдет под воду — ныряйте, спасите! Он подтвердит василевсу, что мы прибили Георгия.

— Чего ж ты велел его выбросить?

Ладья заложила крутой поворот, Микола едва не упал.

— Очень давно. Хочется. Кого-нибудь. Ки-

нуть в воду! — раздельно прорычал Илья. — А теперь ответь, племяш. Раз тебе Добрыня наказал за мной присматривать... Чего ж так худо смотришь?! У твоего храбра с раннего утра во рту ни крошки!

Микола надулся и полез обратно к мачте. Принялся копаться в мешках.

Гребцы оттабанили веслами, ладья встала. Неправильного Цулу поймали за волосы, потащили из моря.

Илья сел и так повернулся, чтобы никого не видеть.

— Слыши, дядя! — позвал Микола. — А давай, раз Цулы на одно лицо, срубим Атанасу голову! И скажем василевсу, мол, это Георгий! Пока голову довезем, она вся сморщится, родная матерь не узнает.

— Отстань! — попросил Илья. Он сидел и шумно сопел носом. Так или иначе, главное было исполнено — херсонский стратиг мертв. Опять повезло. Но слишком много удач на одну затею. Как бы запас не исчерпался. Пора утихомириться, переждать время, подумать о будущем. Иначе жди худа.

Ладья снова разворачивалась, вставая по ветру.

К храбру сунулся Касьян, но тот рыкнул:

— Уйди!

Дионисию он просто молча показал кулак.

Подошедшему Миколе было сказано:

— Отлезь! Эй, нет! Дай сюда. А теперь сгинь.

Илья сунул в рот кусок вяленого мяса и зажевал.

Потом лег и прикрыл глаза.

— Жалко, скальда нет среди нас, песню сложить о походе, — услышал он сквозь дрему голос Касьяна. — А то после насочиняют, так наврут... Раз шли в рушище, да к святым местам, скажут — монахи были, помяните мое слово. Заранее стыдно. Ну какой монах из меня? Недостоин. И хотя Господь подал знак...

«Бог подал много знаков, — думал Илья. — Мне тоже. Раньше я не умел их видеть, теперь научился. Пожалуй, если удастся раздобыть коня, надо и правда сходить в Иерусалим. Коня найдет Глеб. На дорогу Микола одолжит — вон у него сколько камушков в рукояти меча. Проводника Денис изыщет. И все устроится. Любопытно, каков собой Гроб Господень, тяжел ли. И сильно ли его стерегут?...»

С этой мыслью Илья заснул.

Ему снилось, что они с Добрыней плывут на огромном корабле-городе, где одних церквей аж три, да еще монастырей три, где харчевни и постоянные дворы, терема да торжища. Весело на корабле, празднично, но отчего-то щемит сердце. И стоят витязь с воеводой бок о бок на высокой корме, да глядят в ту сторону, где Русь. И говорит Илья Урманин, совсем будто Иванище давеча:

— Когда-нибудь я вернусь.

К спящему Илье подсел Микола с куском пасхи и заботливо укрыл своего храбра.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Все имена Ильи Муромца

До XVII века русские эпические песни звучали всюду, даже в московских царских палатах. Затем власть решила истребить скоморохов — и «старины» лишились своих главных певцов. Эпос уцелел, его сохранили крестьянские сказители, калики-пилигримы и отчасти казаки. Имена Ильи Муромца и других богатырей не были забыты. Но долго русские «старины» существовали как бы сами по себе. Наиболее образованная часть общества то ли просто не слышала их, то ли не придавала им должного значения.

Потом случился прорыв — в 1804 году напечатали часть «Сборника Кирши Данилова», составленного полувеком раньше безвестным «казаком Киршем Даниловым» для уральского заводчика Демидова. На «старины» и «скоморошины» обратили внимание литературоведы и историки. С середины века пошел интенсивный сбор материала, Олонецкий край был провозглашен «Исландией русского эпоса», крестьян-сказителей повезли выступать в большие города. Наконец, к былинным источникам начали обращаться художники.

В 1915 году Москву посетила знаменитая сканительница Мария Кривополенова. Столица произвела сильное впечатление на простую женщину. «Старины», которые пела Мария Дмитриевна на далекой Пинеге — о городах великих с мостами каменными, — оказались правдивы!

Но настоящее откровение «вещая старушка» пережила в Третьяковской галерее, увидев картину Васнецова «Три богатыря».

— Глядите-ко! — воскликнула Мария Дмитриевна. — Жили-были преславные богатыри. Не сказка-побаска, а жизнь бывала: Илья-то Муромец из-под ручки врага высматривает. На руке у него палица висит, свинцом налита, а ему как рукавичка!

Именно так — можем подтвердить мы сейчас. «Не сказка-побаска, а жизнь бывала». Правда, Киевская Русь не знала «богатырей» и не слагала о них «былин». А реальные Илья «Сапожок» Печерский и Александр «Алеша» Попович никогда не встречались с князем Владимиром Святославичем и его дядей Добрыней. Тут уж ничего не поделаешь. Столетиями, вплоть до XX века, былины служили для русского народа учебником, по которому тот постигал свою историю. Увы, эта история не совпадает с большинством летописных или литературных источников, включая сказания о русских витязях. Даже если в основе былины лежит историческое событие, разглядеть его не просто — время действия сдвинуто, герои при-

надлежат разным векам (если не эпохам), все перепутано и перемешано.

Былины перекраивают реальность когда случайно, а когда и намеренно. Но в основном они точны. Роль старших друдинников, «княжих мужей» в становлении Руси была велика. Пускай былинные образы «преславных богатырей» искажены, а их отношения с «ласковым князем Владимиром» складываются весьма причудливо, но сами могучие воины, опора власти и вершители судеб — та действительность, без которой немыслима Киевская Русь.

Карьера Добрыни как государственного деятеля завершилась ориентировочно в 1015 году, вклад его в нашу историю колоссален. Период активности Ильи Печерского приходится, вероятно, на 1160—1180 гг., о свершениях Ильи мы не знаем почти ничего, зато он — русский святой. Ростовский «храбр» Александр Попович упоминается в Тверской летописи под 1224 г. как человек, призвавший друдину бросить служение удельным князьям и отправиться в Киев. Рядом с Поповичем в битве на Калке сражался «Добрыня Рязанич — златой пояс». Разных Добрынь в летописях семь: похоже, наслаждение их образов сыграло роль в формировании былинного трио Илья — Добрыня — Алеша.

Первейший и любимейший герой былин — Илья Муромец.

Кто же он?

1. Профессия — храбр

Персонаж русских «старин», германской поэмы «Ортнит» и норвежской «Тидрек-саги». Илья Муромец, он же Моровлин, он же Муравленин и Муравлин, вероятно — Мурманин, Урманин. Ilia Muravitz. А еще Muurovitza. Он же Ilias von Riuzen. Он же Ильюша, Илёйко, Илья сын Иванович, и так далее.

Это минимум из великого множества имен центрального героя русского эпоса, руководителя былинных киевских витязей и главного в троице самых знаменитых — Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович.

Обычно их зовут богатырями. Давайте сразу уясним, что в интересующий нас период, на переломе X—XI веков, при Владимире Святославиче, никаких «богатырей» на Руси не водилось. Это термин поздний, производное от монгольского «багатур». А профессия Ильи Муромца называлась «храбр» или просто «муж», возможно «витязь» (слово тоже чуть более позднее).

Былинный Илья Муромец совершил подвигов больше других храбров, что дает ему право выступать от имени всей дружины перед князем Владимиром. Илья — воплощенные мужество, сила, верность, надежность, трезвость суждений, мудрость и опыт. Он справедлив, его действия обычно предельно конструктивны. Более того, Илья в значительной степени миролюбив. Как хищник

убивает только для еды, так и Илья чурается «драки ради драки», бессмысленного кровопролития.

Илья может побить любого врага в одиночку, его подвиги — предостережение против набегов на Киев. Основной эпитет для Ильи в былинах «старый», «старой», что подчеркивает сочетание уверенной силы, нравственного опыта, житейской мудрости. «Старый» не значит дряхлый, на-против, это мужчина в расцвете сил, около сорока лет.

Важный момент: при всей декларируемой верности князю Владимиру, служит Илья в первую очередь Руси. Он часто в раздоре с князем. Но если к стенам Киева подступит враг, Илья непременно выйдет на битву. Случись у князя конфликт со всей дружиной, именно Илья постарается уговорить товарищей временно забыть о распрях. «Обиженная князем» дружина может отказаться защищать Киев, Илье такой поворот сюжета непонятен. Для него на первом месте Русь, а с князем он после договорится.

Замечательный персонаж.

С детства Илья был тяжело болен, частично парализован, «тридцать лет и три года» сидел на печи. Затем что-то произошло. Некие «калики переходящие» (странствующие богомольцы, паломники) подняли его на ноги, то ли снадобьем, то ли вообще словом. Возрожденный к жизни, витязь отправляется в Киев. Ноги так и остались слабым местом Ильи, иногда подводя в критиче-

ский момент, но эпических героев без уязвимостей просто не бывает...

Теперь приготовьтесь обманываться и сомневаться. Дело в том, что на сегодня выявлены два основных прототипа Ильи Муромца. Первый очень похож на Илью внешне, но вряд ли он самый. Второй, скорее всего, Илья, но... это из области догадок, косвенных данных, сравнения жизненного пути и даже лингвистического анализа. Слишком много «но». Возможно, вам покажутся сомнительными все доказательства. Что ж, в любом случае, прочитав этот текст, вы будете немного лучше понимать свою прародину, Киевскую Русь.

Или окончательно в ней запутаетесь.

Итак, именно физический недостаток Ильи Муромца дает нам прямую наводку на его первый прототип. Больше всего схож с былинным Ильей по внешним данным его тезка, родившийся на полтора века позже, чем «сошел со сцены» наш герой. Тезка тоже был храбром, неустрашимым и изобретательным бойцом, способным одержать победу в любых обстоятельствах. Легенда гласит, что Илья Чоботок Печерский заработал свое прозвище (сапожок) путем забития врагов насмерть сапогом. Он обувался, сидя на постели, и тут в его жилище ворвались какие-то нехорошие люди. Развитие событий можете представить сами.

Согласитесь, это очень по-русски.

2. Сапогом по голове

О жизненном пути этого прототипа мы знаем до обидного мало, зато известно самое интересное — как он выглядел.

Угодник Божий преподобный Илия жил в XII веке и скончался иноком Киево-Печерской лавры. Смерть Илии была насильственной. Трудно сказать, принял он постриг, что называется, на смертном одре или погиб уже в ипостаси монаха «Феодосиева монастыря», как тогда звалась лавра. Спорен вопрос и о том, против кого принял храбр последний бой. Разграбление монастыря могло случиться независимо от того, брали Киев приступом свои или чужие. А датировка гибели Илии весьма приблизительна, условно это «около 1188 года».

Для нас важно другое. Нетленные мощи святого хранятся в одной из Ближних пещер лавры и доступны для осмотра. Мощи не разлагаются, а усыхают, им приписывают чудотворные свойства — возможно, именно это послужило основанием для комплексной экспертизы, организованной в советское время. Экспертиза выявила поразительные вещи, а облик Илии был позже реконструирован по методу антрополога Герасимова.

В 1988 г. останки святого Илии были обследованы межведомственной комиссией Минздрава УССР. Применялась самая современная на то время методика. Был определен возраст — 40—55 лет, скорее ближе к 45. Рост около 180 сантиметров —

заметно выше среднего в XII веке. Выявлены дефекты позвоночника, характерные для перенесенного в юности паралича конечностей. Установлено, что причиной смерти стала обширная рана в области сердца. Повреждений на теле вообще много — несколько переломов ребер и правой ключицы, проникающее ранение левой руки. Сквозное ранение грудной клетки острым предметом стало для Илии последним. Впечатление такое, что Илия прикрыл грудь от удара — и руку пригвоздили к сердцу копьем.

Заболевание позвоночника отразилось на внешности Илии — у него утолщены кости черепа, сильно увеличены размеры кисти по сравнению с предплечьем, очень тяжел в целом плечевой пояс. Похоже, витязь отнюдь не сидел в юности «сиднем на печи», а активно передвигался на руках. И наконец встал. Ничего фантастического в этом нет. Ближайшая современная аналогия — вернувшийся к полноценной жизни травмированный атлет В. Дикуль. Но такие случаи известны издревле. Легенда рассказывает, как парализованный княжич в ярости вскочил, узнав, что Владимир дурно обошелся с его матерью. Так на историческую арену вышел, подволакивая ногу, Ярослав Хромец, будущий Ярослав Мудрый... Но вернемся к преподобному Илие.

Распространенный штамп «все тогда были малорослые и умирали в сорок лет» верен лишь отчасти. Действительно, преподобный Илия на голову выше летописца Нестора (163—164 см), мощи

которого прошли ту же экспертизу. А вот средний возраст складывается из крайних чисел. На одном краю младенец, насмерть простыvший во время церемонии крещения, на другом — Нестор, доживший минимум до 60—65. Следующая пара — двадцатилетний викинг, павший в бою, и восьми-десятилетний конунг Харальд Прекрасноволосый (для справки: младшему сыну «дряхлого» конунга на тот момент едва-едва десять). Вот вам и средний возраст 30—40. Князь Владимир заболел и умер при загадочных обстоятельствах около 60, его бабка княгиня Ольга скончалась чуть ли не в 75.

Так что по идее преподобный Илия мог еще жить да жить в монашеской ипостаси. Для русского витязя XII века считалось естественным по завершении воинской карьеры «сменить меч железный на меч духовный». Случалось, что бывшие воины снова выходили из обители, дабы сразиться с врагом. Достаточно вспомнить Пересвета и Ослябю, проходивших послушание у Сергия Радонежского и погибших на Куликовом поле.

Однако в Киево-Печерском патерике нет жития преподобного Илии — еще одно доказательство того, что святой воин не успел провести много времени в иноческих подвигах. Официально канонизирован Илия в 1643 г.

Некоторые исследователи XIX века возражали против отождествления Илии и былинного Ильи. Но сохранилось немало свидетельств того, что

православные паломники, ходившие к мощам святого, разницы не видели. Они скорее удивились бы, попробуй ученый им доказать, мол, в лавре почивает не тот самый «преславный богатырь русский». Как Мария Кривополенова приняла московский Большой Каменный мост за былинный «Калинов мост» и обрадовалась тому, что былины не «враки», — так и народ решил для себя, кто есть кто.

Это классический случай, когда «народ не обманешь», потому что он уже обманулся сам, и, в общем, правильно сделал. За века до медицинских экспертиз простые люди угадали — Илия Печерский во многом соответствует быльному Илье Муромцу.

Можно сказать и жестче. Если учесть, что былины состоят из многократных наслоений события на событие, героя на героя, авторской позиции на авторскую позицию... Если добавить, что сам термин «былина» заимствован исследователями из Слова о полку Игореве¹, а народные сказители пели «стАрины» или «старИны»...

Так какая вообще разница, о ком они, былины?

Был бы персонаж хороший.

Но хочется разглядеть в персонаже — человека.

¹ Термин «былины» введен в научное употребление в 30-х годах XIX века на основании упоминаемых в «Слове о полку Игореве» «былин сего времени».

3. С князем по жизни

Былинный Илья Муромец привязан к эпохе Владимира Святославича, княжившего в Киеве с 980 по 1015 год. В былинах «ласковый князь Владимир», он же «Владимир Красно Солнышко», никогда не выступает главным героем. Зачастую он вовсе антигерой, несправедливо притесняющий дружину и Илью лично. Супруга князя — тоже персонаж с весьма подвижной этикой. То она тайком подкармливает Илью, угодившего по навету «в поруб сырой», то жестоко подставляет каличего вожака Касьяна Михайловича, отвергшего ее сексуальные домогательства. Плохо себя ведут и бояре, регулярно клевещущие на Илью, настраивающие князя против него.

Илья не остается внакладе, сшибая кресты с церквей, устраивая грандиозные разрушительные запои совместно с «голью кабацкой», даже умышляя убить князя и княгиню, но в последний момент отказываясь от замысла.

Что поделаешь, народное творчество. Оно зачастую строится на противопоставлении негодного властителя и парня из народа, спасающего Родину вопреки всему. Недаром Голливуд нещадно эксплуатирует этот простой и эффектный сюжетный ход во множестве фильмов.

Реальная Киевская Русь четко соотносится с былинами по двум позициям. Во-первых, авторитет некоторых членов «старшей дружины» мог оказывать прямое влияние на государственную поли-

тику. Во-вторых, при княжем дворе трудно выделить однозначно «добрых» и «злых» в нынешнем общечеловеческом смысле.

Такое было время. Путь Владимира Святославича к киевскому столу изобилует кровавыми эпизодами. Но менее жестокий и хитроумный Владимир просто не выжил бы. Холодный взгляд на княжескую администрацию тех лет вызывает навязчивую аналогию: «полностью легализовавшаяся организованная преступная группировка». И хотя в «Храбре» автор пишет только о полицейской и диверсионной работе Ильи Урманина, глупо замалчивать тот факт, что Илье, как и прочим храбрам, случалось заниматься по поручению князя банальным рэкетом. Киевский центр в лице Владимира Святославича гарантировал Руси внутреннюю стабильность, защиту от набегов из-за рубежа и устойчивый экономический рост. Это стоило дани и смирения. Несогласным объясняли, что они ошибаются, — стуча тяжелыми предметами по головам.

Особенное время, требовавшее особенных людей. Былины «киевского цикла» прессуют события, сбивая в плотный ком несколько веков русской истории, заостряя внимание на самых ярких подвигах и героях. В некоторых эпических песнях проглядывают образы Олега Вещего, Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха, но, по большому счету, там хватило места лишь для одного великого князя. Это креститель Руси Владимир Святославич, человек непростой, даже трагической

судьбы, лично ответственный за принятие целого ряда судьбоносных решений.

Эти решения не брались с потолка, напротив, их подготовила сама история, и было бы удивительно, образуйся все иначе. Стремительное объединение Руси под рукой «конунга Хельге» — Олега Вещего — могло произойти лишь с опорой на уже сложившуюся государственность местных племен; варяги не завоевали Русь, а «собрали» ее. Успешную христианизацию страны обеспечило то, что значительная часть дружины Владимира уже к тому моменту крестилась по греческому обряду. Превращение Киева в полноценную европейскую столицу, один из влиятельнейших «центров силы» при Ярославе Мудром, тоже закладывалось на сто лет раньше. Регулярная помощь русов в подавлении мятежей на территории Византии, прокачка огромного товаропотока через русские города, удачные династические браки с соседями — все это возникло не на пустом месте. Это результат долгой политической и военной работы, в которой не всегда заметна прямая преемственность задач «от отца к сыну», но есть четко обозначенная общая цель. Киев не мог обеспечить на Руси «вертикаль власти» или пирамидальную структуру византийского имперского образца — семейное предприятие Рюриковичей строилось на иных принципах, — но он всячески укреплял и модифицировал страну.

Недаром символом единого Русского государ-

ства в былинах навсегда остался стольный Киев-град.

В эту эпоху — от Олега Вещего до Владимира Мономаха — легко влюбиться. Может даже сложиться впечатление, что ни до, ни после нашей родиной не правили столь эффективно. Жестокость князей была относительной и уж точно не чрезмерной для своего времени. Реакция власти на новые угрозы и новые шансы — быстрой и разумной. Все бурлило и шевелилось, каждый знал свое место, делал свое дело, имел свою долю.

На общем фоне не было событием взятие под контроль убогой окраинной территории, где жили-поживали «мурома».

4. Илья, пришедший издалека

У Бориса Юлина, исторического консультанта проекта «Храбр», насчет прозвища Ильи особое мнение.

— Возьмите карту Киевской Руси, — говорит Борис. — И где там Муром? На краю земли. Так что, скорее всего, нашего героя зовут «Илья, пришедший издалека». А уж откуда именно он явился, мы никогда не узнаем.

Муром был основан в IX веке как «столица» угро-финского племенного объединения мурома. Это была несусветная глушь. Киев прислал туда могучую дружины (человек тридцать) и поставил мощную крепость (дом, огороженный ты-

ном). Дальше, чем Муром, от тогдашнего центра Руси не было ничего. Если наложить на карту линейку, даже Тмутараканский анклав русов окажется ближе, просто он менее доступен. Но понятие «тмутаракань» как обозначение «запредельно далекого» возникнет потом. В дни Владимира Святославича и еще на века вперед «у черта на куличках» располагался именно Муром.

Как ни странно, никто из исследователей былин не пытался отождествить понятие «муромец» с позднейшими обобщениями вроде «сибиряк». Хотя это, казалось бы, очевидно. Слово «муромец» могло употребляться в самых разных значениях. От восторженного («даже на дальних окраинах у нас рождаются герои») до уничижительно-го, типа нынешнего «Чудила-с-Нижнего-Тагила».

Со временем северо-восток начнут осваивать, Владимир даже назначит князем Муромским своего сына Глеба. Но по одним источникам это княжение выглядит чисто номинальным, а по другим — местные не воспринимали Глеба всерьез, и когда он им надоедал, просто гоняли его из города. Одно слово — «муромцы».

Так или иначе, привязка Ильи к северо-восточной Руси и конкретно к «городу Мурому, селу Каракарову» всегда вызывала сомнения. Сам путь Ильи к князю Владимиру лишь частично совпадает с той дорогой, какой ездили из средней Руси в Киев. К слову, этот путь считался довольно опасным и в глубокой древности, и в XVI—XVII вв.

из-за многочисленных разбойничьих шаек, бро-
дивших в Брянских лесах.

Напротив, в былинах множество черниговско-
брянских топографических указаний. Илья едет
через Брянские леса, Моровийск или Моровск,
пересекает реку Смородинную неподалеку от Ка-
рачева, на берегу которой по сей день стоит Дёвя-
тилубье (и, кстати, сохранился огромный пень от
одного из девяти дубов, на которых сиживал Со-
ловей-разбойник).

Есть мнение, что изначально деятельность
Ильи приурочивалась к черниговским городам Мо-
ровийску и Каравею. Эта версия устраниет недо-
разумение, связанное с описанием пути Ильи из
Мурома на Киев. По дороге Илья оказывается под
Черниговом, делая таким образом значительный
крюк, ничем не объясняемый. Если же Илья от-
правляется из Моровийска, тогда он неизбежно
должен проезжать мимо Чернигова. Такая версия
ближе и к реальной истории: более двух веков (с
XI—XIII вв.) Чернигов соперничал с Киевом; Чер-
ниговская область была ареной множества воен-
ных столкновений русских князей друг с другом
или с половцами. В одной из поздних былин род-
ным городом Ильи прямо называется «Моров». По
другой былине, Илья просит у отца благосло-
вения ехать в Чернигов и уже из Чернигова от-
правляется в Киев.

Вся эта неразбериха привела к тому, что в но-
вейшей истории несколько городов боролись за

«право на Илью Муромца». Результат был предсказуем заранее: Муром, Карабарово и Каравеев просто объявили себя родиной Ильи каждый по отдельности. В активе Каравеева — Девятидубье с «Соловьевым перевозом», где еще в XIX веке ста-рожилы охотно показывали, как и где Илья победил Соловья. На стороне Мурома и Карабарова — непоколебимая уверенность в своей правоте. Всех можно и нужно понять.

По идее с тем же успехом автор «Храбра» мог бы в припадке московского патриотизма объявить Илью москвичом — и попробуйте, возразите. Ведь первое упоминание в летописях о том же Каравееве датируется лишь годом раньше исторического 1147-го.

Но какой смысл в растаскивании героя по кусочкам? Илья Муромец принадлежит всей Руси. Он равно ценен для трех народов, ведущих свою историю от единого корня, — русских, украинцев и белорусов. Илья у нас один на всех, как космонавт Гагарин: самый лучший, самый любимый, и другого не будет.

Поэтому автор припомнил историю собственного рода, пришедшего на Русь более шестисот лет назад из-за рубежа, — и выдумал свою версию происхождения Ильи, отраженную в «Храбре». Читатели могут с чистой совестью критиковать или приветствовать ее, как им больше нравится.

Тем более что на самом деле все с Ильей было не так.

5. Сага о Вещем Добрыне

По былинам записи XIX в., богатырь Илья — крестьянин. Родители Ильи — земледельцы, поднимавшие новь, очищающие площадку от дубя-колодья под пашню. Исцеленный каликами, Илья первым делом идет в поле и быстро кончает начатую его отцом работу, а потом уже отправляется в Киев.

А вот былины старой записи не знают о крестьянском происхождении Ильи. Илья Муромец стал земледельцем позже, когда киевские «старины», после разгрома класса скоморохов-певцов, попали в крестьянскую среду. Этот вывод подкрепляется и тем, что получение Ильей силы богатырской излагается двояко. По одним былинам (наиболее известным сегодня), Илья получил силу от калик перехожих, а по другим — выступает с самого начала богатырем, причем его силы увеличиваются благодаря «школе», которую он проходит под руководством иноземного (вероятно, прикавказского) богатыря Святогора.

Именно как богатырь крестьянского происхождения Илья прикреплен былинами к Мурому, т.е. к Ростово-Сузdalской области. Но если обратиться к старым записям былин, найдется достаточно указаний на то, что такое приурочивание — плод позднейшего творчества. Когда вместе с колонизационным движением из Киева на северо-восток туда пришли киевские «старины»,

оригинальные наименования смешались с именами деятелей и названиями местностей в Ростово-Сузdalской области.

Кмита Чернобыльский (XVI в.) называет Илью не Муромцем, а Муравленом, Эрих Лассота (XVI в.) — Моровлином; записи былин XVII в. — Мурович и Муровец; испанец Кастильо, посетивший Россию в конце XVIII в., — *Ilia Muravitz*, финские отголоски наших былин — *Muurovitza*. Все эти формы более древнего прозвища Ильи заставили исследователей пойти по двум направлениям: «лингвистическому» и «географическому». Первые сделали вывод, что Муравленин и т. п. — искаженное Мурманин, Урманин, и стали искать в биографии Ильи «варяжский след» (об этом ниже). Вторые обратились к изучению древнерусских названий городов и местностей. На Волыни нашлись Моровеск и Муравица. В Черниговской губернии село Моровск, соответствующее древнему городу Моровийску (был даже «Муравский шлях» — дорога от Куликова поля мимо Тулы, между реками Упой и Соловой, до Крыма). Неоднократно всплывал Карабчев, лежавший на границе Черниговского и Новгород-Северского княжеств, переходивший из руки в руки и служивший для киевских князей базой в борьбе с половцами и Рязанью. Откуда такой интерес к Карабчеву, мы уже говорили — Девятидубье и Соловьев перевоз (брод).

Но и привязка Ильи к Черниговской области

стала, похоже, плодом творчества в эпоху, когда Русь была уже заметно раздроблена. Однако сам герой, охваченный идеей служения объединенной русской земле и ее великому князю, для тех времен не характерен. Такие образы должны возникать либо позже — в дни всеобщей ностальгии по могучей и единой Киевской Руси, — либо раньше, и тогда уж на реальном материале. Скорее всего, Илья как персонаж сформировался непосредственно в эпоху Владимира Святославича, когда придворные скоморохи, «бояны» или скальды из числа самих дружинников слагали «дружинные песни» о реальных подвигах реальных храбров.

Этот начальный период, пережитый «старинами» об Илье Муромце, неожиданным образом отражен в германской поэме «Ортнит» и норвежской «Тидрек-саге» (обе — XIII в.).

В поэме «Ортнит» один из героев — *Ilias von Riuzen*, русский князь Илья. Этот Илиас — дядя короля Ортнита по матери и его самый верный помощник. Он выбирает племяннику в супруги дочь сирийского короля, идет в поход за невестой, съездив предварительно на Русь попрощаться с женой, детьми и дружиной. Поход кончается успешно. Илиас в битве так разошелся, что Ортниту едва удалось сдержать его; из-за этого Ортнит чуть не рассорился с ним. Но когда Ортнит, утомленный битвой, попадает в беду, Илиас

спешит на выручку и обращает неприятеля в бегство.

Это вам ничего не напоминает? Отношения между Ортнитом и Илиасом соответствуют отношениям Владимир—Добрыня. Степень родства передана точно. Как Илиас добывает Ортниту невесту, предварительно съездив на Русь проститься со своими, так Добрыня, вернувшись из Скандинавии, добывает Владимиру Рогнеду; как Илиас в битве сильно расходится, так Добрыня, добывая Рогнеду, жестоко расправляется с ее родными. Кстати, поход за невестой для князя — это сюжет былины, в которой деятельное участие принимает богатырь Добрыня (иногда Дунай).

Еще занятнее упоминание о древнем Илье в «Тидрек-саге». На Руси царствует Гертнит. У короля два сына, Озантрикс и Владимир; есть третий сын — Илиас, но не от королевы, а от наложницы. Перед смертью Гертнит распределяет земли между сыновьями; Озантрикс получает *Villcinaland* (по-видимому, страна лютичей-велетов); Илиас, который зовется в саге «великим воеводой и могучим бойцом», получает Грецию, а Владимир — область *Pulinaland* (земля полян) и титул короля всей Руси. Из эпизодов, о которых рассказывает «Тидрек-сага», любопытен следующий: король Гуналанда Аттила ведет войну с Владимиром и отнимает у него город *Palteskia* (Полоцк).

Сравним «Тидрек-сагу» с тем, что было на Ру-

си. Князь Святослав, соответствующий Гертниту, еще при жизни распределил земли между сыновьями — Ярополком (Киевская область), Олегом (Древлянская область) и Владимиром (Новгородская область). Греция, фигурирующая в саге как часть Руси, может означать Болгарию, завоеванную Святославом, и ряд греческих колоний, принадлежавших русам. Эпизод с Полоцком — отголосок завоевания его Владимиром. Но интереснее всего память саги о наложнице. «Тидрек-сага» путает: там Владимир сын от королевы, а Илиас от наложницы, тогда как по русским летописям именно Владимир сын наложницы, братом которой был Добрыня, соответствующий по поэме «Ортнит» Илиасу.

Сопоставляя данные из поэмы «Ортнит» и «Тидрек-саги» с нашими летописями, можно заключить, что Илья западноевропейских поэм — не кто иной, как дядя Владимира, Добрыня.

Неожиданно, но довольно правдоподобно.

Откуда в скандинавскую «Тидрек-сагу» и германскую поэму «Ортнит» могли попасть факты из русской истории? Не вопрос. Сношения между Скандинавией и Древней Русью были очень тесными. Во-первых, торговля, непосредственная и транзитная. Во-вторых, вплоть до воскняжения Ярослава Мудрого в Киеве русами активно использовались скандинавские вспомогательные войска. Вернувшись домой, наемники должны были (если не обязаны) рассказывать о своих при-

ключениях на Руси, о тех, у кого служили, о событиях, свидетелями и участниками которых они стали. Сказительская традиция у варягов была сильна, как нигде, и вообще, в уважающей себя варяжской дружины был штатный скальд¹. А из скандинавских песен с «русским контентом» мог почерпать содержание и родственный скандинавскому германский эпос. Варяги, хорошо знавшие отношения в русских правящих кругах, просто не могли не знать Добрыни и его роли в жизни и княжении Владимира.

Немаловажный момент: в поэме «Ортнит» Илиас-Добрыня изображается заезжим иностранным витязем с Руси. Почему? Да так и было! Под 977 г. летопись сообщает, как Владимир, услышав о том, что Ярополк убил Олега, испугался и бежал из Новгорода к варягам. Владимиру в то время исполнилось, видимо, 16—17 лет; его руководителем, «дядькой», был дядя Добрыня. В Скандинавии Владимир с Добрыней пробыли до 980 г. Трудно предположить, чтобы такой даровитый человек, как Добрыня, за три года не привлек к себе внимание тамошней правящей верхушки. Недаром же Добрыне удалось привести на Русь отряд варягов, благодаря которому Владимир завладел всей русской землей!

Но почему Добрыня — Илиас?

¹ Функция скальда — отнюдь не только развлечение дружины на пиру. Во время ладейных походов скальд пел, задавая ритм гребцам.

В процессе устной передачи песен вытеснение одного имени или названия другим обычное дело. Такие искажения происходят даже при копировании письменных документов, чего уж想要 от устных преданий.

Вопрос в том, кто именно стал «заместителем» Добрыни.

Его имя могло вытесниться именем некоего позднейшего деятеля. Например, в первой Новгородской летописи упоминается князь Илья, сын Ярослава Мудрого. «И родися у Ярослава сын Илья и посади в Новгороде и умре. И потом разгневався Ярослав на Коснтина Добрынича и заточи [его]; а сына своего Володимира посади в Новгороде». Переводим на русский. У Ярослава был сын Илья, рано умерший, но успевший поуправлять Новгородом. Это вовсе не безвестный персонаж — в сагах он, под именем Гольти, т.е. ловкого, быстрого, фигурирует рядом с Вальдимаром (Владимиром). Особенно важно, что в летописи упоминается Константин Добрынич, сын Добрыни, приближенный Ярослава, чем-то навлекший его гнев.

Не исключен и обратный путь — замещение имени Добрыни на имя деятеля предшествующей эпохи. Вариант имени Илиаса — Eligas, соответствующий древнерусской форме «Ольг» и народной «Вольга». Олег Вещий? С ума сойти. Представьте себе, возможен и такой расклад. В одном из «проложных» (кратких) житий св. Владимира в

рассказе о походе на Херсонес говорится, что Владимир, взяв город, «посла Олга воеводу... в Царьград к царям просити за себе сестры их». Но бесменным воеводой Владимира был Добрыня! Поже, устные предания, записанные автором жития, уже смешивали Добрыню с Олегом. А ведь Олег традиционно считается «дядькой» и регентом при князе Игоре¹, то есть он выполнял почти те же функции, что Добрыня при Владимире. По некоторым сведениям, Олег — брат жены Рюрика, тогда совпадение Олег-Добрыня полное.

В этой версии есть некое благородное безумие, проливающее новый свет на прозвище Ильи — Муромец. Иоакимовская летопись зовет Олега князем Урманским (т.е. норманнским, а конкретнее — норвежским). А кто у нас Илья? Мравлин, Мравленин, что соответствует полногласным Морвлин, Муравленин. Ряд исследователей считает, что это искажение первоначальных форм «Мурманин», «Урманин».

Искажение, кстати, незначительное и вполне бытовое. Автор этих строк знает человека по про-

¹ У автора особый взгляд на период правления Олега. «Двоеняжие», сложившееся при Олеге Вещем, когда взрослый уже Игорь был фактически отстранен от серьезных дел, может объясняться просто и логично. Олег был кровным родичем Рюрика и остался после его смерти старшим в роду, вот и все. Мнение об Олеге как регенте и «дяде Игоря по матери» сформировалось несколько позже на основании неполных данных в летописях и искажений при устной передаче фактов. Возможно, руку к формированию такого мнения приложил сам князь Игорь. Через сто лет оно вполне могло стать общепринятым и привести к дальнейшему «наложению» образа Олега на образ Добрыни.

звищу «Серега Муромский». Его так прозвали в тверской деревне, потому что приехал Сергей из... Правильно, из Мурманска. На Руси Ульф Урманин мог стать Ильей Мурманином не за сотню-другую лет, а в первый же день. Следующий шаг — Илья Муромец.

Так что же, Илья Муромец — Илья Норвежец?! А почему нет? Допустим, что на Добрыню-Илью, «хоробра и нарядна мужа», перенесено из древних песен об Олеге не только имя, но и прозвище, обозначавшее племя, из которого происходили вожди русов. Идея неожиданная, но не противоречащая теории княжеско-дружинного эпического творчества и вполне соответствующая историческим фактам.

Ну, здравствуй, Илья, пришедший издалека.

Кто ты? Гремучая смесь из природного варяга конунга Хельге и урожденного древлянина воеводы Добрыни?

А может, ты действительно Ульф, сын Торвальда Урманина, сына Эрлинга из Стикластадира?

Попробуем взглянуть еще с одной стороны. Холодно и расчетливо.

6. Портрет дяди в старости

«Не сказка-побаска, а жизнь бывала». Былины могут подступать к реальности вплотную, главное — уметь это видеть. Самый характерный пример — первое описание богатырского поединка в

Повести временных лет (далее ПВЛ). В 992 году, когда Владимир вернулся из похода на хорватов, с другой стороны Днепра подошли печенеги. По обычаю того времени битву должен был предварять поединок. Через четверть века Мстислав Удалой так же сойдется с Редедей. «Чего ради мы будем губить дружины? Сойдемся биться сами!» А в 992 г. условия назвал князь печенежский: если русский богатырь победит, печенеги на три года откажутся от набегов, если выиграет печенег, Русь на три года будет отдана степнякам на разграбление. Владимир принял эти условия и отправил гонцов искать богатыря, способного биться с печенегом. Утром печенеги выставили поединщика, а Владимир — нет. «И поча тужити Володимер», — сообщает ПВЛ.

Чем не былина? Один в один. Точно так же подходят к стольному Киев-граду былинные Батыги, Калины-Цари и Идолища, требуя поединщика. А у нас, как обычно, драться некому, все сидят по лавкам и дуются на князя, который их чем-то обидел.

В 992 году против печенегов вышел безымянный меньшой сын одного из воинов киевской дружины. Враги покатились от хохота — их поединщик был «превелик зело», а киевлянин «средний телом». Однако русский воин взял да «удави печенезина в руки до смерти». Печенеги в ужасе бежали, Владимир нагнал их и крепко побил.

Но как звали нашего поединщика, оставшего-

ся безымянным в ПВЛ? Народные сказания имеют его Ян Усмошвец, позже — Никита Кожемяка. Он даже не воин, а заурядный киевский ремесленник. Не знатен, не богат, не просит за свой подвиг ничего.

Он четко противопоставлен князю, этот парень из простонародья, выручивший Русь.

Такая антитеза не могла возникнуть изначально, когда складывались «дружинные песни». Но как только «старины» пошли в народ, определилась эта линия, характерная для большей части былин: князья приходят и уходят, а русские остаются.

Парадоксально, но снижение образа главного героя и противопоставление его князю хорошо накладывается на реальную связку Добрыня — Владимир. Лишнее доказательство того, что Добрыня вполне может быть Ильей Муромцем.

Что мы знаем о Добрыне? Очень мало и очень много.

Личность Добрыни, насколько ее можно воссоздать по летописным данным, не противоречит основным чертам Ильи Муромца, несмотря на все возможные наслоения.

Илья, по былинам, не родовит. Как уже упоминалось, он то крестьянский сын, то непонятно кто. Сразу оговоримся, «социальный лифт» в эпоху Владимира Святославича существовал, но высоко подняться у «смерда»-крестьянина шансов почти не было. Илья должен происходить из «лю-

дей», свободных. Он просто наемный воин. Поэтому хотя Илья своими подвигами внушает Владимиру и его приближенным уважение, однако при дворе на него смотрят как на неровню и часто это подчеркивают. Владимир «забывает» пригласить Илью на пир; дарит ему не ценные подарки, как боярам, а кое-что — татарскую шубу.

Происхождение Добрыни спорно. Это дискуссионный вопрос, но скорее всего, Добрыня и его сестра Малуша — дети древлянского вождя Мала (не очень ясно, «мал» имя или титул). Обоих могли взять ко двору князя Игоря в воспитанники-заложники (распространенная практика) или пленить, когда княгиня Ольга разбила древлян и сожгла Искорostenь. Малуша в дальнейшем стала при Ольге ключницей, формально рабыней, фактически высокопоставленной чиновницей. В ключники брали самых верных и проверенных. Вероятно, и Добрыня получил какую-то должность. Но Добрыня, выходец из покоренного славянского племени, при дворе, состоявшем тогда большей частью из скандинавов-полукровок, а то и «чистых» варягов, должен был считаться неблагородным. Сам Владимир мог тяготиться таким родством, напоминавшим ему о том, что и он — «робичич». Возможно, Владимир иногда выказывал пренебрежение к Добрыне. Есть первое совпадение.

Илья — могучий воин, неустанный борец за русскую землю и Владимира, он решает задачи,

которые не по силам остальным помощникам князя. Добрыня, по летописям, «храбор и наряден (распорядительный) муж». Что на его счету? Он подсказал новгородцам, чтобы просили на княжение к себе Владимира; по смерти отца спас племянника от Ярополка, убежав за границу; навербовав варяжский отряд, вернулся в Новгород; чтобы облагородить происхождение Владимира, сватал за племянника родовитую Рогнеду, а когда та гордо и оскорбительно отказалася — убил ее родных и отдал ее Владимиру силой; искусными действиями Добрыня избежал сражения с Ярополком — Ярополк погиб один, и киевский стол легко достался Владимиру. Нет сомнения, что и в дальнейших предприятиях Владимира роль вдохновителя, инициатора и исполнителя принадлежала Добрыне, хотя летопись об этом упоминает редко. Добрыня ловко избавил Владимира и Киев от исполнения требований варяжской дружины; под влиянием Добрыни Владимир демонстративно поддержал религиозный культ славян в Киеве, а Добрыня, став новгородским посадником, то же делает в Новгороде; ряд походов (завоевание Червонной Руси, походы на вятичей, ятвягов, радиличей, камских болгар) был предпринят по инициативе Добрыни. Поход на Херсонес в связи с принятием византийского христианства и вступлением Владимира в брак с греческой царевной не мог обойтись без Добрыни. Этот поход породнил Владимира, а следовательно, и Добрыню с

византийскими императорами и ввел Русь в круг европейских государств. Опять все близко.

Илья вступает на богатырское поприще после долгого бездействия: он «тридцать лет и три года сиднем сидел», и только получив чудесное исцеление от калик, обнаружил громадные силы. Но и Добрыня первоначально был обречен на бездействие. Случайное обстоятельство, что у его сестры родился от Святослава сын, ввело Добрыню в ряды правящего класса, где могли развернуться его блестящие таланты. Если бы не такое везение, жизнь Добрыни, вероятно, протекла бы совершенно иначе и исторического значения не имела бы никакого. Снова есть совпадение.

Илья Муромец представлен в эпосе старым, даже матерым. Старость, седьмая степень возраста, охватывала период жизни между 40 и 55 годами. Этот возраст характеризовался мужеством, установившейся твердостью и крепостью. Илье Муромцу в былинах не меньше сорока. Возраст Добрыни в период его активного участия в делах княжения Владимира должен соответствовать возрасту Ильи. Если Добрыне, когда Владимир сел в Новгороде (970), было 25—30 лет (моложе вряд ли, а то его не назначили бы руководителем Владимира), то к 980 г., когда Владимир стал великим князем, Добрыне 35—40 лет. С этого момента тянется ряд громких событий княжения Владимира, вдохновителем и участником которых был Добрыня. Значит, образ Добрыни должен сохра-

ниться в воображении его современников и потомков непременно с чертами «старого» и матерого. Точь-в-точь Илья.

Илья требует к себе особого внимания. Он оскорбляется пренебрежением Владимира, отвечает резкими выходками, будоражит простонародье. Он признается, что имел намерение убить князя и его супругу; говорит, что Владимир своим княжением обязан ему (!); он даже ругает Владимира поносными словами (дурнем). Претензии Ильи и его отношение к Владимиру совершенно объясняются, если Илья не кто иной, как летописный Добрыня. Только Добрыня мог выставлять племяннику такие требования, мог позволять себе такие вещи, которые немыслимы со стороны других слуг князя.

Наконец, вся деятельность Ильи Муромца направлена на служение родной земле и Владимиру. Добрыня вел такую политику, которая широко удовлетворяла общерусским интересам. Он обустраивал Русь.

Как видите, параллелей более чем достаточно. Илья Муромец вполне мог быть поэтическим отражением исторической личности Добрыни, дяди Владимира.

И вот теперь хочется спросить — а это важно?

Ведь «подкладывая» под образ мифического Ильи Муромца реальных Илью Печерского или Добрыню, мы теряем нашего Илью.

Вам так не кажется?

7. Кто же ты, Илья?

Путь, пройденный эпическим образом Ильи Муромца, чрезвычайно длинен и сложен. От оригинальных песен киевской дружины Владимира Святославича через сказания «боянов» и песни бродячих скоморохов до крестьянских «старин», чтобы наконец попасть в те же «старины», известные под названием былин. От творчества профессионального и полупрофессионального — к сугубо народному.

На таком долгом — тысячелетнем! — пути с героем может произойти что угодно.

Но сильно ли изменился характер творчества со времен Киевской Руси? Разве тогда не было гипербол, намеренных, преувеличений, иронии и шутливого вранья? Отчего бы в дружинной песне не возникнуть былинной «палице во сорок пуд»? Чтобы все смеялись.

То есть былина сама по себе не обязана перекаивать реальность из-за того, что сложена абы как и абы кем. Почему и с какой целью привирают былины — отдельная тема. Но искажения могли вноситься уже в изначальный текст, а дальше либо консервироваться, либо усиливаться при каждой передаче из уст в уста.

Предки не слишком отличались от нас. Они были менее информированы, чем мы, но отнюдь не глупее. Испытывали те же эмоции. Могли кого-то «забыть» вставить в песню, а кого-то намеренно возвеличить. Выпятить одну тенденцию и

замолчать другую. А через полвека уже и спросить некого, как там все было на самом деле.

Достаточно проанализировать разнотечения между Новгородской первой летописью и ПВЛ, чтобы крепко задуматься о том, когда появилась на Руси профессия «политтехнолог».

А еще предки так же легко, как мы, ошибались и замещали нехватку данных догадками, вполне фантастическими для знающего человека, но правдоподобными для незнающего. Подгоняли действительное под желаемое. А мы разве лучше? Чем поем-то?

«Он сказал: «Поехали!» и взмахнул рукой». Это про Гагарина, если вы забыли. Ракета уже пошла, когда раздалось знаменитое «Поехали», тут не размахашься. Типичная былина.

«Екатерина, ты была не права!» Это о продаже Аляски Америке неким русским правителем мужского пола. Тоже былина, стопроцентная.

Из недавнего: «Эй, режиссер, заканчивай съемку! А он смеется в объектив, как в прицел». Чтобы посмеяться в объектив, надо стоять перед камерой. Режиссер обычно с другой стороны и смеется в видоискатель, мешая работать оператору. Но в былине главное, чтобы складно было, — ее же поют, размер надо выдержать.

Эти песни врут, только стоит ли их ругать?

Нам трудно разобраться, что творилось полвека назад, чего же тогда хотеть от источников, обращенных в прошлое на тысячелетие? Если за летописной фигурой еще можно как-то разглядеть

реальное лицо, то за героем эпоса лица не видать точно. На то и эпос. У него свои законы. Он ведь литература.

Прототип и литературный герой всегда в той или иной мере разные люди. Иногда разница огромна. Дракула Брэма Стокера и валашский князь Влад «Дракул» Цепеш худо-бедно сравнимы по имени, социальному положению и стране обитания, все остальное выдумка. Реальный кардинал Ришельё¹ был не менее прожженным интриганом, чем персонаж «Трех мушкетеров», но сегодняшняя оценка его деятельности на благо Франции диаметрально противоположна взгляду Дюма. Обилие косвенных свидетельств того, что Жанна д'Арк была незаконнорожденной принцессой, до сих пор никак не повлияло на ее традиционный книжно-кинематографический образ «деревенской блаженной».

Ничего удивительного. Скальды, бояны, скоморохи, поэты, драматурги, писатели решают свои задачи, часто идущие вразрез с фактами из жизни прототипов. Одному автору важнее рассказать поучительную историю, щемящую душу. Другой хочет докопаться до истины — и наталкивается на фантастические, невероятные подробности. Третий просто работает на заказ властей. Четвертый — на «социальный заказ», рисуя героев сообразно общественному мнению о них. Встречаются и авторы, намеренно идущие против течения, готовые

¹ Именно так — Ришельё, а не «Ришелье».

присочинить, чтобы выбиться из основного потока. Так выходят из-под пера десятки разномастных петров первых, екатерин вторых, лениных и сталинских, о которых можно сказать лишь одно: наверняка прототип был гораздо сложнее и многограннее как личность.

Вдобавок не из каждого деятеля выйдет яркий персонаж. Есть судьбы, которые сами по себе — песни. Есть скучные и лишенные изюминки «трудовые биографии». Наконец, есть угол зрения, под которым автор изучает героя. Вот Столыпин и Распутин, фигуры сопоставимые по влиянию на текущую политику, да обоих еще и убили, а кто интереснее массовому читателю? Князь Потемкин-Таврический много сделал для России, но какой этап ярче — пока Григорий был любовником Екатерины или когда они уже разошлись? Жизнь Ли Харви Освальда сплошное приключение, а снайпер из мафиозного клана Троффиканте просто «ходил на работу» — кто лучше в роли убийцы президента Кеннеди? Одни вопросы и мало ответов.

Кто же ты, Илья?

В первую очередь — русский храбр.

Мне, литератору, реконструировавшему твой образ по былинам, это важнее всего. Ты — наш.

Спасибо тебе.

Приложение 2

Мир былин и мир людей

«Чем объяснить хорошо известный факт, что русский народ в своем былинном эпосе отводит самое видное место именно «киевскому периоду» своей древней истории?

Это не может быть случайностью. Народ, переживший... много и тяжелых и радостных событий, прекрасно их запомнил, оценил и пережитое передал на память следующим поколениям. Былины — это история, рассказанная самим народом. Тут могут быть неточности в хронологии, в терминах, тут могут быть фактические ошибки... но оценка событий здесь всегда верна и не может быть иной, поскольку народ был не простым свидетелем событий, а субъектом истории, непосредственно творившим эти события...»

Именно этими словами — о былинах! — начинается «Киевская Русь» академика Грекова, ставшая на много десятилетий «главной книгой» о домонгольской истории нашей страны. Мы процитировали лишь два первых абзаца. На самом деле роли и значению былин там посвящено много

го страниц. Вот еще цитата, возможно — ключевая.

«Народ в своих оценках событий прошлого выделил не... период беспрерывных междукняжеских войн и слабости перед врагом внешним, а время Древнерусского государства, время своего величия и силы. Народные симпатии обращены к тому времени, когда Русская земля, собранная под властью первых киевских князей... действительно представляла силу, грозную для врагов и в то же время дававшую возможность развитию мирного народного труда, — залог дальнейшего будущего страны».

Мы уже говорили, что в этот период — от Олега Вещего до Владимира Мономаха включительно — трудно не влюбиться. Недаром целый народ считал его чем-то вроде «золотого века». Особенное время... Его идеализируют, чрезмерно облагораживают, о нем много спорят, одного не отнимешь — оно у нас было.

Меньше трехсот лет. Зато каких!

1. История, которую мы выбираем

Итак, былины дают самое важное — оценку событий. В деталях они неточны. Время, когда сказания несли сугубую конкретику и считались надежными источниками, минуло тысячу лет назад. Но в дни сравнительно малого распространения письменности роль профессиональных скальдов и боянов была крайне значимой. На сказания и песни опирается местами даже официозная По-

весь временных лет (далее ПВЛ). Фрагменты ПВЛ о Кие, Щеке и Хориве; о мести Ольги древлянам; о пирах Владимира; взятии Херсонеса; женитьбе Владимира на Рогнеде; единоборстве Мстислава с Редедей — как раз из устных преданий. Литературоведы находят остатки стихотворной формы в летописной передаче этих эпизодов.

Увы, даже былины ранних записей отстоят от текстов, бывших их первоосновой, лет на шестьсот-семьсот — слишком далеко. Для корректного воссоздания самой «былинной эпохи», периода княжения Владимира Святославича, они малопригодны.

Зато они дарят нам прекрасные сюжеты и передают неповторимый дух того времени.

«Храбр» использует былинные сюжеты, ровно по одной былине на повесть-эпизод, но смысл книги — реконструкция реальных событий. Для читателя, ранее не погружавшегося в мир Киевской Руси, картина, нарисованная автором, сама по себе может выглядеть довольно фантастичной.

Это яркий и очень непростой мир, где все говорят на нескольких языках, знают цену золоту и дружбе, побаиваются Бога, но опасаются мести старых богов. Мир, где работает разведка, готовятся диверсионные операции и задумываются сложные интриги. Там все священники — греки, варяги делятся на «наших» и пришлых, полуоружецов Илья Урманин стал русским в доску, а его

славянский оруженосец сделал себе прическу, как у Тараса Бульбы.

Но так ведь и было! Сказать больше? Из разоренного Херсонеса князь прихватил античные статуи и какую-то ритуальную квадригу — любил искусство. По приезде домой князь учредил в Киеве первую в нашей истории государственную школу. Упомянутая в «Храбре» Десятинная церковь несла 25 куполов! Она была больше киевской Ярославовой Софии и отделана как минимум не беднее. При раскопках нашли множество кусков мрамора (летопись даже называет этот храм «мраморным»), обломки мраморных ваз и капителей, куски яшмы, детали пола из разноцветных мраморов, куски стекол и крупного шифера. Остатки стоявшей рядом постройки, условно называемой «дворцом княгини Ольги», — двухэтажное кирпичное здание, в числе украшений которого найдены мрамор, красный шифер, мозаика, фрески, стекло. А ведь «дворец» был выстроен раньше Десятинной!

Киев еще разрастется, одних торжищ в нем будет шесть, счет церквей пойдет на сотни. Впрочем, на Бога надейся, а сам не плошай: житие Феодосия Печерского рассказывает о нападении на лавру боярина с дружиной — отец пытался вернуть убежавшего в монастырь сына.

Вырастет и политическое значение Киева. Он не был простым городом и до Владимира, как никак столица крупного государства, ведущего

активную внешнюю политику (переводя на русский — викингов боялись те, до кого наши не добрались). Насколько плотно Киев впишется в мировую политику, видно по родственным связям мятежного сына Владимира, некоего Ярослава Хромца. На период своего княжения Ярослав стоит в родстве с царствующими домами Англии, Франции, Германии, Польши, Венгрии, Византии, Скандинавии. Тесть Ярослава — инглинг Олаф Скотконунг. Одна дочь — королева Франции, другая — королева Норвегии. Внучка окажется замужем за императором «Священной Римской империи». Сын Ярослава Всеволод будет говорить на пяти языках и женится на греческой принцессе из дома Мономахов. Внук, знаменитый Владимир Мономах, будет женат на последней из англо-саксонских принцесс. Согласитесь, мощно.

Не все у Ярослава получится. Он попробует сменить греческого митрополита на русского, но ему помешают.

Зато чистокровный грек Никола Чудотворец усилиями наших иконописцев превратится в типично русского старичка, напрочь растерявшего исконные национальные черты.

Русь присвоила и «творчески переработала» не только греческого святого и греческую веру. Например, мореходную терминологию русы позаимствовали в основном тоже не от варягов, а от Византии. Но влияние было и обратным — сопре-

дельные народы брали полезный опыт Руси. Слово и понятие «закон» пришли в язык печенегов из русского. Из русского же проникли в венгерский слово «воевода» и все термины, касающиеся земледелия. Важный момент: изобретатель «кириллицы» Кирилл дал славянам алфавит, но не письменность. Есть свидетельства, что русы умели писать до кириллицы.

Таких занятных фактов можно привести множество, однако все они меркнут перед главным: тем, насколько четко и жестко было организовано само Древнерусское государство и сколь детально были расписаны его взаимоотношения с торговыми и военными партнерами. Впрочем, это уже другая, очень серьезная история, изучать которую интереснее самостоятельно.

Ах да, последнее, но не наименее значимое: неандерталец в роли Соловья-разбойника никакая не фантастика. Последняя массовая стычка людей с нелюдями зафиксирована тысячу лет назад на Оркнейских островах. Вас слово «орк» не наводит на размышления?

2. История, которую мы пишем

Автор и историк-консультант проекта стремились к предельной реалистичности. Это важно сейчас, когда фэнтези-миры, насквозь условные, заслоняют в обыденном сознании как реальный

древнерусский мир, так и его отражение — мир былин.

А ведь между «луком во двенадцать пуд да каленой стрелой в косу сажень» из былины и миф-риловой броней из фэнтези есть принципиальная разница. Первое — гипербола, художественное преувеличение, второе — фантастика, художественный вымысел. Былина — пограничный жанр между сказкой и реализмом, а фэнтези тяготеет к чистой сказке, хоть и строится обычно по канону рыцарского романа.

На первый взгляд былина и фэнтези близки: и там, и там — квесты, поиск артефактов, спасение персонажей, зачистка территории, накопление опыта... Но былина может обойтись вообще без волшебства, это не литература «меч и магии». И за редким исключением, былина отталкивается от реалий нашей истории.

Исключений три. Во-первых, есть скоморошьи былины-пародии, где типовой сюжет вывернут наизнанку, герои представлены полными идиотами, а текст едва не матерный. Во-вторых, встречаются поздние «авторские» былины, написанные сказителями XIX века, как правило, на сказочные сюжеты. В-третьих, есть «рекламные» былины, достоверность фабулы которых принесена в жертву прославлению калик или скоморохов.

В остальных случаях за былиной стоит некая правда жизни, пусть и в аляповатой упаковке.

При работе над «Храбром» попытка совмес-

тить былинные сюжеты и реалии Киевской Руси дала неожиданный результат. Казалось, былины будут сопротивляться заключению их в жесткие рамки историко-приключенческих повестей. Ничего подобного. Былина «Илья Муромец и Соловей-разбойник» вписалась в контекст эпохи великолепно и не потребовала вообще никакой модификации. Это, кстати, лишнее доказательство того, что в основе русского эпоса — оригинальные дружины песни.

Для контраста автор взялся за «Сорок калик со каликою», былину, стоящую особняком в «киевском цикле». Она дает яркое и богатое на детали описание «каличьего круга», своеобразной паломничьей дружины. В то же время это сугубо рекламный продукт, написанный каликами для прославления высокой нравственности калик, глубокой духовности калик, христианского смирения калик, — и исполненный брезгливого презрения к княжеско-дружинному строю. Как ни странно, даже такой сложносоставной текст не пришлось ломать об колено. Более того, автор тщит себя надеждой, что ему удалось отчасти сохранить бунтарский анархистский дух, присутствующий в «Сорока каликах».

Основные трудности подкрались с другой стороны.

С самого начала было решено, что книга об Илье Урманине должна в доступной и увлекательной форме дать читателям максимум достоверной

информации о былинной эпохе. В то же время следовало не переборщить с конкретикой, оставить ряд пробелов, чтобы читателю стало интересно заполнить их самому, обратившись к научной литературе по истории Киевской Руси.

При таких условиях «Храбр» может базироваться только на «конвенционных» источниках, то есть исследованиях, относительно которых в обществе (и сообществе историков) есть достаточное согласие.

Тут-то и началось самое интересное.

Оказалось, что для вящей убедительности автору придется несколько раз соврать! Не исказить факты, но спрессовать время и ввести условно реальные элементы — прямо как в былинах.

Например, уже по этой статье вы могли заметить, что князь основал государственную школу («училище для нарочитой чади» в «Храбре») сразу после осады Херсонеса, т.е. заметно раньше, чем Илья победил Солового. Но вбить в текст информацию о школе было необходимо, она важна для понимания процессов, разворачивавшихся тогда на Руси. Владимир глядел далеко вперед, ему требовалась образованная администрация, а в перспективе он хотел сменить греческое духовенство на русское. Не факт, что первая киевская школа была чисто духовной, полноценная семинария возникла позже, но для краткости автор совместил два события.

Беседа князя с преподобным Леонтием, но-

вым епископом Ростовским, тоже не могла состояться в описанное время — слишком рано. Насчет даты основания кафедры в Ростове данные расходятся, но есть сомнения, что князь говорил даже с предыдущим епископом, отцом Федором. Тем не менее этот разговор автор считает необходимым для текста штрихом. Между прочим, только четвертый епископ сумеет обратить Ростов к вере Христовой. А Леонтий примет мученическую смерть.

Целиком на совести автора подтверждение тезиса «Добрыня крестил Новгород огнем, а Путята мечом» (или наоборот?). Дело в том, что Начальная летопись¹, а следом за ней Новгородская первая и ПВЛ рисуют вполне мирную картину принятия городом христианства. Версия кроваво-огненного крещения Новгорода отражена в Иоакимовской летописи (вероятно, по устным преданиям). Если верить остальным летописцам, Русь крестилась вяло-равнодушно: ну, князь попросил, мы и того... Жестокая реакция наступит чуть позже —

¹ Начальная летопись — древнейший летописный свод, выделенный по материалам Новгородской первой летописи младшего извода виднейшим исследователем русского летописания А.А. Шахматовым. Это общерусская летопись второй половины XI века, служившая источником для ПВЛ работы Нестора. Местом создания Начального свода Шахматов считал Печерский монастырь и датировал его 1093 г. Но он выделил и предшествующий Начальному своду летописный памятник 1070-х годов, созданный монастырским писателем и переводчиком Никоном Великим. Основные выводы Шахматова по истории русского летописания сейчас несколько откорректированы, но в целом не потеряли значения и по сей день.

бунты под предводительством волхвов, массовые убийства христиан, карательные акции властей... Но насколько достоверны летописи? Строго говоря, слепо принимать на веру можно лишь один тип документа: официальный межправительственный пакт вроде договора Олега Вещего с греками. И то при условии, что это не позднейшая его перепись! Добавим, что восстание против киевских религиозных новаций вполне в духе Новгорода. И упоминания о волхвах исчезнут лишь через триста лет. И недалек тот век, когда на Руси крестьяне начнут бегать с кольями за «святыми отшельниками», догадываясь, что где сегодня скит, завтра встанет монастырь — добро пожаловать в крепостные.

Выдумка или, если хотите, додумка автора — «киевская застава». Нечто подобное могло существовать, но прямых исторических указаний на это нет. Как и заявлено в тексте, чтобы посовещаться, старшие дружинники должны были гонять «младших» из детинца. Но под боком у такого шебутного князя, как бросивший пить (в смысле, бросивший пить много) Владимир Святославич, любая деловая встреча рисковала привлечь его внимание и деятельное участие. От князя прятались, вопрос — куда.

Взят с потолка термин «ловцы». Надо было как-то их назвать, и это слово показалось автору наиболее адекватным.

Невнимательный или предвзятый читатель

«Храбра» может назвать преувеличенной роль варягов в описываемых событиях. Но если присмотреться, она такой лишь кажется. Варягов вроде бы много, однако все они давно и прочно обрусели. Это «наши варяги». Их влияние на культуру и фенотип русов заметно только на севере, в районе Новгорода и Старой Ладоги. Хотя, если уж резать правду-матку, тот же князь Владимир по жизни демонстрировал типично викингские закидоны — тащил под себя всё самое красивое, дорогое, престижное и раззолоченное, включая античные статуи, греческую принцессу Анну и православную веру.

Наконец, для тех, кто не интересовался раньше криптоzoологией, останется спорной прямолинейная трактовка образа Соловья-разбойника.

В остальном «Храбр» базируется, как и говорилось, на строго конвенционных источниках, выдержавших проверку временем, но еще не устаревших. Хозяйственные отношения и государственное строительство у русов даны по монографии «Киевская Русь» академика Б.Д. Грекова. Духовная составляющая — по «Истории русской церкви» видного советского религиоведа академика Н.М. Никольского. Фактически это учебники университетского уровня, служившие «основополагающими» много десятилетий (лично для меня отдельная ценность обоих авторов в том, что они занимали высокие посты в советской научной иерархии, но сформировались как ученые

еще в царское время). Общая атмосфера и все детали отношений Руси с Византией (в частности, эпизод бунта Георгия Цулы) почерпнуты из сборника текстов выдающегося русского византиста академика Г.Г. Литаврина «Византия, Болгария, Древняя Русь».

Это очень разные книги. Монография Грекова — обстоятельная, тяжеловесная, вдобавок еще и полемичная, набитая информацией под завязку. «История русской церкви» читается как приключенческий роман — ну, такая лихая история у русской церкви. Сборник Литаврина можно открывать с любого места, читать задом наперед, там даже не всегда поймешь, что интересней, основной текст или сноски. Кстати, именно византист Литаврин уделяет много внимания варягам — ведь они попадали в Византию через Русь.

Захотите — посмотрите сами.

3. Исторические анекдоты

Неожиданная подача материала, новый угол зрения, раскапывание малоизвестных подробностей — стандартный набор автора, пишущего книгу, претендующую на «открытие» или «свежий взгляд».

Проект «Храбр» открытиями похвастаться не может. Мы просто взяли множество давно известных фактов и вывалили их на читателя в таком же темпе, в каком их воспринимал житель Киевской

Руси. «Храбр» претендует не на свежий взгляд, а на погружение в атмосферу того времени.

Главный инструмент погружения — язык книги.

Словарный запас героев и самого автора намеренно урезан. Из текста вычищены термины, понятия и иноязычные заимствования, нехарактерные для Руси тех лет (хочется надеяться, что если не все до единого, то большинство). Вы не найдете в «Храбре» даже слова «лошадь» — тюркское «алоша» еще не успело войти в обиход.

Напротив, введены слова, вышедшие из употребления или замененные неологизмами. Автор старался, чтобы их не набралось слишком много. Смысл должен легко вскрываться интуитивно. Если стрелы носят в «туле», понятно ведь, что это колчан. Но «колчанов» тогда не было. Как и «богатырей».

Зато тогда была «задница». Цитируем Русскую Правду: «Аже смерд умреть без детии то задницию князю». Да, вы верно догадались — речь идет о движимом и недвижимом имуществе, отходившем князю по смерти бездетного смерда. Так что «отбить себе всю задницу о седло» персонаж «Храбра» не сможет, даже если очень захочет.

Пришлось отказаться от оборотов «встал рядом», «ехали рядом» — сейчас увидите почему.

Слов, сохранившихся до наших дней, но поменявших значение, немало. Скажем, под «людьми» тогда однозначно понимали свободных. Некоторые определения, касающиеся социального

статуса жителей Киевской Руси, до сих пор предмет дискуссии, но в общих чертах расклад следующий. Люди — свободные общинники (они же «рать»). Смерды принадлежат боярину или князю. Холоп — раб, возможно, добровольный и временный (как тиун или ключник). Рядовики трудаются по «ряду», т.е. найму. Закупы — за долги. Есть «изгои», те, кто выпал из схемы, — изгоем равно может стать купец-банкрот и княжич, оставшийся без удела (позже в страту изгоев попадут неграмотные поповичи). Челядь — обобщенное название тех, кто в услужении у кого-то.

Нежно любимый автором персонаж Дрошило, который в Киеве дрочит проволоку на кольчуги, как вы уже догадались, нечто вроде Яна Усмощенца или Никиты Кожемяки. В значительной степени из-за этого Дрошилы сорвалась журнальная публикация короткой версии «Храбра» — редакцию смущило имя. Хотя имя взято из летописи, и профессия совершенно реальная.

Ну, а «волот» в прямом переводе — великан.

Некоторыми оригинальными словами пришлось пожертвовать, дабы не перегружать мозги читателя. Например, обобщенное название булавы — «кий» — в текст никак не лезло. Оставили «булаву».

С той же целью автор отказался от принудительного «одревнерусивания» речи героев. Привести ее в полное соответствие с эпохой нереально — мы не знаем в точности, как тогда говори-

ли. А разбавлять реплики всякими «поелику» и «инда» просто смешно. Либо уж как по летописи: «Аще кто нейдет к нам, сами налезем себе князя!» (хотя не факт, что летопись корректно передает устную речь) — либо никак. Усеченного словарного запаса героев и пары-тройки характерных речевых оборотов вполне достаточно, чтобы читатель ощущил: персонажи думают совсем как мы, но есть некая трудноуловимая разница... Именно. Мы знаем много слов, но в целом недалеко ушли вперед по умственному развитию.

Второй слой текста — то, как выстроены отношения между героями. Например, панибратское обращение киевской знати с митрополитом отнюдь не выдумка автора. Греческое церковное начальство всячески наставляло своих «сотрудников на местах» быть как можно терпимее к властям предержащим. Между прочим, первому киевскому митрополиту был дан от Владимира город в вотчину. И Феодосиева обитель в XI веке владела несколькими селами, там сидела монастырская администрация, следила, чтобы смерды не отлынивали.

Размытый статус «старшей дружины» (вроде серьезные люди, а их просят слегка подраться) — тоже характерная примета того времени. Старшая дружина и правда старшая во всех смыслах. Это храбры, добывшие славу и высокое положение на службе у своих князей или перешедшие по наследству от отцов уже со всеми регалиями. «Стар-

шие» — опытные люди и в войне и в совете. Ими дорожат, с ними считаются. Они носят особое наименование: бояре, мужи (в княжеской дружине — княжи мужи). Из старших друдинников выделяются и командиры «воев», воеводы.

До заметной перемены в статусе «старших» осталось недолго — собственно, процесс уже идет. Начав свою жизнь членами княжеского двора на иждивении хозяина, друдинники постепенно обзаведутся вотчинами, «осядут на землю» и перестанут отличаться от местного родового боярства. Знать вырастет численно, будет при этом весьма самостоятельна и в конце концов подготовит раздробление государства. В усилении боярства важную роль сыграют именно друдинники, ставшие боярами. Люди, обладающие двойным авторитетом — блестящих воинов и богатых землевладельцев. Поскольку великий князь не был самодержцем, а детей, претендующих на личный удел, нарожал много — раскол страны останется лишь вопросом времени. Говоря современным языком, филиалы семейного предприятия Рюриковичей начнут откалываться от «мамы» — и в итоге окажутся беззащитными перед недружественным татаро-монгольским поглощением.

Среди видных членов киевской старшей друдины было немало варягов и полуварягов, но сам по себе институт друдины на Руси — не заимствованный у скандинавов, а местный. Друдины фиксируются у славян еще до IX столетия. Под

рукой Рюриковичей они превратятся в могущественные корпорации, объединяющие всю светскую власть. Они же, как сказано выше, примут самое деятельное участие в растаскивании Руси на уделы...

Знаковый персонаж — ключник княжего двора, высокопоставленный раб. Он говорит сам за себя («Холопья доля тяжкая...»). Добровольное холопство настолько особенная вещь, аналог которой трудно найти в истории других стран, что автору захотелось лишний раз обрисовать эту ситуацию возможно более выпукло.

Вообще социальные роли в ту пору были расписаны подробно, как никогда, а позже зафиксированы в Русской Правде. Помните знаменитый вопрос Ивана Васильевича, сменившего профессию: ты чьих будешь? Царь спросил, потому что не мог разглядеть — чьих. Это даже в его времена было сразу видно. А уж в эпоху князя Владимира на человеке было практически нарисовано, кто он и откуда. Показателем статуса служила, во-первых, сама одежда. Важную роль играла прическа (одним из наказаний была «позорная стрижка»). Детальная информация чаще всего передавалась узорами и знаками на одежде или головных и шейных украшениях (тех самых гривнах). За нелегальную примерку чужой социальной роли убивали так же быстро, как у индейцев за ношение вампума чужого племени. «Понятия» тех лет регламентировали всё. «Ничьих» не было. Либо воль-

ный, либо чей-то, либо изгой. Даже вольный был чей-то, ибо кому-то платил дань, принадлежал к некоему конкретному роду-племени, наконец, служил такому-то князю. К слову, в этом контексте совершенно естественным было зачисление ключниц и тиунов в холопы. Так человек официально становился глазами, руками, голосом хозяина. Вдобавок холопья доля резко снижала его коррумпированность... Но мы отвлеклись.

Третий слой «Храбра» — вещи. Оружие героеv, одежда, строения в Девятидубье, обстановка на княжем дворе и так далее. Поясняющей информации по вооружению в книге много, но пару слов добавить стоит. «Гирькой» звали кавалерийский кистень без рукоятки на прочном кожаном шнуре, весом обычно граммов две сти. Формы гирек были разными, материал — от кости до бронзы. «Кол в броне» — тяжелое двуручное скандинавское копье, предтеча нашей рогатины. Прозвище рогатины идет, вероятно, от «рогов» — крестовины на древке, мешающей зверю, насаженному на копье, цапнуть человека. Благодаря крупному широкому наконечнику с заточенными краями рогатиной можно не только колоть, но и успешно рубить. По распространенности на Руси с рогатиной соперничал лишь топор. Мечей (до XIII века строго импортных) было немного, умелых мечников и того меньше, сам меч был статусным оружием, недаром Илья носит его напоказ. Еще раз:

основная масса русов воевала топорами и рогатинами.

Многохвостая плеть Ильи Урманина (подарок Добрыни) перекочевала в текст прямо из былин, но это не значит, что она — мифическое оружие, совсем наоборот.

Лезвие «засапожных» ножей часто было кривым, образующим заметный угол с рукоятью.

Лук из туриых рогов — довольно спорная вещь. Тогда в ходу были составные деревянные луки, но как единичный экземпляр, «турий» лук вполне мог существовать. То, что он оказался у Ильи в руках, да еще и хорошо стрелял — дань былинам.

Нынешний спортивный лук с усилием натяжения 20 кг считался бы в те времена детским. Некоторые древнерусские луки требовали усилия до 80 кг, нормой было 40. Долгое выцеливание из такого тугого оружия невозможно, стреляли «на вскидку», точность попадания достигалась тренировками. Зато даже самый средненький лук обеспечивал гарантированный трехсотметровый бой.

Хватит про оружие, давайте о выпивке! Выдержанка «ставленного меда», которым угощали в богатых домах, могла исчисляться десятилетиями. Ничего общего с дешевой «вареной» медовухой этот напиток не имел, кроме исходного сырья.

Одежда героев приведена к реальной. Илья облачен как типичный норманн, что в походном, что в праздничном, включая такой атрибут, как

пижонский топор, отделанный серебряной проволокой.

Паломники, «калики перехожие», действительно получили свое прозвище от слова «калиги» («калиговки»). Прежде чем стать сандалиями, калиги были короткими сапогами римских легионеров.

Четвертый слой текста, в некотором роде не менее тонкий, чем речь героев, — как персонажи обращаются с вещами и смотрят на мир.

Похоже, для многих будет откровением то, что тетиву носили от лука отдельно, в поясном кошеле или специальной коробочке. Надевали ее непосредственно перед стрельбой, после сразу снимали. Подолгу носить лук с натянутой тетивой означало быстро ее угробить. За тетивой всячески ухаживали, особенно в зимнее время. Часто встречающаяся в псевдоисторических текстах «тетива из воловьих жил» была не в ходу, слишком легко вытягивалась. На самом деле плели тетиву из конского волоса или льняной нити, обрабатывали воском. У степняков особым шиком считалась тетива, сплетенная из волос пленных.

Когда Илья бросает в неандертальца булаву, а потом нож, он делает это в ситуации крайней необходимости. По идее русы могли неплохо кидаться топорами. Но вообще метать оружие — варяжская манера боя, ведущая свою родословную от стычек на воде. Викинги швырялись всем, вплоть до секир. Прежде чем метнуть копье, из него зачастую вынимали шип, крепящий втулку

наконечника к древку — чтобы оружие не «прислали» обратно тебе в лоб. Закинутый на изгородь топор мог служить дополнительной опорой при штурме. Но уточним: бросить топор — значит остаться без него. Схема боя могла быть следующей — метнули копья, сближаясь, метнули топоры, сошлись вплотную на мечах.

Смысл невероятной ширины брюк, которые носит Илья, не в том, что так ходить удобнее, а в количестве шелка, из которого они пошиты. С купца-банкрота могли натурально снять штаны в уплату долга. Помимо ювелирных изделий и штучного оружия главной привозной ценностью на Руси был именно шелк. По большим праздникам в киевскую уличную толпу бросали монеты и куски шелка. Русская девушка даже самого простого происхождения старалась заплести волосы шелковой лентой. Дальше к северу шелк дорожал баснословно, но настоящий викинг просто обязан был заработать на шелковую рубаху. Кстати, это еще весьма гигиенично.

Русы отличались чистоплотностью, один из важных пунктов договора с греками — разрешение нашим купцам на территории Византииходить в баню сколько захотят.

Русь активно участвовала в работорговле, но сама по себе рабовладельческим государством не была. Рабы никогда не становились на Руси основой производительных сил, напротив, большую массу трудящегося населения составляли смерды-

данники. Они сами могли держать рабов. Рабы вступали в браки с вольными, статус их детей мог быть разным и регламентировался Русской Правдой.

К слову, именно из смердов позже сформируется класс крепостных крестьян. Бояре и монастыри откроют на смердов настоящую охоту — тем с земли деваться некуда, значит, главное — получить эту землю в вотчину, и смерды твои.

Последнее, но важное. Автор надеется на понимание со стороны воцерковленных читателей. Рассказывать о перипетиях вхождения Руси в орбиту православного мира само по себе непросто. А делать это «политкорректно» и вовсе неразрешимая задача. Русь крестилась не раз — принятию веры на государственном уровне предшествовало, скажем так, «протокрещение», состоявшееся в дни Аскольда и Дира (один из них точно был христианином). И есть мнение, что Вещему Олегу эта культурная инициатива конунгов-самозванцев очень не понравилась. Короче говоря, все было непросто и не сразу. Со временем сформировался веротерпимый Киев, в котором даже после крещения невозможно представить избиение «латинян», аналогичное тому, что творилось на улицах Константинополя. Православная Русь пошла своей дорогой — путем неустанного духовного поиска, расколов, мученичества за веру... Вот и замечательно, что мы никого не копируем.

Строго говоря, автору в духовных вопросах бли-

же всего позиция Ильи Урманина: «Тяжел ли Гроб Господень и сильно ли его стерегут?»

Он ведь не для себя украсть святыню думает, верно?

Он просто считает, что все хорошее надо тащить домой, на Русь.

4. Гримасы истории

В XVIII веке В.Н. Татищев писал: «Я прежде у скоморохов песни старинные о князе Владимире слыхал, в которых жен его имена, тако же о славных людех Илье Муромце, Алексие Поповиче, Соловье-разбойнике, Долке Стефановиче и прочих упоминают и дела их прославляют». Быть может, во времена Татищева еще удавалось сыскать если не настоящих скоморохов, то кого-то, хранившего их искусство. Составленный примерно в те дни «Сборник Кирши Данилова» содержит много скоморошьих обработок былинных сюжетов и ряд «чистых» скоморошин.

Скоморохи были профессиональными артистами, музыкантами и певцами, их древнейшие изображения есть даже среди фресок киевской Софии XI в. Неизвестно, носили тексты скоморохов остросатирический характер с самого начала или приобрели его со временем. Именно сатира вызвала недовольство властей, и на певцов обрушились репрессии. Их уничтожили как класс. Ско-

морохов буквально раздавили в XVII веке совместными усилиями светских властей и церкви.

Параллельно со скоморохами по Руси ходили калики. В некотором смысле эти две группы конкурировали.

Скомороший репертуар, помимо классических былин, включал их вольные обработки, где русский эпос обыгрывался в пародийном, а то и издевательском ключе. Юмор скоморохов зачастую груб и примитивен, временами настолько, что пошлая нынешняя «эстрада» кажется на его фоне самой невинностью.

Калики специализировались на «духовных стихах» — устном варианте древней письменной литературы. В основе духовного стиха всегда книжный сюжет. Это легенды первых веков христианства, апокрифические сказания, евангельские и библейские темы. Также калики исполняли былины собственного сложения, а классические былины в их версии оказывались заметно переиначенены. Сохранилось упоминание варианта, где исцелить Илью Муромца вместо калик перехожих являются Христос с апостолами. Это типично духовная обработка былинной темы.

Так или иначе, былин, про которые можно уверенно сказать, что они записаны напрямую от скоморохов, в распоряжении ученых не было и нет. Основной массив русского эпоса (а он огромен, это тысячи стихов) почерпнут исследовате-

лями фольклора от крестьян, в меньшей степени от калик и в незначительной — от казаков.

Древнейшей фиксацией «русских эпических песен» считается запись текстов, почти современных воспеваемым в них событиям, сделанная для англичанина Ричарда Джеймса, жившего в России в 1619—1620 гг.

Собственно былин в рукописях XVII в. до нас дошло пять. Самый древний рукописный текст — так называемое «Богатырское слово» (полное название «Сказание о киевских богатырях, как ходили в Царьград и как побили цареградских богатырей и училили себе честь»).

Тексты XVII в. обычно рассматривают вместе с другими рукописными былинами XVIII и начала XIX вв. Старинных записей известно несколько десятков. Они излагают типовые былинные сюжеты (Сказание о семи богатырях; былина о Михаиле Потыке; Алеше Поповиче и Тугарине; Ставре Годиновиче; Михаиле Даниловиче; об Илье Муромце и Соловье-разбойнике); причем наибольшее количество рукописных текстов — вариации последнего сюжета. Эти записи былин сделаны не с научной целью, а, скажем так, для «занимательного чтения». Недаром они в своих заглавиях носят характерные для книжной традиции XVII—XVIII веков названия — «Слово», «Сказание» и «История». Читателями их были, судя по пометкам на рукописях, представители среднего и низшего класса указанной эпохи.

Серединой XVIII в. датируется сборник эпических песен, составленный «казаком Киршой Даниловым» для уральского заводчика Демидова. В сборнике 70 текстов. 26 из них были изданы в 1804 году; более научно и полно (хотя опять не целиком), под заглавием «Древние российские стихотворения», этот сборник издан в 1818 г. Серьезного научного издания с комментариями и дополнениями «Сборник Кирши Данилова» дождался лишь в начале XX века.

Собственно открытие богатств русского былинного эпоса падает на вторую половину XIX в. В 1861—1867 гг. вышли в свет «Песни, собранные П.Н. Рыбниковым» (224 былины), а в 1872 г. — «Онежские былины», записанные А.Ф. Гильфердингом (318 текстов).

Это стало полным откровением для фольклористов. Оба собирателя записывали былины в Олонецкой губернии, получившей название «Исландии русского эпоса». Заслуга этих собирателей — в их стремлении к максимальной точности записи, а также в наблюдениях над условиями жизни эпоса в устах северного крестьянства. Особенно велико значение сборника Гильфердинга, обратившего внимание на роль личности сказителей и расположившего материал не по сюжетам, а по сказителям. С тех пор этот метод расположения эпического материала (не только былин, но и сказок) стал обязательным требованием для научных сборников по русскому фольклору.

Довольно быстро удалось отследить происхождение и весь путь былин. Считается, что, зародившись в X—XII веках в княжеско-дружинной среде южной Руси, а также тесно с ней связанном Новгороде, героические — княжеские и дружинные — песни были после падения Киева и его запустения в начале XIII века перенесены в Галицко-Волынскую Русь и Русь Суздальско-Ростовскую. Там дружинная поэзия продолжала развиваться уже в условиях удельно-княжеского строя. Духовное сословие также создало обширный эпос. Слагателями и певцами этих былин были представители широко развитого в Древней Руси паломничества — калики-пилигримы. Одновременно в больших торговых городах, особенно в Великом Новгороде, главным образом в XII—XV вв., торговая буржуазия заказывала скоморохам свои новеллистические былины. Вся эта продукция предыдущих эпох, конечно, не без утрат и видоизменений, была принесена (видимо, через тех же скоморохов) в Московскую великокняжескую, а затем царскую и боярскую Русь (XV—XVII вв.).

«Боярская» былина достигает расцвета в XVI в. Именно ей мы обязаны модифицированным образом князя Владимира, подозрительно смахивающим на Ивана Грозного, «сафьяновыми сапожками» и развесистыми шапками героев. В целом антураж «княжего двора» из поздних былин совсем не киевский, а царско-московский.

С XVII в., особенно после истребления скомо-

рохов, былины окончательно «спускаются в народ», и к XIX—XX вв. их последними хранителями оказываются преимущественно северные крестьяне-сказители.

Столь запутанная и сложная история былин влекла за собой и социальную трансформацию их героев. Друдинник Илья в устах церковной среды делается под конец жизни монахом и даже киевским чудотворцем (да-да, вот и наш старый знакомый Илья «Сапожок» Печерский); в боярской среде Илья превращается в «старого казака», верного правительству; в казацкой — наоборот, Илья защитник и представитель «голи казацкой». Наконец, в устах северного крестьянства Илья — крестьянский сын «из города Мурома, села Карапчарова».

Похожей трансформации подвергся и облик друдинника Алеша Поповича. В светской и «демократической» среде его сословное прозвание «Попович» стало для Алеши роковым. Былой героический образ снизился до комического.

Невольно приходит мысль: как задумаешься над судьбой былинных персонажей, так и пропадет всякая охота совершать подвиги.

5. Рассказчики истории

В XIX веке главным хранителем былинного эпоса стал далекий и глухой Север. Немного былин удалось записать в северной и южной Вели-

короссии, Поволжье и среди русского казачества на Тереке, Волге, Дону и по Уралу. Следов бытования русских былин на Украине очень мало, былин в подлинном смысле там вообще записано не было. Чрезвычайно редкими оказались записи былин или сказок с былинным содержанием в Белоруссии. Тем не менее на основании некоторых исторических свидетельств (например, письма оршанского старосты Кмиты Чернобыльского от 1574 г. с упоминанием Ильи Муромца и Соловья Будимировича) фольклористы пришли к выводу, что былинный эпос был когда-то распространен на юге и юго-западе.

Лучше всего к эпохе научных записей (вторая половина XIX в.) былины сохранились в Олонецкой и Архангельской губерниях. Для этого было много оснований: удаленность Севера от политических и культурных центров, часто необычайная глушь заброшенных среди лесов и озер селений, отсутствие хороших путей сообщения. Сильно повлияло на сохранение былин наличие ряда промыслов, таких, как рыбный, для которого характерны длительные процессы плетения сетей или ожидания ветра на берегу. Да и лесорубы вынуждены были проводить долгие зимние ночи без дела в таежных избушках. Все это, вкупе с медленным проникновением в глушь грамотности, создавало вплоть до революции благоприятную обстановку для сохранения русского эпоса в его устном бытования. Свою роль сыграло и отсутствие на Севере крепостного права. Вместе с упорной борь-

бой за выживание это сформировало особый «северный характер» с его чувством достоинства, упорством в работе, смелостью и предприимчивостью. Былинные богатыри оказались близки и понятны сознанию «северовеликороссса».

Исполнение былин никогда не было на Севере профессиональным. Правда, сказителей нередко приглашали участвовать в рыбном промысле. Пение былин приравнивалось к самой работе, и сказитель получал равную долю с другими членами артели. Как тут не вспомнить варяжского скальда, задающего пением ритм гребцам!

Сказители обычно принадлежали если не к состоятельным, то к вполне крепким крестьянам. Бедняки среди них были редкостью, хотя именно из бедноты происходила Мария Кривополенова. Для запоминания и исполнения былин, по признанию северного крестьянства, требовалось обладание «особенным талантом».

Это действительно так. Каждое новое исполнение былины становилось актом творчества. Дело в том, что сказителю не обязательно заучивать былину наизусть, главное — запомнить сюжет и имена героев. Дальше помогают мнемотехники, заложенные в «тиpические запевы», и сам блочно-формульный принцип построения былины — если ты помнишь определенный набор формул, пой, не собьешься. Таким образом, сказитель избавлялся от необходимости держать в голове огромный массив текста. Но зато каждый раз он как бы заново собирал былину из множества го-

товых блоков. Он мог сделать ее короче, длиннее, динамичнее, медленнее, жестче, лиричнее... Сказитель мог все.

Справедливости ради отметим: традиционность былинного стиля, помогавшая сказителям, влекла за собой нечувствительность к смыслу выражений и оборотов. «Окаменелые эпитеты», употребленные по привычке, могли оказаться совсем не к месту. Типичные примеры: князь Владимир называется ласковым даже тогда, когда он весьма неласков; царь Калин своего же татарина зовет «поганым», а татарин, передавая грозное приказание князю Владимиру от имени своего повелителя, называет последнего «собака Калин царь».

Личность сказителя проявлялась не только в подборе репертуара, но и в трактовке характеров героев. У набожного сказителя и богатыри окажутся преувеличенно набожными; у сказителя-«книжника» в былину проникнут книжные обороты речи. Ясно, отчего в устах портного голова Идолища Поганого после удара Ильи Муромца стелает, «будто пуговица». Один сказитель подробно опишет наказания героев, другой обойдется с ними ласковее и т. д. Этим же объясняется, почему у двух сказителей, «понявших» (т.е. перенявших) былину у одного и того же лица, текст может иметь более или менее заметный индивидуальный строй.

Для «понимания» былин требовалась большая восприимчивость, обычно их запоминали в юные годы, но публичное исполнение былин молодыми

людьми было редкостью. «Сказывание» считалось делом людей «степенных», они обычно бывали стары (60—70 лет, иногда 80—100). Часто искусство сказывания былин переходило по наследству.

В 60-х годах XIX в., когда делали свои записи Рыбников и Гильфердинг, былинная традиция в Олонецком крае еще жила достаточно интенсивно, хотя и тот и другой собиратели предвидели ее скорый конец. В 1926—1928 гг. по тем же местам прошла экспедиция фольклористов братьев Соколовых. Они записали 370 былин от 135 сказителей и сделали неутешительный вывод: традиция быстрым темпом идет к полному вымиранию. Произошло явное измельчание репертуара, сказывание былин потеряло значение особого мастерства. Существенно изменился характер сюжетов: героические и фантастико-легендарные былины исчезали, гораздо большую популярность приобрели былины романтического и балладного характера, с семейно-бытовыми и любовно-драматическими сюжетами. Если Гильфердинг считал, что на Кенозере «как бы сам воздух пропитан былинной поэзией», то в 20-е годы XX века приходилось подолгу разыскивать стариков, знающих былины. Даже в глухом Олонецком крае ситуация вплотную подошла к тому положению, какое было отмечено в районах, теснее связанных с культурными центрами. Былинный эпос в крестьянской среде определенно и безвозвратно отмирал.

Новое время потребовало новых песен.

6. Конец истории

Трактовка исторических событий, отношение к ним — личное дело каждого. Но какую точку зрения ни выбери, одинок не окажешься. Всегда найдется сколько-то людей, придерживающихся того же мнения.

Даже ехидный вопрос: «А ты за красных али за большевиков?!» способен внести в общество разброд и шатания. Сейчас же появится некто компетентный и объяснит, что между красными и большевиками существенная разница. Действительно, на стороне «красных» сражались не одни большевики. И вот уже у нас есть две партии, ведущие яростную дискуссию о делах давно минувших дней.

Нечто подобное происходило не так давно, когда переругались «норманисты» и «славянофилы» (последняя точка в их споре не поставлена по сей день и не появится никогда). Ключевского не раз спрашивали, каково его мнение по этому поводу, но знаменитый историк отмалчивался. Только после его смерти был обнародован фрагмент из частной переписки, где Ключевский говорит, что полемика между норманистами и славянофилами есть проблема не столько историческая, сколько психиатрическая.

Вероятно, дело в том, что история сродни литературе. Есть ряд объективных критериев, по которым можно оценивать качество художественного текста, но выбор читателя всегда делается по

принципу «нравится — не нравится». То же с историческими оценками. Они могут быть железно логичны, но вот чувствуешь ты — что-то здесь не так. И все.

Когда дело касается трактовки истории, разумных вариантов поведения мало. Либо вы примете одну из готовых версий, либо выработаете особое мнение (как уже говорилось, у вас и тут найдется масса сторонников), либо вам все равно.

Вот хороший пример. Общеизвестно, что князь Владимир устроил нечто вроде «открытого конкурса на веру». К нему ходили представители разных конфессий, князь их выслушивал, отпускал изdevательские комментарии и слал прочь. Последним явился философ-грек, и его речь произвела сильнейшее впечатление на Владимира. Тот даже отправил специальное посольство оценить, столь ли красивы константинопольские храмы, как уверял философ. И Русь стала православной.

Так сказано в летописи и в житиях св. Владимира.

У неподготовленного читателя эта версия не вызывает особых сомнений — автор имел возможность многократно в том убедиться.

Более-менее подкованный человек задастся вопросом, с какой стати Владимир расспрашивал иудея и магометанина, если заранее было ясно, что эти «кочевнические» религии оседлая земледельческая Русь не воспримет (по восточным источникам, князь и правда интересовался мусуль-

манством, но быстро поставил на нем крест, простили за каламбур).

Тот, кто знаком с большим массивом древних текстов, сразу углядит в рассказе о «конкурсе» типичный «бродячий сюжет». Достаточно вспомнить «Письмо короля Иосифа», приписываемое некоему хазарскому кагану, — там описано аналогичное состязание священников. Разница лишь в том, что у кагана организован диспут, и побеждает в нем иудей.

А что думают наши «источники»?

Византинист Литаврин говорит, что это без сомнения легенда.

Грекову, эксперту по Киевской Руси, похоже, было все равно — он лишь небрежно заметил, что «летописец в драматизированной форме передает нам, как Владимир знакомился с разными верами. Факт этот вполне правдоподобен. Владимира окружали люди, исповедавшие еврейскую, магометанскую и христианские... религии».

А вот религиовед Никольский высказался предельно ясно: «Еще церковный историк Голубинский нашел мужество признать, что все рассказы как летописи, так и «жития» Владимира об обстоятельствах принятия христианства являются благочестивыми вымыслами, составленными на ранние византийские сюжетные мотивы, и не содержат ни одной крупицы исторической истины, кроме одного голого факта, что в 988 или 989 г. Владимир и его дружины приняли из Византии христи-

анство, которое и было объявлено официальной религией».

То есть мы знаем, что мы ничего не знаем.

Даже былины не могут пролить свет на этот вопрос, потому что былинная Русь уже христианская по умолчанию.

Но говоря по чести, какая нам разница, имела ли место «демонстрация религий» при дворе великого князя? Ведь как пишет тот же Никольский, «реформа Владимира была завершением процесса, начавшегося за сто лет до него».

И гораздо труднее обосновать, почему Русь могла НЕ стать православной, чем наоборот.

А летописи... Описание пресловутого «конкурса на веру» выглядит в ПВЛ следующим образом: ровно по абзацу на самопрезентацию «болгарам веры магометанской», «немцам» и «иудеям хазарским». А дальше идет так называемая «Речь философа» (греческого). Это огромный вставной фрагмент, резко отличающийся по стилю от остальной летописи, фактически взламывающий ее сухую емкую структуру. Текст «Речи» настолько подробен, будто летописец стоял у Владимира за спиной, ловил каждое слово князя и священника на лету — и с бешеною скоростью стенографировал. Вдобавок этот текст красив, в нем чувствуется давняя выверенность. Понятно, что его либо откуда-то скопировали, либо очень долго правили.

В действительности «Речь» ведет свою родословную, скорее всего, от краткой версии христианской священной истории, написанной специ-

ально для двора Владимира неким выходцем из Византии. Затем она попала в Древний свод, оттуда в Начальную летопись и далее в ПВЛ.

Но означает ли этот откровенный рекламный трюк, что никаких дискуссий о религии при дворе Владимира не было вовсе?

Разумеется нет.

Что же нам думать об эпизоде, которому в летописях отведено столько места? А что угодно. Можно присоединиться к мнению одного из авторитетных историков. Или принять точку зрения нынешнего большинства, что это голая легенда. Можно, наконец, выбрать ортодоксально-православную версию — что так оно и было. Мы снова оказываемся в ситуации выбора по принципу «нравится — не нравится»...

А вот еще история про историю.

Придя в Киев в 1113 году, Владимир Мономах нашел там летопись, составленную монахом Феодосиевой обители Нестором. Это был исходный вариант ПВЛ. Чем именно летопись не понравилась князю, мы уже не узнаем. Похоже, Мономах не одобрял деятельность лавры вообще и черноризца Нестора отдельно — из-за благоволения к предыдущему князю. Мономах решил не просто отредактировать рукопись, он вообще изъял ее и передал в Выдубицкий Михайловский монастырь. И игумен монастыря Сильвестр сделал знаменитую ПВЛ такой, какой она нам известна. С задачей справился хорошо, ибо был за это поставлен епископом в наследственный город князя Пере-

яславль. А имя Нестора-летописца было надолго стерто из истории, его запретили упоминать, и не окажись Господь справедлив к монаху, он так бы и остался навеки анонимным «черноризцем Феодосиевой обители».

Ах, как все это некрасиво? Как похоже на лживый ХХ век? Но давайте разберемся, при каких обстоятельствах произошло вокняжение Мономаха. Киевляне призвали его, будучи в истерике. Лихорадило не только Киев — всю Русь тряслось. Перед Мономахом стояла сложнейшая проблема: заново консолидировать страну и по возможности закрепить это достижение.

Мономах был не просто образованным и мудрым политиком. Он был еще и литератором, прекрасно зная силу текста.

Он стал продюсером ПВЛ — самого успешного и «долгоиграющего» гуманитарно-технологического проекта в истории нашей родины. Обновленная ПВЛ должна была дать всем понять, что централизованная власть — благо, любые усобицы ведут к ослаблению Руси, и тому в прошлом множество примеров.

Как писал академик Греков, «через его [Сильвестра] труд красной нитью проходит борьба с сепаратистскими тенденциями феодальной знати, стремление укрепить единство Русской земли, внедрить в сознание феодалов необходимость подчинения Киеву и киевскому князю».

Благородная задача, главное — отражающая объективную действительность на тот момент!

Увы, из летописи пришлось убрать немало скользких мест. Ведь не всегда народ бунтовал и подручные пытались отложитьсь от Киева, потому что им кроме этого больше нечего было заняться.

Сильвестр много работал с разными летописями, включая Новгородскую. Но в ПВЛ нет, например, ни слова о насилии, творимом варягами в Новгороде и ставшем причиной бунта. А вот о том, какая благодать наступила, когда бунтовщики склонились перед варягами, — есть. И якобы все было тихо-мирно на Руси аж до конца XI века, пока вновь не начались «рать и усобица» — но когда призвали Мономаха, снова воцарился порядок.

Грубо говоря, задачей отредактированной ПВЛ было утверждение примата Рюриковичей над всем, включая даже — если придется — логику. Ряд позиций ПВЛ на момент написания был весьма спорен, но уже через полвека-век некому стало рассказать, где там что натянуто, а что вырезано.

Думается, несправедливо осуждать Мономаха и Сильвестра. Их мотивы понятны. И труд их велик. Это ведь тяжелое решение и непростая работа — перекроить прошлое родины на «политически верный» фасон.

Владимиру Мономаху удалось оттянуть распад Руси лишь недолго. Уже при его сыне Мстиславе центростремительные тенденции стали брать верх. Но редактированная ПВЛ продолжает жить, остается великим литературным памятником, а для историков — объектом пристального изучения по сей день.

Политтехнологические опыты Мономаха не могли защитить страну от грядущих бурь. Эпоха единой Киевской Руси безвозвратно уходила, о ней вспоминали с горечью авторы Слова о полку Игореве и Слова о погибели земли Русской.

О тех славных временах по сей день тоскуют былины.

Каждый отдает дань памяти нашей героической эпохе как может. Вы заметили, наверное, что в «Храбре» все князья, кроме «конунга Хельге», взятого за точку отсчета, безымянны. На самом деле это невинная и слегка наивная уловка. Автор надеется, что отсутствие имен у князей сподвигнет отдельных читателей взяться в поисках разъяснений за книги по истории Руси. И, быть может, надолго погрузиться в них.

Автор надеется.

Говорит Святогор да таковы слова:

— Ах ты, меньшой брат да Илья Муромец,
Видно, тут мни, богатырю, кончинушка,
Ты схорони меня да во сырь землю.
Ты бери-тко моего коня да богатырского,
Наклонись-ко ты ко гробу ко дубовому,
Я здохну тиби да в личико белое,
У тя силушка да поприбавится.

Говорит Илья да таковы слова:

— У меня головушка есть с проседью,
Мни твоей-то силушки не надобно,
А мни своей-то силушки достаточно;
Если силушки у меня да прибавится,
Меня не будет носить да мать сырь земля.
И не наб мне твоего коня да богатырского,
А мни-ка служит верой-правдою
Мни старой Бурушка косматенький.

*Тута братьица да распостилиси,
Святогор остался лежать да во сырой земли,
А Илья Муромец поехал по святой Руси,
Ко тому ко городу ко Киеву,
А ко ласковому князю ко Владимиру.
Рассказал он чудо чудное,
Как схоронил он Святогора да богатыря
На той горы на Елеонский.
Да тут Святогору и славу поют,
А Ильи Муромцу да хвалу дают,
А на том былинка и закончилась.*

Список литературы:

- Греков Б.* Киевская Русь. М.: ACT, 2004.
- Никольский Н.* История русской церкви. М.: ACT, 2004.
- Литаврин Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб.: Алетейя, 2000.
- Былины. / Вступ. ст. В.Калугина. М.: ТЕПРА-Книжный клуб, 1998.
- Начальная летопись. // Пер. с древнерусского языка и научный комментарий С.В.Алексеева. М.: Историко-Просветительское Общество, 1999.

Содержание

Часть 1. ХРАБР	7
Часть 2. ЗАПАС УДАЧИ	137

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. ВСЕ ИМЕНА ИЛЬИ МУРОМЦА	269
Приложение 2. МИР БЫЛИН И МИР ЛЮДЕЙ	305

Литературно-художественное издание

Дивов Олег Игоревич

ХРАБР

Издано в авторской редакции
Ответственный редактор Д. Малкин
Художественный редактор А. Сауков
Технический редактор О. Куликова
Верстка С. Кладов
Корректор Л. Зубченко

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника Александра Свербуга

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литер «Е». Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.

Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.
Информация о канцтоварах: www.eksmo-kancl.ru e-mail: kancl@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Подписано в печать 24.10.2006.

Формат 84×108¹/32. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 18,48.
Доп. тираж 7100 экз. Заказ № 4899.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

СЕРИЯ

«РУССКАЯ ФАНТАСТИКА»

ЛУЧШИЕ РОМАНЫ
СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ-ФАНТАСТОВ!

НОВЫЕ РОМАНЫ 2006 ГОДА

«Городская фэнтези – 2006»

Роман Глушков «Клетка без выхода»

Александр Громов «Первый из могикан»

Евгений Гуляковский «Красное смещение»

Владимир Добряков «Час совы» и «Сумеречные миры»

Алексей Евтушенко «Отряд», «Отряд-2» и «Отряд-3»

Михаил Кликин «Личный друг бога»

Олег Макушкин «Иллюзия»

Роман Папсueв «Правитель мертв»

Андрей Плеханов «Бессмертный мятежник» и «Лесные твари»

СЕРИЯ

РУССКИЙ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

Прими у
в космических в

Лучшие фантастические боевики
современных отечественных
фантазий!

ТАКЖЕ В СЕРИИ В 2006 ГОДУ:

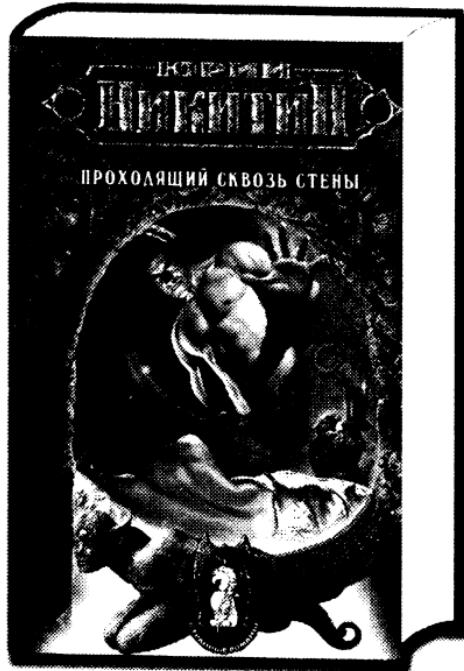
АЛЕКС ОРЛОВ «Штурм базы», «Испытание огнем», «Дорога в Амбейр», «Застывший огонь»
и другие книги непревзойденного мастера фантастического боевика.
ЕВГЕНИЙ ГАРКУШЕВ, АНДРЕЙ ЕГОРОВ «Космический капкан»
ЕВГЕНИЙ ГУЛЯКОВСКИЙ «Сезон туманов», «Меч Прометея», «Часовые вселенной»,
«Игры шестого круга», «Затерянные среди звезд»
АЛЕКСАНДР ДИХНОВ «Три луны Кертории», «Один мертвый керторионец»
ОЛЕГ МАКУШКИН «Кристаллическая решетка»
ЮРИЙ НЕСТЕРЕНКО «Пилот с границы»

ЮРИЙ НИКИТИН

НОВЫЙ РОМАН
от автора легендарного цикла
«ТРОЕ ИЗ ЛЕСА»!

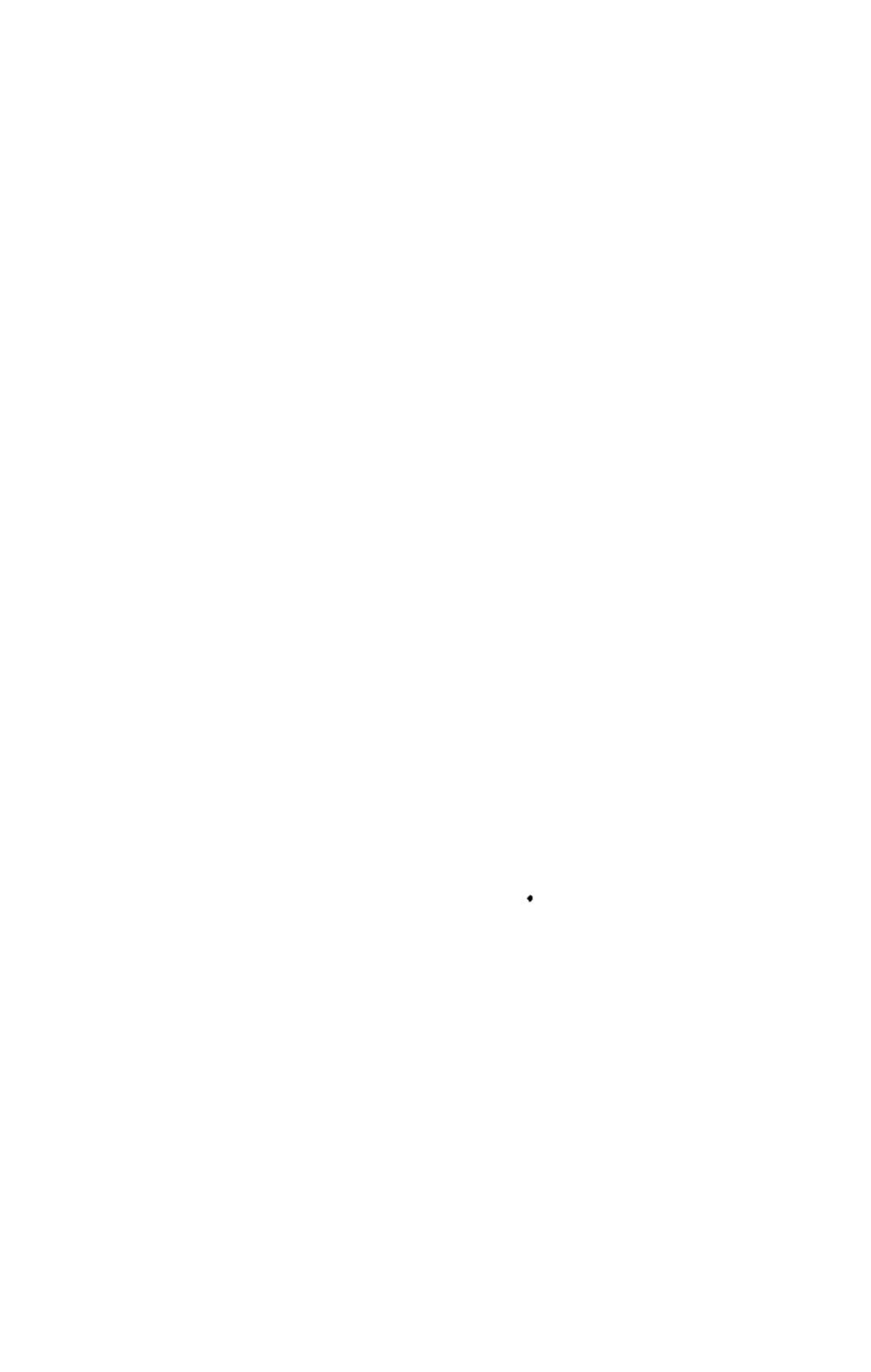
ПРОХОДЯЩИЙ СКВОЗЬ СТЕНЫ

www.nikitin.wm.ru
www.eksmo.ru

Он старательно качался в спортзале, потреблял препараты, наращивая мускулы, как все мы, питался модифицированными продуктами. И однажды ощущил, что рука погружается в бетонную стену, словно в мягкую глину...

Также в 2006 году вышли новые романы мастера:
«Трансчеловек», «Последняя крепость»,
«Возвращение Томаса»

У этого романа нет аналогов.
"Храбр" увлекает и развлекает,
но по нему можно всерьез изучать
историю. Это жесткая
психологическая проза, но
в основе ее – былинные сюжеты.
А фантастические с виду эпизоды,
по словам автора, вполне
реалистичны. И наконец сам герой.
Оживив мифическую фигуру,
Олег Дивов вводит ее
в нашу культуру заново – уже в
совершенно новом качестве.

"Самое фантастическое у
Дивова – запредельная крутизна
персонажа по имени Олег Дивов", –
писала "Литературная газета" в
2001 г. С тех пор Дивов
многократно подтвердил это.
Стал одним из самых
титулованных российских
фантастов и заслужил славу
самого непредсказуемого.
Теперь он создал книгу, жанр
которой нельзя определить.
Назовем ее просто – роман,
который читается заново.

ISBN 5-699-18663-8

9 785699 186631 >